

МВД России  
Санкт-Петербургский университет

*В. Г. Трифонов*

**ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОЕ УКРЫВАТЕЛЬСТВО  
ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НЕСООБЩЕНИЕ О НИХ  
КАК ВИДЫ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ**

Монография

Санкт-Петербург  
2017

УДК 343.7/9  
ББК 67.308  
Т 67

**Трифонов В. Г.**

**Т 67** **Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению:** монография. — СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. — 148 с.

В монографии исследуется прикосновенность к преступлению как институт уголовного права и анализируются понятие и виды прикосновенности к преступлению; проблемы криминализации прикосновенных деяний; вопросы отграничения прикосновенности от соучастия; объективные и субъективные признаки заранее не обещанного укрывательства преступлений и несообщения о них. В работе использованы нормативные акты, судебная практика и постановления пленумов Верховного Суда РСФСР и Российской Федерации, иллюстрирующие особенности квалификации прикосновенных деяний. На основании проводимого исследования выдвигаются предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации в части, касающейся ответственности за прикосновенность к преступлению.

Предназначена для курсантов и слушателей, изучающих курс «Уголовное право», адъюнктов и аспирантов, преподавателей, а также может быть интересна сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющих правоприменительную деятельность.

**УДК 343.7/9**  
**ББК 67.308**

**Рецензенты:**

**Соломоненко И. Г.**, кандидат юридических наук, доцент  
(Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России);

**Бельский А. И.**, кандидат юридических наук  
(Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина)

© Санкт-Петербургский университет  
МВД России, 2017

## СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ .....	9
§ 1. История развития института прикосновенности в уголовном законодательстве .....	9
§ 2. Понятие прикосновенности .....	26
§ 3. Общая характеристика прикосновенности к преступлению....	46
ГЛАВА 2. ВИДЫ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ ..	63
§ 1. Заранее не обещанное укрывательство .....	63
§ 2. Несообщение о преступлении .....	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	128
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	134

## ВВЕДЕНИЕ

Современная криминогенная обстановка в стране, рост числа совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений, доля которых в общем объеме уголовных деяний давно превысила 50 % рубеж, не может не вызывать тревогу за будущее России как государства. На этом фоне крайности законотворческой деятельности вызывают негативную оценку не только со стороны ученых, юристов-практиков, представителей правоохранительных органов, но и со стороны простых законопослушных граждан.

К отрицательным моментам такой деятельности следует, в частности, отнести недооценку влияния на результаты борьбы с преступностью поведения прикосновенных к преступлениям лиц, будь то укрыватели, попустители или недоносители. Следствием подобного отношения является частичная декриминализация укрывательства преступлений или преступников, упразднение уголовной ответственности за несообщение об общественно опасных деяниях и игнорирование попустительства преступлению как самостоятельного уголовного правонарушения.

В последнее десятилетие, с учетом происходивших изменений в законодательстве и известного отношения к указанным деяниям, факты привлечения к уголовной ответственности за их совершение стали носить единичный характер.

С принятием УК РФ круг прикосновенных лиц, подлежащих уголовному преследованию, был ограничен виновными, совершившими заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ).

Количество уголовных дел связанных с прикосновенностью к преступлению невелик. Будет, по меньшей мере, неоправданно считать, что малое число уголовных дел — это следствие фактического снижения числа совершаемых прикосновенных преступлений. Нельзя исключать существование латентных деяний, оставшихся вне поля зрения правоохранительных органов по разным причинам, к которым, в первую очередь, следует отнести неспособность отдельных представителей следственных органов верно квалифицировать поведение отмеченных лиц, пренебрежение положениями норм УПК РФ, требующих всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Деяния прикосновенных причиняют ощутимый вред общественным отношениям в сфере отправления правосудия, так как создают серьезные препятствия своевременному пресечению готовящихся,

раскрытию совершенных преступлений и привлечению к ответственности виновных, а порой эти задачи становятся вовсе невыполнимыми. Материально-технические и кадровые трудности, испытываемые сегодня оперативно-розыскными и следственными подразделениями, требуют использования всех возможных средств воздействия на раскрываемость преступлений. Уголовная ответственность за прикосновенность (благоприятствование<sup>1</sup> преступлению) в форме укрывательства преступлений и несообщения о них — одна из таких мер, имеющая к тому же огромное общепреventивное значение.

Большинство опрошенных граждан убеждены в существовании уголовной ответственности за несообщение о преступлении и в наличии в УК нормы, предусматривающей наказание за укрывательство. При этом практически половина из них указывает на необходимость уголовного преследования за эти деяния. Проведенное анкетирование в группе сотрудников правоохранительных органов привело к аналогичным результатам.

В доверительных беседах с людьми не раз приходилось слышать слова, отражающие возмущение фактом безнаказанности лиц, не сообщивших о преступлении. Собеседники часто вспоминали трагические события в Москве, Волгодонске и других городах, где от террористических взрывов погибли сотни мирных граждан. Они искренне недоумевали, что несообщение об известных виновных, совершивших подобные злодеяния, не является преступлением и достойно лишь морального осуждения. Сегодня, однако, данный пробел отчасти устранен введением ответственности за несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ).

Неоправданная декриминализация исследуемых видов прикосновенности ощутимо снижает авторитет государства в глазах законопослушных членов общества, понимающих, что восстановление социальной справедливости в этих условиях становится часто целью недостижимой ввиду возможного уклонения от наказания лица, виновного в основном преступлении, «благодаря» содействию со стороны прикосновенных лиц. Нельзя забывать и о пострадавших от преступлений в этих случаях, чьи законные интересы и интересы их близких могут остаться нереализованными.

Интерес данной темы еще и в том, что требуется реанимировать значимость прикосновенности к преступлению как института уголовного права, обладающего сугубо специфическими признаками, выделяю-

---

<sup>1</sup> Этот термин, как синоним прикосновенности часто использовался дореволюционными криминалистами.

щими формы прикосновенного поведения в отдельную группу общественно опасных проявлений. До сих пор в науке нет единого подхода в вопросе о круге деяний, которые следует включить в общее понятие прикосновенность. Нерешенность данной теоретической проблемы ведет к противоречиям в практической деятельности, и как следствие этого — привлечение к ответственности невиновных, юридически неверная квалификация и т. д.

Многие представители отечественной уголовно правовой науки пошли сегодня по пути признания лишь тех положений, которые закреплены в действующем Российском уголовном законодательстве. Соответственно, в рамках курса уголовного права, как учебной дисциплины предаются забвению вопросы, не нашедшие своего отражения в Уголовном Кодексе РФ, но не потерявшие от этого своего значения. Речь идет о неоправданном упразднении теоретических положений, раскрывающих смысл понятия «прикосновенность к преступлению» и определяющих формы его выражения. Свидетельством этому служат учебные пособия по уголовному праву, вышедшие в свет в последние годы. В их числе преобладающее место занимают издания, напоминающие различные варианты научно-практического толкования действующего закона, что ограничивает кругозор будущих специалистов в области юриспруденции лишь рамками знания о конкретном нормативно-правовом акте, в то время как последний, благодаря меняющимся научным взглядам и жизненным условиям, зачастую дополняется новыми нормами, а в определенных условиях претерпевает полное обновление.

Сказанное выше послужило серьезным основанием пересмотреть отношение к деяниям прикосновенных, с учетом имеющихся наработок в этой области выдвинуть новые предложения, которые, как представляется, имеют не только научное, но и важное практическое значение. Последнее приобретает особый смысл в условиях бурной законотворческой деятельности.

Проблемы прикосновенности к преступлению не раз становились объектом пристального внимания криминалистов. Еще в 19-м и в начале 20-го столетия свои взгляды по данному вопросу высказывали такие видные ученые как, например: Н. С. Таганцев, Н. А. Неклюдов, Л. С. Белогриц-Котляровский, А. Ф. Кистяковский, В. Д. Спасович, А. В. Лохвицкий, Л. Е. Владимиров, Г. Е. Колоколов, А. С. Жиряев, Н. Полетаев, И. Я. Фойницкий, Н. Д. Сергеевский и др. Наряду с русскими криминалистами того периода над этой проблемой работали также зарубежные юристы, в частности: А. Фейербах, Титман, Штюбель, Клейншрод, Гефтер, Бури, Гуго-Мейер, Вильнов, Зандер, Франц Лист.

В послереволюционное время интерес к теме проявляли Э. Я. Немировский, С. В. Познышев, А. А. Пионтковский, Б. С. Утевский, А. Н. Трайнин, И. Лаптев, М. Д. Шаргородский. Отношение к данному институту уголовного права отражено в трудах А. Я. Вышинского, Р. А. Хрулинского-Бурбо, П. Г. Мишунина, В. Д. Меньшагина, З. А. Вышинской, М. Меркушева, Г. А. Кригера.

Трудно переоценить вклад, который внесли в разработку фундаментальных вопросов прикосновенности В. Г. Смирнов, Б. Т. Разгильдиев, И. А. Бушуев, Г. И. Баймурзин, М. Х. Хабибулин, Г. Б. Виттенберг, П. Н. Панченко, Э. Раал и ряд других советских ученых.

Серьезные исследования в этой области провели М. И. Ковалев, Н. А. Носкова, Г. М. Шур, Н. Р. Радунцева, А. С. Омаров, П. К. Евдокимов, Л. В. Лобанова. В их диссертационных исследованиях содержатся интересные, в научном и практическом смысле, выводы и предложения, касающиеся отдельных видов прикосновенности к преступлению.

На позицию автора по ряду вопросов ошутимое влияние оказали суждения Б. В. Волженкина, Н. Ф. Кузнецовой, Н. С. Косяковой, Р. М. Акутаева, В. Б. Малинина, Д. С. Лихачева, А. Б. Сахарова.

Юридический аспект отдельных видов преступлений интересующей нас группы затронут в трудах таких известных зарубежных авторов, как, например: К. Кенни, Кинсаку Сайто, Рикардо Нуньес, Франц Маркус, Ганс Феликс Пффенингер.

Можно и дальше продолжить перечень имен ученых, чьи усилия по исследованию данной проблемы были не напрасны. Казалось бы, о прикосновенности к преступлению сказано все, выдвинуты все возможные предложения и идеи, но это лишь на первый взгляд. Остались нерешенными и остродискуссионными не только вопросы, затрагивающие характеристику всего этого института в целом, но и вопросы, касающиеся уголовно правовой оценки отдельных видов прикосновенности к преступлению.

В качестве объекта исследования выступает социальный феномен прикосновенности к преступлению, а также формы его проявления как факт общественно опасного поведения граждан.

В свою очередь предметом анализа выступают уголовно-правовые нормы, содержащиеся как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве, в которых раскрываются признаки отдельных видов прикосновенности к преступлению. Наряду с этим, предметом исследования являются нормативные акты России в сфере правоохранительной деятельности, материалы судебно-следственной практики, научные публикации и монографии по исследуемым вопросам.

Главной целью исследования является комплексный анализ прикосновенности к преступлению и, как следствие этого, разработка научно-обоснованных рекомендаций и предложений по совершенствованию законодательного регулирования ответственности за подобные общественно опасные деяния.

Теоретическая значимость исследования прямо или косвенно была уже обозначена выше, поэтому следует лишь отметить, что выдвинутые в результате проведенной работы предложения обогащают науку новыми идеями, реанимируют значимость института прикосновенности в уголовном праве, а значит, и в криминологии. Кроме того, решение исследуемых проблем является важным условием верной, научно обоснованной квалификации преступлений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные в исследовании положения и рекомендации могут быть использованы:

— в законотворческой деятельности при решении вопросов по совершенствованию нормативной базы;

— в профилактической и правоприменительной деятельности правоохранительных органов;

— и, конечно же, в преподавании курсов: «Уголовное право» и «Криминология».

# ГЛАВА 1

## ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

### § 1. История развития института прикосновенности в уголовном законодательстве

Прикосновенность как понятие, как имя роду, возникло лишь в прошлом столетии, хотя отдельные группы деяний, относящиеся к данному институту, присутствовали в законах уже древнеримских. Так в них в качестве обособленного преступления предусматривалась наказуемость укрывателей краденых вещей, которые по общему правилу несли ответственность наравне с исполнителями основного преступления. В римском праве укрыватели считались соучастниками и представляли собой особую группу последних. Уместно в этой связи привести следующее положение: «Одинаковое преступление — похищать вещь и похищенную вещь укрывать (*par crimen est rapere et rem raptam servare*)»<sup>1</sup>. Недоносительство было наказуемо лишь в отношении некоторых наиболее тяжких преступлений, и как преступление стало рассматриваться только в поздний период существования Римской империи.

В положениях древне-немецкого права прикосновенные лица наказывались наравне с главными виновниками, причем в качестве преступников интересующей нас группы упоминались укрыватели краденого и награбленного и пристанодержатели воров. Как утверждал Н. С. Таганцев, при этом «не было установлено никаких точных отношений между ними и участниками». Напротив, Л. С. Белогриц-Котляровский считал, что прикосновенные в древне-германском праве относились к соучастникам<sup>2</sup>.

Анализ зарубежного законодательства дает основание считать, что прикосновенные вошли в группу соучастников как вид пособников или как «особый тип участников» под влиянием итальянских юристов. Австрийский УК 1769 года (Терезиана) признавал их не участниками в полном смысле, а виновниками в «особом преступлении», что относилось не только к укрывателям, но и к попустителям и к недоносителям. Отношение законодателя к такого рода деяниям можно выразить следующим тезисом из §3 102 главы закона: «Нет ни-

---

<sup>1</sup> См.: Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 137.

<sup>2</sup> См. подробнее: Белогриц-Котляровский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1903. С. 222.; Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1-я, выпуск III и последний. СПб., 1874. С. 121.

какого сомнения в том, что воры, разбойники и другой преступный сброд могут легче и более дерзко совершать преступление, если они обеспечены тайным убежищем, где они могут укрыться сами и укрыть наворованное добро от законного преследования и затем перейти к совершению новых преступлений». Н. С. Таганцев указывает, что в противоположность Терезиане по постановлениям Баварского Уложения 1813 года недоносители о готовящемся преступлении и попустители были признаны участниками «3 разряда (§78)» и лишь укрыватели указаны отдельно, хотя они тоже считались категорией соучастников. В законе укрывателем признавался тот, кто скрывал виновного, принимал его у себя, оказывал ему всяческое содействие при побеге и в уничтожении следов или доказательств преступления, а также тот, кто заведомо принимал, скрывал и покупал вещи, добытые преступным путем. Укрывательство, обещанное до совершения преступления, признавалось одним из видов пособничества<sup>1</sup>.

Таким же образом решался вопрос в отношении этой группы деяний в других кодексах того периода (Саксонский 1855 года §61–71; Баварский 1861 года §58–65 и др.).

Положения общей части Австрийского кодекса 1852 года включали нормы об укрывательстве следующего содержания: укрыватель отвечает не за то преступление, которое он укрывает, а за самостоятельное, как на то будет указано в особенной части (§6). При этом нормы о попустительстве и недоносительстве были предусмотрены только в особенной части (§214, 217, 220 и др.). Другой кодекс — Прусский (§37, 39) — в общей части, в разделе о соучастии предусматривал положения о недонесении о готовящемся преступлении и об укрывательстве преступника.

Следующая группа уложений, к которым относятся общегерманское уложение, венгерское, голландское, итальянское, в сравнении с ранее указанными не предусматривали норм о прикосновенных в общей части, а образовывали из них «особые группы преступлений» особенной части. Это подтверждается не только исследованиями Н. С. Таганцева, но и выводами других авторов<sup>2</sup>. Например, Германский кодекс 1871 г. в особенной части, в разделе о преступлениях и проступках против общественного порядка в ст. 139, устанавливал ответственность

---

<sup>1</sup> См.: Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев. 1882. С. 613.

<sup>2</sup> См., напр.: Белогриц-Котляровский Л. С. Указ. соч. С. 222–223; Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 122; Кистяковский А. Ф. Указ. соч. С. 610, 613.; Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 164.

за недонесение о готовящихся тяжких преступлениях, причем, если преступление или покушение на него было действительно выполнено, то недонесший подвергался наказанию в виде тюремного заключения на срок до 5 лет. В другом разделе закона в ст. 257–264 говорилось об укрывательстве преступника или следов преступления, или содействии в пользовании результатами преступления, а также в качестве квалифицированного деяния предусматривалась ответственность за совершение тех же действий из корыстных побуждений, причем укрывательство по общему правилу германского кодекса было наказуемо в следующих случаях: 1) оно должно относиться к преступлениям и проступкам, а не к полицейским правонарушениям; 2) должно состоять в реальном оказании содействия сокрытию преступника; 3) укрывательство должно быть оказано одному из совиновников (соучастников); 4) действия должны быть умышленными, хотя и без специального знания того преступления, которое скрывается, так как это влияет лишь на меру ответственности. Интересно, что все эти деяния, хотя и находились в соотношении с главным преступлением, в то же время носили самостоятельный характер и допускали применение правил о совокупности в случае совпадения укрывательства и соучастия в одном лице. А недонесение о совершенном преступлении наказывалось только в том случае, если виновным было должностное лицо, нарушившее этим свои специальные обязанности<sup>1</sup>.

Особо следует остановиться на анализе положений Французского кодекса 1810 года, нормы которого близко подошли к оценке деяний прикосновенных как самостоятельной группы преступлений, но в рамках учения о соучастии. Кодекс предусматривал наряду с нормами о соучастии и положения о «соучастии подразумеваемом и специальном», что, по мнению некоторых авторов, явилось основой учения о прикосновенных в Российском Уложении 1845 года. Статья 61 Французского кодекса предполагала наказание как соучастников тех, кто заведомо допускает проживать у себя или дает убежище или помещение для собраний преступников, занимающихся разбоями или насильственными посягательствами на безопасность государства, общественное спокойствие или личные и имущественные права. Статья 62 предусматривала наказуемость тех, кто заведомо скрывает вещи, похищенные, присвоенные или добытые посредством преступления или проступка. Эта категория лиц также причислялась к соучастникам. Но так как Французское законодательство требовало равного наказания всем

---

<sup>1</sup> См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 122.

соучастникам, то как исключение ст. 63 указывала, что к укрывателям не может быть применена смертная казнь, которая заменялась в данном случае бессрочной каторгой, в свою очередь последняя и ссылка применялись только при условии, если укрывавшему во время совершения им своего деяния были известны отягчающие обстоятельства, в соответствии с которыми виновные в основном преступлении подлежат данным наказаниям.

По мнению Н. С. Таганцева, во французском праве к прикосновенности к преступлению относились такие деяния, которые не были обещаны заранее, но в сравнении с Российским Уложением круг деяний прикосновенных в последнем шире. Так, например, соучастниками, подразумеваемыми и специальными, французское право считало, во-первых, лиц, дававших убежище преступнику (в Российском Уложении таковые считались пособниками, а в некоторых случаях пристанодержателями (ст. 929)), при этом законодательство Франции не предусматривало ответственности укрывателей лиц, совершивших менее тяжкие преступления, а наказуемость других была возможна только в том случае, если лицо, получившее убежище, действительно совершило преступление или покушалось на него; во-вторых, к этой категории относились виновные в укрывательстве вещей, добытых преступным путем, причем не имело значения, укрывались ли вещи в интересах виновного в основном преступлении или укрывательство совершено из корыстных побуждений. Соответственно укрывателями считались как те, кто скрыл украденную вещь с целью лишить правосудие доказательств виновности, так и те, кто купил эту вещь. Необходимым условием ответственности при этом было знание укрывателем о преступном способе приобретения вещи. Укрывательство других следов преступления было наказуемо по ст. 359 кодекса 1810 года, где виновным являлось лицо, спрятавшее труп убитого умышленно или по неосторожности, при условии, что лицо, укрывшее, не участвовало в основном преступлении. Недоносители о государственных преступлениях и преступлениях против порядка управления (ст. 103–107) подлежали ответственности до 1832 года<sup>1</sup>.

Следует отметить, что пришедший на смену УК 1810 года новый кодекс Франции 1992 году содержит нормы об укрывательстве, которые, правда, не проводят различия между заранее обещанным и заранее не обещанным укрывательством (ст. 121-7, 321-1, 434-6 УК). Вместе

---

<sup>1</sup> См. об этом подробнее: Спасович В. Д. Указ. соч. С. 165.; Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 124 и др.

с тем закон предусматривает уголовную ответственность за «несообщение судебным или административным органам власти об известном преступлении» (ст. 434-1 УК)<sup>1</sup>.

Известное своей консервативностью и казуистичностью, английское право так же, как и уголовная теория и практика других государств, до принятия в 1967 году Закона об уголовном праве относило деяния, связанные с прикосновенностью к преступлению, к соучастию в рамках общего права, выделяя прикосновенных при этом в особую группу соучастников<sup>2</sup>. Английская доктрина традиционно считала соучастниками после совершения преступления тех, кто заведомо укрывает от правосудия лиц, совершивших тяжкое преступление (felony), к этой же категории относились и принявшие вещи, добытые преступным путем. Подлежали ответственности за соучастие после события преступления и те, кто помогал в незаконном освобождении из-под стражи или противодействовал аресту такого лица. Попустители при государственной измене, каравшиеся за укрывательство государственной измены, тоже относились к этой группе соучастников. Кроме того, подлежали уголовной ответственности лица, не сообщившие о тяжком преступлении (государственная измена, фелония). В ранний период своего существования английское законодательство предполагало правило о том, что соучастники не могут быть осуждены, пока не осужден исполнитель, что касалось и ответственности прикосновенных. Однако со временем этот порядок был упразднен, и соответственно все соучастники по английскому праву осуждались, независимо от того, осужден ли исполнитель<sup>3</sup>. Как отмечает К. Кенни: «единственное, что отличает соучастников после события преступления от остальных — это более мягкое наказание». По мнению Н. С. Таганцева, нормы о прикосновенных в английском праве, в сравнении с уголовным законодательством других государств, были наиболее схожими с положениями Российского уложения о наказаниях 1845 года.

Рассматривая вопрос об отражении деяний, относящихся к прикосновенности, в законодательстве в историческом и содержательном

---

<sup>1</sup> Подробнее см. Крылова Н. Е. Основные черты УК Франции. М. 1996. С. 82, 107, 118.

<sup>2</sup> См., например: К. Кенни. Основы уголовного права / пер. Калинской В. И., под ред. Никифорова Б. С. М. 1949. С.91–97; Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. М.1969. С. 90–94; Голованова Н. А. в кн. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. М. 1991. С.20 и др.

<sup>3</sup> См. К. Кенни. Указ. соч. С97.

аспектах, мы не можем обойти стороной анализа этой проблемы в Российском уголовном законодательстве прошлых столетий, которое имеет для нас особое значение.

История развития уголовного законодательства России свидетельствует, что деяния прикосновенных, в особенности недоносителей и укрывателей, были наказуемы уже в период становления Российской государственности. Н. Полетаев напоминает о периоде судебныхников, когда в законодательстве «встречается определение участия, но под ним разумеется всякая прикосновенность»<sup>1</sup>. Но исследование хотелось бы начать с эпохи царствования Алексея Михайловича Романова, точнее с Уложения 1649 года, которое наряду с последующим уголовным законодательством вошло в Полное собрание законов Российской империи 1830 года, послужившее основой для разработки кодификационного издания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, принятого в 1845 году.

В истории русского уголовного законодательства прикосновенность каралась как самостоятельное преступление. Н. С. Таганцев отмечает, что «эпоха 17 и 18 веков была по преимуществу богата постановлениями о лицах, прикосновенных к преступлению, в особенности об укрывателях и недоносителях», это во многом объяснялось тяжким наследием, доставшимся Российскому самодержавию от периода «великого шатания Руси», эпохи «самозванцев», когда «усилился элемент бродячий, из которых формировались разбойные и иные воровские шайки»<sup>2</sup>. Естественно, в такой обстановке государство не могло не принять мер по борьбе с лицами, совершавшими преступления, и с теми, кто последним всячески содействовал, в том числе с прикосновенными. Уложение 1649 года в ст.20 главы XXI указывало, чтобы «ворам и разбойникам нигде прибежища не было», наказывая и тех, «которые воров укрывали, и тех, которые татиную и разбойную рухлядь к себе принимали и покупали». Указ от 30 октября 1719 года о поимке беглых устанавливал, что «...те люди, которые таких воров кроют, или пристани им держат, или об них, також и о тех, у которых они пристають, ведают, а не известят прежде времени, признаются за таких же воров, понеже какой тот добрый человек и доброхоть отечеству своему, кто таких злодеев кроет и поступлено будет с ним так, как и с сущими ворами злодеями» (Полное собрание законов Российской Империи № 3445). Под страхом наказания требовалось не только донесение

---

<sup>1</sup>Подробнее см.: Полетаев Н. Прикосновенность к преступлению. Ж. М. Ю. СПб. 1862. Т. XIV. Ч. II. С. 50.

<sup>2</sup> Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 132.

о преступниках, но также содействие в их поимке и пресечении совершаемых преступлений, свидетельством чему служит ст. 59 главы XXI Уложения: «А где учинится разбой, а которые сторонние люди слышали крик и вопь разбитых людей, как их разбойники разбивают, и те люди на крик и на вопь не пойдут, и их выдадут, или которых людей после разбою разбитые люди учнут за разбойники в погоню и на след звати, а те люди в погоню за разбойники не пойдут... и на тех людях за выдачу и за ослушание имати выти, и чинити жестокое наказание, бити кнутом нещадно»<sup>1</sup>.

Суровому наказанию подвергались лица, прикосновенные к государственным преступлениям. Н. С. Таганцев пишет: «Самодержавие, ставшее основным принципом государственной жизни, жестоко расправлялось со всякими попытками противодействия, требовало от всех полного содействия в борьбе с крамольниками»<sup>2</sup> Подтверждение тому мы находим в Уложении 1649 г. в ст.19 главы II: «А будет кто сведав или услыша на царское величество в каких людях скопь и заговор, или иной какой умысел про то не известит... и сыщется про то до пряма и его за то казнити смертью, безо всякия пощады». При этом уголовной ответственности подлежали как близкие родственники (дети, родители и т. д.), так и супруга: «А жена будет и дети таких изменников про ту их измену ведали и их потому же казнити смертью и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, отец и мати и род его про ту измену ведали-ли; да будет сыщется до пряма, что они про измену того изменника ведали, и их казнити смертию же, и вотчины и поместья их и животы взяти на государя»(Улож. Гл.II, ст.6). Безусловно, такое жестокое наказание за прикосновенность к основному преступлению, как и категория лиц, привлекавшихся к ответственности, никак не могут быть оправданы с позиции современных взглядов, впрочем, и юристами прошлого столетия такая ответственность считалась несоразмерной содеянному.

Следующий этап — Эпоха Петра I — ознаменовался коренными изменениями практически во всех областях общественной и государственной жизни, что не могло не вызвать волну негодования в определенных слоях населения. Недовольство проявлялось, в том числе и в крайних формах. В ответ власть усилила репрессии, расширив вместе с тем круг деяний, за прикосновенность к которым жестоко наказывала. В артикуле 19 Воинского устава 1716 г. говорится, что

---

<sup>1</sup> См. Полетаев Н. Указ. соч. С. 52; Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 133.

<sup>2</sup> Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 133.

«четвертование и конфискация чинится над тем, которого преступление хотя к действию и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было, и над оным, который о том сведом был, а не известил». По артикулу 129: «Если кто уведает, что один или многие нечто вредительное учинить намерены, и о том в удобное время не объявит, тот имеет по состоянию дела на теле или животом наказан быть». По другому положению Устава (арт.135): «Смертная казнь или телесное наказание назначается тем, которые возмутительные слова слышали, или таковые письма читали, а в надлежащем месте вскоре не донесли». Артикул 5 специально предусматривал наказание недоносителя о богохулении: «...онный имеет по состоянию дела, яко причастник богохуления живота или своих пожитков лишен быть».

По Воинскому уставу наряду с недоносителями жестоко карались укрыватели: «никто бы ни вышняго, ниже нижняго чина, никаким образом не дерзал, никого из неприятелей, изменника каково или злодея утаить, или под каким видом уводить, дабы от заслуженнаго наказания онаго освободить, под необходимою смертною казнию» (арт. 206). В соответствии с Указом от 25 января 1715 г. (П.С.З. № 2877) следовало доносить: «1) о всяком злом умысле против персоны Его величества; 2) о возмущении или бунте; 3) о похищении казны, доносить самому государю, или у него на дворе, без всякого страха...». Позднее Указом от 19 января 1718 г. (П.С.З. № 3143) повелевалось доносить о хищении казны фискалам, «а государю доносить только по первым двум пунктам и то не прямо, а через караульного офицера, ибо многие плуты подают государю доносы о бездельных делах»<sup>1</sup>.

Не меньшие проблемы государству создавали взяточники и лихоимцы. «Рядом с разбойниками, — пишет Н. С. Таганцев, оценивая развитие уголовного законодательства в период правления императрицы Елизаветы Петровны, — стояли и другие лиходеи народные, упорная борьба правительства с которыми оказалась еще безуспешнее и была передана и нынешнему столетию. Чего только не испробовало законодательство в борьбе с этим злом...Здесь обыкновенно наравне с лихоимцами наказывались и лиходатели и поноровщики, к которым относились и недоносители»<sup>2</sup>. Поучительно вспомнить в связи с этим, актуальные для нашей страны и сегодня, слова самой Императрицы, отраженные в Указе от 18 июля 1762 г.: «...едва ли

---

<sup>1</sup> См. Витт В. Екатерина II как криминалистка. СПб. 1909. С75.; Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 134; Н. Полетаев. Указ. соч. С. 55.

<sup>2</sup> Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 133.

есть малое место правительственное, в котором бы божественное сие действие, суд, без заражения сей язвы отправлялось».

Во времена правления Екатерины II деяния прикосновенных сохранили свое уголовно-правовое значение. Здесь в качестве подтверждения можно привести ее слова, касающиеся смертной казни за недонесение о готовящемся заговоре, которую «весьма прилично употребить во всей строгости в преступлении самого высочайшего степени касающиеся до оскорбления Величества», и как отмечает В. Витт: «Западноевропейская теория близко подходила к русской практике»<sup>1</sup>. Другой пример хотя и не имеет прямого отношения к деяниям прикосновенных, но все же отражает отношение законодателя той эпохи к соучастникам. В Наказе Екатерины II говорится, что «сообщников, донесших на своих товарищей, целесообразно освобождать от наказания; порядок этот следует регулировать «общим всегдашним законом», а не «временным особым объявлением в случае каком особенном»<sup>2</sup>. По мнению С. С. Фельдштейна, такого рода поощрение доноса было свойственно Наказу<sup>3</sup>.

Как видно из приведенных выше положений, русское уголовное законодательство 17 и 18 веков деяния прикосновенных выделяло как самостоятельную группу преступлений. Но уже в проекте Уложения 1813 г. прикосновенность рассматривалась как вид соучастия, что стало возможным под влиянием немецкой уголовно-правовой доктрины<sup>4</sup>. Таким же образом решался вопрос и в Своде Законов Российской Империи 1835 г., где попустители и недонесители относились к пособникам, а укрыватели преступников наравне с лицами, способствовавшими побегу и чинившими препятствия при поимке виновных, выделялись в особую группу сообщников в преступлении.

Подобный подход сохранился и в Уложении о наказаниях 1845 года. «Редакторы уложения, хотя и сохранили взгляд на прикосновенность как на участие, но в то же время отделили ее от участия в тесном смысле», — пишет Н. С. Таганцев. Вот мнение одного из разработчиков закона: «Мы признали необходимым и старались с точностью означить различие между виновными, участвовавшими в самом приведении преступления в действие, и теми, которые, не принимая прямого участия

---

<sup>1</sup> Витт В. Указ. соч. С. 75.

<sup>2</sup> См. Фельдштейн С. С. Главные течения в истории уголовного права в России. Ярославль. 1909. С. 112.

<sup>3</sup> Там же. С. 138.

<sup>4</sup> См., напр.: Белогриц-Котляровский Л. С. Указ. соч. С. 223; Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 134 и др.

в совершении преступления, заведомо допустили оное или способствовали сокрытию следов преступления, или не донесли об оном: ибо, по мнению нашему, сии две степени участия, согласно с справедливостью, должны быть подвергаемы разным мерам наказания»<sup>1</sup>. Здесь следует отметить, что расположение норм о деяниях прикосновенных в Уложении в рамках раздела о соучастии не повлияло на позицию криминалистов, признававших данный институт в качестве совершенно обособленной группы преступлений<sup>2</sup>.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных прикосновенными признавались укрыватели, попустители и недоносители о преступлениях. В ст.14 закона укрывателями считались «те, которые, не имев никакого участия в самом содеянии преступления, только по совершении уже онаго заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников, или, также заведомо, взяли к себе или приняли на сбережение, или же передали или продали другим похищенные, или отнятыя у кого либо, или же иным противозаконным образом добытыя вещи». Если характеризовать укрывательство, предусмотренное в Уложении, иными словами, то можно сказать, что укрывательство — это деятельность умышленная, не обещанная заранее, заключающаяся в сокрытии или уничтожении следов преступления, вещей, добытых преступным путем, а также укрывательство лица, совершившего преступление. Последнее рассматривается и как самостоятельное преступление в ст. 64 в Уставе о наказаниях, где говорится о случаях укрывательства преступников, обвиняемых мировыми судьями<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См. у Таганцева Н. С. Указ. соч. С. 135.

<sup>2</sup> Подтверждение этому мы находим в трудах таких представителей нашей юридической науки, как, например: Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. 1867. С. 154; Владимирова Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков. 1889. С. 124–125; Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права. СПб. 1875. С. 71,77; Белогриц-Котляровский Л. С. Указ. соч. С. 222; Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб. 1863. С. 163–165; Пржевальский В. В. Проект уголовного уложения и современная наука уголовного права. СПб. 1897. С. 18; Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 120; Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении. М. 1881. С. 51,62; Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев.1882. С. 608, 609, 621; Жиряев А. С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт. 1850. С. 99 и др.

<sup>3</sup> Подробный анализ этого и других видов прикосновенности будет представлен в рамках соответствующих разделов диссертационного исследования. Здесь

Под попустителями в той же статье понимались: «те, которые, имея власть или возможность предупредить преступление, с намерением, или, по крайней мере, заведомо допустили содеяние онаго». Такая формулировка закона привела к дискуссии среди юристов о том, какое (частное или должностное) лицо считать попустителем. В результате некоторые специалисты пришли к выводу, что под попустителем следует подразумевать только должностное лицо, которое имеет и власть, и возможность ею воспользоваться<sup>1</sup>. Другие не отрицали ответственности за попустительство и частных лиц<sup>2</sup>. В остальном мнение большинства было едино в указании признаков попустительства, которое должно было быть деянием умышленным, проявлявшимся в бездействии (невоспрепятствовании) по отношению к основному преступлению и не должно быть заранее обещанным.

Недоносителями по закону являлись «те, которые, зная об умышляемом или уже содеянном преступлении и имея возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности» (ст. 15 Улож.). Из чего следовало, что для наказуемости недонесения было необходимо: во-первых, знание о готовящемся или совершенном преступлении; во-вторых, чтобы имелась возможность сообщить; в-третьих, деяние должно быть умышленным, выражающимся в бездействии.

Наказуемость прикосновенных регулировалась другими статьями Уложения. Так: «Укрыватели приговариваются к наказанию, определенному тем из пособников в преступлении, коих содействие не было необходимо для совершения онаго (ст. 121), но лишь одною степенью ниже» (ст. 124). По ст. 125: «равным с укрывателями наказаниям подвергаются и попустители преступления, и те, которые, зная о умышляемом преступлении и имея возможность довести о том до сведения правительства или угрожаемого лица, не исполнили сей обязанности. Из сего исключаются лишь случаи, в коих за недонесение о известном злом умысле законом именно постановлено наказание более строгое». Недонесение о совершенном преступлении наказывалось в соответствии со ст. 126: «смотря по важности и обстоятельствам дела, или к заключению более

---

же преследуется цель дать общую картину развития института прикосновенности в законодательстве.

<sup>1</sup> См. напр.: Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. 1867. С. 157–158; Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. СПб. 1875. С. 85; Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб. 1863. С. 164 и др.

<sup>2</sup> К ним относятся: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 153., оставшийся на этих позициях и в последующем... Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. М. 1994. С. 372–373; Владимиров Л. Е. Указ. соч. С. 125.

или менее продолжительному в крепости, с ограничением некоторых особенных, на основании ст.50 сего уложения, личных прав и преимуществ, или без сего ограничения, или же к заключению в тюрьме, или к аресту так же более или менее продолжительному, или наконец токмо к выговору, замечанию, внушению, или к денежному взысканию». Карательные меры усиливались в отношении тех, кто «знал, что обвинение в преступлении упадет на невинного, не объявят однакож о истинном виновном, приговариваются к наказанию одною степенью выше против других, недонесших о виновных в таком же преступлении» (ст. 127). В порядке исключения из общего правила в ст. 128 предусматривалось освобождение от наказания за укрывательство и недонесение о преступлении некоторых категорий лиц по признаку родственной близости и супружества, но это положение не распространялось на прикосновенность к государственным преступлениям, предусматривавшимся статьями 341, 244, 243 и 253 Уложения.

По Уставу о наказаниях прикосновенность, кроме случаев укрывательства похищенного (ст. 180) и лица, совершившего преступление (ст. 64), не влекла за собой уголовной ответственности.

Уголовное уложение 1903 г., частично вступившее в действие, также регулировало вопрос об ответственности прикосновенных. Однако, в отличие от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в последнем дореволюционном законе отсутствовала ответственность попустителей, а нормы об укрывателях и недонесителях были помещены как самостоятельные преступления против правосудия в особенную часть.

В послереволюционный, советский период уголовное законодательство не отказалось от регулирования вопроса об ответственности прикосновенных, однако, как мы убедимся далее, применение таких норм было часто непоследовательным и довольно противоречивым.

Впервые о прикосновенности к преступлению советское законодательство упоминает в декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве»<sup>1</sup>, в котором устанавливалось наказание наравне с исполнителями преступления подстрекателям, пособникам и прикосновенным к взяточничеству (ст. 2). Так же решался вопрос об ответственности в декретах СНК РСФСР от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» и от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне»<sup>2</sup>. Однако, указанные постановления говори-

---

<sup>1</sup> Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М. 1953. С. 25–26.

<sup>2</sup> Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М. 1953. С. 29, 33.

ли о прикосновенности в целом и не выделяли отдельных ее видов. Обособленно они предусматривались другими нормативными актами советской власти. Так в декретах СНК РСФСР «О тыловом ополчении»<sup>1</sup> от 20 июля 1918 г., «О красном терроре»<sup>2</sup> от 5 сентября 1918 г., «О дезертирстве»<sup>3</sup> от 25 декабря 1918 г. была установлена ответственность за укрывательство виновных, а в соответствии с первым из указанных постановлений наказывался не сообщивший властям об уклоняющихся от призыва. Советское уголовное законодательство того периода признавало укрывательство наиболее опасным видом прикосновенности, поэтому не случайно в ряде актов ответственность укрывателей рассматривается достаточно подробно. Так 3 июня 1919 г. Советом рабочей и крестьянской обороны принимается постановление «О мерах к искоренению дезертирства»<sup>4</sup>, по которому ответственности подлежали: укрыватели дезертиров; члены семей дезертиров, укрывавшие последних; должностные лица, виновные в таком укрывательстве. Последние из указанных подвергались тяжким наказаниям вплоть до расстрела. В соответствии с декретом ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»<sup>5</sup> губернские чрезвычайные комиссии могли самостоятельно решать вопрос о наказании в отношении укрывателей изменников, шпионов и лиц, ответственных за бандитизм.

Принятые 12 декабря 1919 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР стали в определенной степени прообразом общей части будущего Уголовного кодекса. В «Руководящих началах» термин прикосновенность к преступлению не упоминался, а укрывательство и попустительство рассматривались как пособничество. Так, в соответствии со ст. 24 закона «пособниками считаются те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом и делом, советом, указаниями, устранением препятствий, скрывтием преступника или следов преступления или попустительством, т. е. невоспрепятствованием совершению преступления». Как видно, закон не проводил различия между заранее обещанным и заранее не обещанным укрывательством, что давало почву

---

<sup>1</sup> Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М. 1953. С. 42.

<sup>2</sup> СУ РСФСР. 1918 г. № 65. С. 710.

<sup>3</sup> Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М. 1953. С. 42–43.

<sup>4</sup> Там же. С. 47–48.

<sup>5</sup> СУ РСФСР. 1919. № 27. С. 301.

для разногласий в толковании нормы. Следует согласиться с Г. И. Баймурзиным, утверждавшим, что в статье в равной степени предусматривались обе формы укрывательства<sup>1</sup>. Аналогично в Руководящих началах решался вопрос в отношении попустительства, за которое возлагалась ответственность на всех граждан. Если же говорить о недоносительстве, то в законе прямых указаний на ответственность недоносителей нет. Но, по мнению Г. И. Баймурзина, случаи несообщения об известном готовящемся преступлении сливались с понятием попустительства и влекли ответственность как за соучастие в преступлении, а недонесение о совершенном рассматривалось на основании отдельных декретов как самостоятельное преступление<sup>2</sup>. Наряду с Руководящими началами ответственность за попустительство предусматривалась декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 г., по которому наказывались должностные лица за хищение, за пособничество в этом преступлении, а равно те, кто умышленно не воспрепятствовал хищению, то есть попустительство выделяется как самостоятельное преступление.

Следующим этапом развития уголовного законодательства стало принятие 1 июня 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР, в котором впервые с 1917 года были систематизированы Общая и Особенная части. Однако положения кодекса о прикосновенных отличались своей непоследовательностью, в особенности, это касалось деяний укрывателей, которые с одной стороны относились к пособникам (ст. 16 УК), а с другой — являлись самостоятельной группой преступников. Последнее следует из содержания ст. 68, по которой наказывалось лицо за «укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным ст.ст. 57–67, не связанные с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности об их конечных целях». Такая конструкция норм не могла не вызвать споров в юридической литературе. В результате, по мысли одних, в ст. 16 УК предусмотрено только укрывательство заранее обещанное, другие считали, что в соответствии с буквой закона в норме общей части к пособничеству относилось всякое укрывательство, независимо от того, было ли оно обещано заранее или нет<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См. об этом: Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата. 1968. С. 15–16; Бушуев И. А. Ответственность за укрывательство и недоносительство. М. 1965. С. 9–10; Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. 1941. С. 48.

<sup>2</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 17.

<sup>3</sup> См. напр.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 48; Гродзинский М. УК РСФСР // Вестник советской юстиции. 1927. № 15. С. 585; Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 20.

В то же время положительным моментом следует считать то, что закон разграничил между собой пособничество и попустительство, причем за последнее уже не возлагалась ответственность на всех граждан, а только на должностных лиц (107 УК), в чьи прямые обязанности входило противодействие совершающемуся преступлению. Ответственность за недонесение рассматривалась тоже как самостоятельное преступление против порядка управления, предусмотренное ст. 89 УК в Особенной части и только в отношении фактов несообщения о наиболее тяжких преступлениях (ст.ст. 58–66 УК).

Принятые в 1924 г. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик послужили основой последующей законотворческой деятельности, и в течение 1926–1928 гг. в союзных республиках были утверждены уголовные кодексы, в которых по ряду положений наблюдались расхождения, в том числе и по вопросам о прикосновенных. Как справедливо отмечает Г. И. Баймурзин: «Причиной разногласий в разграничении пособничества от прикосновенности послужило отсутствие в Основных началах 1924 г. четкой формулировки понятию соучастия»<sup>1</sup>.

Поэтому УК РСФСР 1926 г. в основном остался на позициях кодекса 1922 г. В частности, укрывательство во всех его проявлениях каралось как соучастие в преступлении, а за недонесение о совершенном или готовящемся преступлении по ст. 18 УК наступала ответственность только в случаях, указанных в законе. Специальных норм о попустительстве преступлениям закон не содержал. Интересно в этой связи отметить, что в сравнении с УК РСФСР 1926 г. и других республик уголовные кодексы Грузинской ССР и Украинской ССР того периода рассматривали заранее не обещанное укрывательство как преступление особого рода, не относящееся к соучастию.

В последующем, практически до издания Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., отношение к институту прикосновенности в законодательстве не менялось, за исключением ужесточения наказания за недонесение о некоторых видах преступлений. Например, усиление ответственности за несообщение о преступлении было предусмотрено постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении положения о преступлениях государственных», а также Указами от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан».

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 23.

В юридической литературе тех лет шла острая дискуссия по вопросам соотношения соучастия и прикосновенности. Одни авторы, к которым относятся М. Н. Меркушев, Р. А. Хрулинский-Бурбо, П. Г. Мишунин, П. К. Евдокимов и др., предлагали не выделять деяния прикосновенных из соучастия<sup>1</sup>. Сторонники другой позиции (М. И. Ковалев, А. Лаптев, А. И. Трайнин, В. Г. Смирнов и др.), напротив, считали правильным рассматривать прикосновенность как самостоятельный институт уголовного права, обособленно от соучастия<sup>2</sup>. Результатом этой полемики стало то, что в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. возобладала точка зрения последних.

В соответствии с положениями Основ заранее не обещанное укрывательство и недоносительство были признаны деяниями, не относящимися к соучастию, и наказывались лишь в специально предусмотренных случаях (ст.ст. 18, 19). Однако Основы не предусматривали перечня деяний, укрывательство и недонесение о которых было наказуемым. Этот вопрос должен был решаться в рамках новых республиканских кодексов, которые и были впоследствии приняты. В результате в Общей части УК РСФСР 1960 года появились статьи, полностью совпадающие по содержанию с одноименными статьями Основ уголовного законодательства, в свою очередь вопрос о круге деяний, прикосновенность к которым влекла уголовную ответственность, решался в рамках Особенной части Закона. При этом на основе общепризнанной точки зрения о том, что заранее не обещанное укрывательство и недоносительство являются преступлениями, причиняющими вред интересам правосудия, нормы об ответственности за эти деяния были расположены в соответствующей главе о преступлениях против правосудия (ст.ст. 189, 190 УК РСФСР), и лишь укрывательство и недоносительство о государственных преступлениях законода-

---

<sup>1</sup> См.: Евдокимов П. К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву: автореферат. дисс... канд. юр. наук. Л., 1953. С. 9–10; Меркушев М. Н. Ответственность за укрывательство // Соц. Законность. 1955. № 1. С. 19, 24; Хрулинский-Бурбо Р. А. Против института прикосновенности в теории советского уголовного права. В кн.: Ученые записки Саратовского юр. института им. Д.И. Курского. Вып. III Саратов. 1952.; Мишунин П. Г. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве // Соц. законность 1956. № 11. С. 7–16.

<sup>2</sup> См.: Ковалев М. И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореферат. дисс... канд. юр. наук. М. 1952. С. 7; Лаптев А. Прикосновенность к преступлению // Сов. юстиция. 1941. № 3. С. 9–11; Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 130–131; Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л. 1957. С. 20–21. и др.

тель поместил в главу I УК (ст.ст. 88(1), 88(2)). Очевидно, что последнее следует рассматривать не только как факт выделения более тяжких деяний, но и как кодификационный прием, упрощающий практическое применение норм о прикосновенности к государственным преступлениям. Причем такое расположение не означало посягательства на одноименный объект. По верному замечанию М. Х. Хабибуллина, юридическая и социальная сущность этих преступлений остается неизменной, они и в этом случае все равно выступают как преступления против правосудия<sup>1</sup>.

Сравнение последнего УК РСФСР со всем предшествовавшим законодательством показывает, что нормы этого кодекса и их расположение более всего соответствуют Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, где аналогичным образом в Общей части раскрывалась сущность отдельных видов прикосновенности, а в Особенной регулировалась наказуемость за эти деяния. Думается, что такой способ кодификации, за некоторыми исключениями, было бы полезно применить и сегодня в рамках попытки реанимировать значимость института прикосновенности к преступлению не только в теории уголовного права, но и в уголовном законодательстве.

Уголовный Кодекс Российской Федерации, принятый в 1996 году, из всех видов прикосновенности признает уголовно наказуемым лишь заранее не обещанное укрывательство и то только наиболее тяжких преступлений, вопрос же об ответственности за попустительство преступлениям решается практически в рамках ст. 285 УК РФ, так как специальная норма о попустительстве в кодексе отсутствует.

В заключение хотелось бы отметить, что в соответствии с программой обновления нашего уголовного законодательства предлагались проекты кодексов<sup>2</sup>, в которых нормы о прикосновенных в целом сохраняли свое значение, как это имело место и в УК РСФСР 1960 года, но, к сожалению, эти предложения были отвергнуты. Не возымел своего влияния и Модельный УК для государств участников СНГ. В его разработке принимали участие такие видные российские ученые, как: Б. В. Волженкин, Н. Ф. Кузнецова, С. Ф. Милюков, В. С. Устинов и др. В ст. 326 данного кодекса наиболее удачно отражена ответственность за несообщение об особо тяжких преступлениях и за заранее не обещанное укрывательство тяжких или особо тяж-

---

<sup>1</sup> Хабибуллин М. Х.. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство и недоносительство. По советскому уголовному праву. Казань 1984. С. 11.

<sup>2</sup> См., например: Преступление и наказание. Комментарий к проекту УК России. М. 1993. Статьи 28(1), 274 и 275 УК.

ких преступлений<sup>1</sup>. Остается надеяться, что Российский законодатель пересмотрит свое отношение к данным деяниям, дополнив УК РФ соответствующими положениями.

## § 2. Понятие прикосновенности

Современное понятие прикосновенности к преступлению имеет предпосылкой своего развития длительную историю изучения вопроса в юридической, философско-правовой и других науках.

Прикосновенность к преступлению как самостоятельный уголовно-правовой институт берет начало своего формирования в уголовном праве сравнительно давно. Немало интересных работ, в которых обсуждалась эта тема, вышло в свет еще в прошлом столетии, и к авторам наиболее ярких из них можно с уверенностью отнести: Таганцева Н. С., Неклюдова Н. А., Жиряева А. С., Фойницкого И. Я., Колоколова Г. Е., Спасовича В. Д., Кистяковского А. Ф., Белогриц-Котляровского Л. С., Полетаева Н., Владимирова Л. Е., и др. Наряду с русскими криминалистами того периода, над этой проблемой работали и зарубежные представители юридической науки, такие как: Фейербах А., Титман, Штюбель, Клейншрод, Гефтер, Бауер, Бури, Гуго-Мейер, Вильнов, Зандер и др.

Взгляды многих ученых на юридическое значение прикосновенности к преступлению были часто не схожи между собой, а порой совершенно противоположны. Однако это не служит основанием для приращения их ценности, напротив, дает возможность взглянуть на исследуемую проблему с разных сторон, что в дальнейшем позволит сделать определенные выводы, полезные не только с точки зрения теоретической, но и практической.

Такое внимание к деяниям прикосновенных было вызвано не только собственной значимостью прикосновенности как таковой, но и сложностями, возникавшими при разграничении прикосновенных и соучастников в преступлении, чему ранее приведено множество примеров из законодательства. Трудности связаны и с особенностями деяний прикосновенных, которые могут иметь место только при наличии другого общественно-опасного деяния, на что указывает и название института — прикосновенность к преступлению. Наибольший в этом смысле интерес представляют идеи русских дореволюционных юристов, чьи взгляды серьезно повлияли на уголовно-правовую доктрину советского периода, но, по понятным причинам, в советской литературе не было на то никаких указаний. При первом же близком знакомстве с трудами

---

<sup>1</sup> См. Правоведение. 1996. № 1. С. 91–150.

советских ученых убеждаешься в некотором сходстве их взглядов с идеями криминалистов досоветского периода. Такого рода преемственность вполне оправдана и лишней раз подтверждает ценность и актуальность старых учений.

Первые работы, в которых поднимается вопрос о прикосновенности, появились уже в начале 19 века в немецкой уголовно-правовой доктрине. Представители этой школы, такие, как: А. Фейербах, Титман, Клейншрод, Борст, а позднее Бури, Гуго-Мейер и др., делили всех соучастников на виновников, пособников и прикосновенных, т. е. последствующих пособников. Такое пособничество, по мнению А. С. Жиряева, было «ложно, так как нельзя допустить, без явного противоречия истинному понятию о пособниках»<sup>1</sup>. Показательно, в этом смысле, сказанное Борстом: «...преступление продолжается после его возникновения в том, что виновный избегает заслуженного наказания и старается воспользоваться плодами преступления, а потому и все лица, вкладывающиеся в преступление до момента наказания, могут рассматриваться, как соучастники». Бури в подтверждение позиции своих предшественников говорил, что «всякое преступление предполагает нарушение права, а в таком нарушении можно различать его возникновение и продолжение, соответственно прикосновенность есть участие в продолжении». Критически оценивая теорию своих коллег, Миттермайер считал их воззрения не только «не соответствующими законам, но и нелогичными, и ведущими к практически ложным выводам»<sup>2</sup>. Наш соотечественник дополнил в поддержку последнего, что «...для понятия соучастия необходимо соглашение, предшествующее акту преступления, между тем это требование не только не входит в понятие прикосновенности, но даже ее исключает;...деятельность прикосновенных, имея место уже после совершения преступления, не относится к числу факторов, его создавших, а следовательно не находится в причинной с ним связи, безусловно, необходимой для понятия соучастия»<sup>3</sup>.

Английское общее уголовное право практически до середины 20 века также рассматривало прикосновенных в качестве соучастников после события преступления (*accessaries after the fact*), при этом основным критерием деления соучастников на виды был временной, а собственно

---

<sup>1</sup> Жиряев А. С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт. 1850. С. 99.

<sup>2</sup> Подробнее см. у Таганцева Н. С. Курс русского уголовного права. СПб. 1874. Кн. 1. С. 125–126.

<sup>3</sup> Белогриц-Котляровский Л. С. Учебник русского уголовного права. Киев. 1903. С. 222.

термин прикосновенность в праве не использовался. Такое соучастие считалось наиболее отдаленной степенью, и ему предшествовали исполнитель 1-й степени, исполнитель 2-й степени и соучастник до события преступления<sup>1</sup>. По другой классификации, мало отличавшейся от указанной, соучастие подразделялось на: предшествующее преступлению (*concursum antecedens*); сопутствующее ему (*concursum concomitans*); и следующее за ним (*concursum subsequens*)<sup>2</sup>. К интересующей нас группе английское право относило одобрение преступников, укрывательство виновного или предметов, добытых преступлением, уничтожение следов преступления. В. Д. Спасович, объединяясь с противниками данной теории, справедливо и резко выделил ряд моментов ее несостоятельности: «...содействие преступлению, последующее за преступлением есть просто нелепость, сочетание двух взаимно себя исключающих понятия. Нельзя содействовать тому, что уже содеяно; нельзя привойти в преступление в смысле одной из его причин, когда преступление принадлежит уже к области прошедшего»<sup>3</sup>.

Таким образом, теория, в которой прикосновенность рассматривалась в качестве одного из видов соучастия, не способна была отстоять свои позиции уже в силу неверности своей начальной посылки, поэтому возобладала другая доктрина. По ней прикосновенность хотя и не являлась разновидностью соучастия, однако представляла собой «дополнительное совиновничество или придаточное преступление, неразрывно связанное с соучастием в тесном смысле или с главным преступлением»<sup>4</sup>. Яркими представителями этого научного течения были А. С. Жиряев, А. Ф. Кистяковский, Г. Е. Колоколов, а среди немецких криминалистов — Зандер, Бауер и др.

По мнению Зандера, прикосновенность определяется следующим: «1) она может иметь место только после совершения преступления, а иначе будет участием; 2) действия прикосновенных должны быть выполнены заведомо о совершенном преступлении; 3) целью таких действий должно быть оказание содействия преступнику и преступлению; так как иначе они или будут лишены вовсе преступного характера, или составят какие-либо совершенно отдельные преступления». Но в любом случае, как полагал автор, прикосновенность не должна рассматри-

---

<sup>1</sup> К. Кенни. Основы уголовного права. М. 1949. С. 92.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. М. 1969. С. 92; Голованова Н.А. в кн. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. М.1991. С. 20.

<sup>3</sup> Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб. 1869. С. 163.

<sup>4</sup> Белогриц-Котляровский Л. С. Указ. соч. С. 222.

ваться как отдельное нарушение, а в тесной связи с главным деянием, и наказуемость прикосновенных следует определять в соотношении с основным преступлением<sup>1</sup>.

Позднее, развивая теорию Зандера, А. С. Жиряев формулирует свой подход в оценке прикосновенности на примере укрывательства: «оно не есть ни участие в преступлении, как думают Фейербах и Геффертер, ни особенное определенное или самостоятельное преступление, как полагают Мартин, Миттермайер и Кестлин. Укрывательство, как справедливо обозначает сущность его Зандер, есть особенное, но не самостоятельное, а придаточное преступление... Предикатом придаточное довольно точно выражается как связь, так и противоположение, в коих находится понятие укрывательства с понятием участия в преступлении»<sup>2</sup>. В свою очередь, попустительство и недонесение о преступлении как «формы преступного бездействия» определялись им как виды прикосновенности, не входящие «ни в понятие об укрывательстве, ни в понятие об участии в преступлении, при всем том состоя в необходимом соотношении с последним»<sup>3</sup>.

Другой представитель этого направления утверждал, что «... мы не можем однако ж признать их преступлениями самостоятельными... это значило бы совершенно упустить из виду запечатляющий прикосновенность придаточный характер...она относится к этому деянию (преступлению, совершенному другим лицом), как преступление побочное к главному; чем тяжелее главное правонарушение, тем, очевидно, выше наказуемость и лица прикосновенного»<sup>4</sup>. Поддерживая своих единомышленников, А. Ф. Кистяковский уточняет: «...наказуемость прикосновенных к преступлению лиц находится в тесной зависимости от наказуемости участников преступления; размер первой определяется размером второй. При ненаказуемости виновника главного преступления остаются без наказания и первые, потому что если не окажется при уголовном исследовании главного преступления, то не может быть речи ни об укрывательстве, ни о попустительстве, ни о недонесении»<sup>5</sup>.

К достоинствам приведенной теории следует отнести то, что ее представители усматривали существенные отличия прикосновенности от соучастия в преступлении и в то же время прекрасно понимали не-

---

<sup>1</sup> Подробнее см. Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 126–127.

<sup>2</sup> Жиряев А. С. Указ. соч. С. 128–129.

<sup>3</sup> Там же. С. 129.

<sup>4</sup> Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении. М. 1881. С. 64.

<sup>5</sup> Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев. 1882. С. 609.

возможность существования деяния прикосновенных без установления факта основного преступления и, как следствие, выдвигали идею зависимости наказания прикосновенных от тяжести совершенного основного общественно-опасного деяния. По поводу последнего сторонники 3-й доктрины высказывались несколько иначе, считая необоснованным устанавливать зависимость размера ответственности прикосновенных от тяжести основного преступления. Однако Н. Полетаев при этом признает, что «некоторая пропорциональность действительно должна быть в наказании укрывательства...»<sup>1</sup>. Из наших современников — И. А. Бушуев в качестве существенного недостатка выделяет то, что теория А. С. Жиряева, Г. Е. Колоколова и др. «растворяла понятие прикосновенности к преступлению в понятии стечения нескольких преступников при одном и том же преступлении»<sup>2</sup>.

При всех позитивных моментах, это направление не было поддержано другими юристами, признавшими наиболее правильным считать прикосновенность «особым самостоятельным преступлением, не входящим в понятие соучастия и чуждым прямого необходимого отношения к главному преступлению в вопросе о наказуемости»<sup>3</sup>. Н. Полетаев в этой связи писал: «Нет никакого основания причислять прикосновенность к участию. Нельзя ее назвать и непрямым участием, ибо таким можно обозначить пособничество, а прикосновенность включает в себе противозаконные действия, подлежащие самостоятельному суждению, как *delicta sui generis*»<sup>4</sup>. Аналогично решал вопрос Л. Е. Владимиров, называя прикосновенность «благоприятствованием» преступлению, которая «не входит в учение об участии, но излагается в связи с ним, для удобства». Автор утверждал, что «...теория уголовного права рассматривает благоприятствование, как *delicta sui generis*. Особые свойства участников преступления, следовательно, не должны влиять на наказуемость благоприятствования». Им был предложен верный, на наш взгляд, перечень признаков, выделяющих прикосновенность как самостоятельный институт. «Благоприятствование, — писал автор, — требует следующих условий:

1. Оно возможно только для деяния, составляющего преступление.

---

<sup>1</sup> Полетаев Н. Прикосновенность к преступлению // Ж.М.Ю. 1862. Т. XIV. Ч. II. С. 64.

<sup>2</sup> Бушуев И. А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М. 1965. С. 21.

<sup>3</sup> Белогриц-Котляровский Л. С. Указ. соч. С. 222.

<sup>4</sup> Полетаев Н. Указ. соч. С. 64.

2. Оно не должно быть обещано наперед, иначе оно превращается в участие в преступлении.

3. Оно считается оконченным, как только услуга оказана. Покушение на благоприятствование возможно.

4. Оно должно быть умышленное.

5. Оно может быть оказано во всякий период преступной деятельности.

6. Как самостоятельное преступление, оно допускает в себе участие.

7. Оно несовместимо с участием в преступлении, которому оно оказывается, иначе оно обращается просто в участие: нельзя в одно и то же время быть благоприятствователем и участником в том же самом преступлении»<sup>1</sup>.

Самостоятельным преступлением считал прикосновенность и В. Д. Спасович, дополняя при этом взгляды своих сторонников мыслью, что «прикосновенность распадается на несколько самостоятельных преступлений, которые должны быть рассматриваемы... в части кодекса особенной»<sup>2</sup>. Н. С. Таганцев в этой связи писал: «...перенесение учения о прикосновенности в особенную часть представляет не только теоретический, но и практический интерес. С помещением отдельных случаев прикосновенности в соответственные рубрики можно верно оценить, как основания их наказуемости, так и самые условия, определяющие состав каждого типа»<sup>3</sup>. Позднее данный взгляд на прикосновенность и его виды был реализован в Уголовном уложении 1903 г., одним из основных разработчиков которого являлся и проф. Н. С. Таганцев. Из зарубежных криминалистов таких взглядов придерживался Франц Лист: «Прикосновенность не есть форма участия нескольких лиц в преступлении. Ибо она возможна лишь после совершения деяния, она лишена единственного признака, общего всем формам участия: установления условия для наступления последствия. Поэтому она есть самостоятельное преступление и как таковое относится к особенной части»<sup>4</sup>.

Таким образом, последнее учение в дореволюционной России стало доминирующим, что, на наш взгляд, небезосновательно. В то же время идеи А. С. Жиряева, Г. Е. Колоколова и других авторов, как было уже отмечено, имеют свои положительные моменты, в числе которых и признание необходимости регулирования вопросов при-

---

<sup>1</sup> Владимирова Л. Е. Учебник русского уголовного права. Харьков. 1889. С. 124–125.

<sup>2</sup> Спасович В. Д. Указ. соч. С. 164.

<sup>3</sup> Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 131.

<sup>4</sup> Франц Лист. Учебник уголовного права. Часть общая. М. 1903. С. 239.

косновенности к преступлению в общей части как самостоятельного института уголовного права.

Очевидно, что в этих доктринах много общего, например, в вопросе разграничения прикосновенности и соучастия; в утверждении умышленного характера деяний прикосновенных; в признании заранее не обещанного укрывательства, недонесения и попустительства видами прикосновенности к преступлению и т. д. К сожалению, дореволюционное право не смогло разработать единой теории, которая объединила бы в себе все лучшее из представленных направлений. Смешанный характер такого учения позволил бы наиболее полно отразить все значимые аспекты института прикосновенности. Такие попытки делались в советском уголовном праве, и отчасти они увенчались успехом, но этому предшествовала долгая и острая дискуссия в науке.

На начальных этапах существования нового советского государства вопросам прикосновенности уделялось недостаточное внимание, а имевшее место обсуждение в литературе во многом отличалось противоречивостью и непоследовательностью, что в большой степени оказало влияние на такое же отношение к деяниям прикосновенных в уголовном законодательстве.

Вместе с тем достойны внимания суждения авторов, первыми в этот период вставших на позицию признания прикосновенности к преступлению как деятельности, отличной от соучастия в нем. Так, Э. Я. Немировский в 1919 г. писал: «Действия, имеющие отношение к совершенному преступлению, но выполненные после момента *delictum consummatum*, как не находящиеся в причинной связи с преступным результатом, могут быть признаны наказуемыми не как форма соучастия, а как *delicta sui generis*»<sup>1</sup>. Такого же мнения придерживался С. В. Познышев, указывая на отличие роли недоносителей, укрывателей и попустителей от роли соучастников. Виды прикосновенности предлагалось им рассматривать, как *delicta sui generis*, в особенной части уголовного законодательства<sup>2</sup>. А. А. Пионтковский, один из первых в советской уголовно-правовой науке, предложил определение: «Деятельность, возникшая по поводу совершенного исполнителем преступления, но не являющаяся одной из причин совершенного преступления, называется прикосновенностью»<sup>3</sup>. В дальнейшем сторонники данной позиции придерживались,

---

<sup>1</sup> Немировский Э. Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса. 1919. С. 211–212.

<sup>2</sup> Познышев С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. М. 1923. С. 146–147.

<sup>3</sup> Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Общая часть. М. 1929. С. 318.

в основном, такой же формулировки, отмечая самостоятельный характер деяний прикосновенных, связанных с основным преступлением, но не являющихся соучастием в нем.

Здесь налицо преемственность в оценке прикосновенных, предложенной еще дореволюционными криминалистами, с той лишь разницей, что объединяются положения разных учений о «благоприятствовании». На фоне сложившегося на протяжении многих лет отношения к прикосновенности как к самостоятельному институту уголовного права в конце 30-х годов 20 века в литературе появились публикации, в которых делались попытки отказаться от учения, как якобы не оправдавшего себя ни с теоретической, ни с практической точки зрения. Недооценка значения понятия прикосновенности дала повод некоторым авторам признать необходимость слияния этого понятия с институтом соучастия.

Крайне противоречивая позиция на этот счет у Б. С. Утевского. В одной из своих работ он утверждал: «После того, как преступление уже совершено, разумеется, принять в нем участие невозможно. Но встать в то или иное отношение к преступлению, совершить те или иные действия в связи с преступлением, направленные на сокрытие преступления, возможно... В таких случаях говорят обычно о прикосновенности к преступлению»<sup>1</sup>. В следующей статье автор придерживался уже несколько иного мнения: «Понятие прикосновенности к преступлению — крайне неясное, неопределенное, ничего по существу не разрешающее понятие, ибо деятельность, связанная с преступлением, или деятельность по поводу преступления — это деятельность также и суда, и прокуратуры, и органов расследования, и адвокатуры. Это и деятельность судебного репортера в газете, т. е. разнообразная деятельность по поводу преступления, ничего общего с совершением преступления не имеющая»<sup>2</sup>. Очевидно, что сравнение, приведенное Б. С. Утевским, в данном случае неуместно и ни коим образом не отражает сущности прикосновенности, которая в отличие, например, от общественно-полезной деятельности правоохранительных органов характеризуется деятельностью общественно-опасной в форме укрывательства, попустительства и несообщения (недоносительства) о преступлении. Справедливо в этой связи писал В. Г. Смирнов: «Прикосновенность в таком виде, в каком она представлена Б. С. Утевским... уголовное право в рассматриваемом аспекте не

---

<sup>1</sup> Утевский Б.С. Соучастие в преступлении. М. 1939. С.15.

<sup>2</sup> Утевский Б.С. Соучастие по проекту УК СССР. В сб. Труды первой научной сессии ВИЮН. М. 1940. С. 161.

может интересовать»<sup>1</sup>. Оригинально Б. С. Утевский предлагал решить проблему прикосновенности: «Для этого надо назвать вещи своими именами, т. е. сказать, что существует два вида соучастия: первый вид-соучастие в совершении преступления и второй вид-соучастие в сокрытии преступления». Последнее и есть, по его мнению, прикосновенность к преступлению. Общее между предложенными вариантами соучастия он видит в том, что в обоих случаях присутствует объединение, организация, а значит усиление опасности<sup>2</sup>. Трудно согласиться с таким подходом уже потому, что невозможно соучастие в деянии, которое не является преступлением. Сам автор признает: «Соучастие же в сокрытии преступления — это участие в деятельности преступника, которая сама по себе не является преступной, ибо наш закон не наказывает преступника за то, что тот укрывается от правосудия»<sup>3</sup>. В рассуждениях автора не учитывается и то обстоятельство, что в некоторых случаях (несообщение о готовящемся преступлении и попустительство) прикосновенность может иметь место еще до факта совершения преступления или во время его исполнения.

Примерно таких же взглядов придерживались: М. И. Ковалев, А. С. Омаров, П. Г. Евдокимов. Так, авторы пытались доказать, что, независимо от того, обещано было заранее укрывательство или нет, оно является пособничеством<sup>4</sup>. В качестве аргумента в пользу этого П. Г. Евдокимов выдвигал следующее положение: «Понятие «фактическое совершение преступления» во многих случаях шире понятия «выполнение оконченного состава преступления» и поэтому ошибочным является сведение участия нескольких лиц в совершении преступления к участию этих лиц в выполнении оконченного состава преступления. Совместная преступная деятельность нескольких лиц в совершении преступления, — продолжает автор, — возможна и после выполнения оконченного состава преступления, вплоть до момента достижения конечной цели преступной деятельности»<sup>5</sup>. В. Г. Смирнов, верно признавая данную

---

<sup>1</sup> Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л. 1957. С. 51.

<sup>2</sup> Утевский Б. С. Указ. соч. С. 161.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Подробнее см.: Ковалев М. И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М. 1952. С. 12.; Омаров А. С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М. 1954. С. 4–5.; Евдокимов П. Г. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М. 1952. С. 8.

<sup>5</sup> Евдокимов П. Г. Указ. соч. С. 8.

точку зрения ошибочной в теоретическом и практическом отношениях, указывал, что при таком рассуждении «...состав преступления теряет определенность, игнорируется то обстоятельство, что сущность состава преступления определяется не только субъективными целями «деятельности» преступника, но также и тем объективным вредом, который причиняется соответствующему объекту посягательства»<sup>1</sup>.

В немалой степени формированию такого взгляда способствовала концепция А. Я. Вышинского, известного ученого, юриста, государственного деятеля, личности неординарной, чья деятельность многими необоснованно воспринимается только как негативная. Большинство научных работ А. Я. Вышинского и сегодня не потеряли своей актуальности. В то же время нужно признать, что его расширительное толкование соучастия не может быть принято уголовной теорией и практикой. «Вызывает сомнение, — писал А. Я. Вышинский, — трактовка соучастия как деятельности, находящейся в причинной связи с учиненным исполнителем преступным результатом. Для понятия соучастия необходимо наличие не причинной связи, а связи вообще данного лица с совершенным преступлением»<sup>2</sup>. Довольно точно аргументировал несостоятельность такого подхода. Г. И. Баймурзин, к мнению которого нужно присоединиться: «Отрицание значения причинной связи между действиями соучастника и совершенным преступлением расширяло до неограниченных пределов рамки соучастия, в результате чего всякая деятельность, в той или иной мере связанная с совершением преступления, оказывалась поглощенной понятием соучастия. При такой трактовке вопросу прикосновенности не оставалось места, и оно целиком и полностью вытеснялось институтом соучастия, поскольку факт наличия объективно существующей связи деятельности прикосновенного лица с основным преступлением считается достаточным основанием для признания соучастия в преступлении»<sup>3</sup>. В своих взглядах А. Я. Вышинский придерживался английской уголовно-правовой доктрины, которая действительно устанавливала довольно широкие пределы ответственности за соучастие. В этом смысле и в теории Б. С. Утевского просматривается общность с воззрениями английских юристов в делении соучастников по признаку времени возникновения общественно-опасной деятельности.

В последующем также предпринимались попытки упразднить институт прикосновенности в нашей уголовно-правовой науке. Р. А. Хру-

---

<sup>1</sup> Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 45–46.

<sup>2</sup> Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М. 1949. С. 118–119.

<sup>3</sup> Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата. 1968. С. 26.

линский-Бурбо в 1952 году утверждал, что нет общих признаков, в соответствии с которыми укрывательство, недоносительство и попуститель-ство можно было бы отнести к прикосновенности, доказывая это на примере законодательства, в котором укрывательство рассматривалось как соучастие, недоносительство было наказуемо только в специально предусмотренных случаях, а ответственность за попуститель-ство вовсе исключалась<sup>1</sup>. Используемые автором аргументы не уместны, так как нельзя смешивать «материальную характеристику тех или иных общественно-опасных деяний с проблемами кодификации: первое определяет второе, но отнюдь не тождественно с ним»<sup>2</sup>. Соглашаясь с теорией А. Я. Вышинского, Р. А. Хрулинский-Бурбо допускал ту же ошибку, говоря, что «причинная связь между деятельностью соучастника и совершенным исполнителем преступлением не является необходимым конститутивным элементом соучастия в советском уголовном праве»<sup>3</sup>.

Отрицательно высказывался и П. Г. Мишунин: «...надо отказаться от понятия института прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве. Этот институт не вызывается потребностями судебной и прокурорской практики». Как и ряд других криминалистов, он относил заранее не обещанное укрывательство к пособничеству, в то же время признавая в качестве самостоятельного преступления заранее не обещанное недоносительство<sup>4</sup>. Очевидны явные противоречия в рассуждениях автора.

Представляется, что предложения об исключении института прикосновенности из уголовного права необоснованны. По этому поводу справедливо писал А. А. Пионтковский: «...понятие прикосновенности — вполне устойчивое юридическое понятие о некоторых преступных формах деятельности, связанных с совершенным преступлением»<sup>5</sup>. В этом взгляды ученого близко подходят к позиции большой группы юристов, к которым следует отнести уже отмеченных ранее Э. Я. Немировского, С. В. Познышева, а также: А. Н. Трайнина, И. Лаптева, В. Г. Смирнова, Г. И. Баймурзина, И. А. Бушуева, Б. Т. Разгильдиева,

---

<sup>1</sup> Хрулинский-Бурбо Р. А. Против института прикосновенности в теории советского уголовного права. Ученые записки Саратовского юрид. инст. им. Д. И. Курского. Вып. 3-й. Саратов. 1952. С. 170–171.

<sup>2</sup> Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 46.

<sup>3</sup> Хрулинский-Бурбо Р. А. Указ. соч. С. 169.

<sup>4</sup> Мишунин П. Г. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве // Соц. законность. 1956. № 11. С. 11, 13, 16.

<sup>5</sup> Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М. 1961. С. 590.

М. Д. Шаргородского, А. А. Герцензона, В. М. Чхиквадзе, М. Х. Хабибулина, Н. С. Косякову и многих других.

Высказанные ими положения имеют огромное теоретическое и практическое значение, но в то же время нельзя не отметить, что по некоторым вопросам в их позициях просматриваются отдельные неточности, которые нуждаются в более подробном рассмотрении.

В свое время И. Лаптев писал, что деятельность прикосновенных «ни в какой связи с совершением преступления не находится и ему ни в какой мере не содействует», далее он продолжает: «Прикосновенность-это деятельность, связанная с уже совершенным преступлением». Очевидно, что первое суждение автора находится в некотором противоречии со вторым и не вносит никакой ясности в определение прикосновенности. Кроме того, «прикосновенное к преступлению лицо появляется на сцене, — по его мнению, — после того, как преступление уже совершено»<sup>1</sup>. Как быть в таком случае с несообщением о готовящемся преступлении и попустительством, которые, наравне с укрывательством, относились автором к прикосновенности.

Проф. А. Н. Трайнин не выступал против института прикосновенности в уголовном праве, но в своих выводах сужал круг деяний прикосновенных, отвергая попустителей, которые, по его мнению, в одних случаях могут быть представлены как недоносители, а в других нести ответственность за бездействие власти<sup>2</sup>. Вызывает сомнения оценка автором прикосновенности как формы преступного сотрудничества<sup>3</sup>, что может быть определено как совместная деятельность двух и более лиц, объединившихся для достижения определенных преступных целей. Это справедливо, если речь идет о соучастии в прикосновенности, но, когда к преступлению прикосновенно одно лицо, будь то укрыватель или недоноситель, о преступном сотрудничестве не может быть и речи. В тезисе: «к соучастию примыкают *действия* (укрывательство и недоносительство)...», А. Н. Трайнин, на наш взгляд допускает неточность, в силу которой можно предположить, что недоносительство проявляется в форме действия, а не бездействия, к тому же возникают трудности в понимании термина «примыкают». Представляется неясной и трактовка прикосновенности в целом. По мнению автора, она «охватывает такую связь третьих лиц с преступниками, которая не достигает интенсивности соучастия, но которая все же не может остаться за пределами уголовного пра-

---

<sup>1</sup> Лаптев И. Прикосновенность к преступлению // Советская юстиция. 1941. С. 9.

<sup>2</sup> Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. 1941. С. 134.

<sup>3</sup> Там же. С. 130.

восудия», в то же время автор пишет, что «действия, примыкающие к соучастию, никогда не являются причиной преступного результата»<sup>1</sup>.

Верно писал В. Г. Смирнов, определяя прикосновенность как умышленную деятельность не участвовавших в преступлении лиц. Однако далее автор относит к такой деятельности «способствование сокрытию преступника, следов, орудий или предметов преступления, или реализацию плодов преступления»<sup>2</sup>, иными словами — укрывательство преступления; недоносительство о совершенном преступлении; и умышленное невоспрепятствование должностных лиц общественно-опасной деятельности других лиц, направленной на сокрытие преступления или реализацию его плодов<sup>3</sup>. Трудно согласиться с утверждением криминалиста, что недоноситель о готовящемся или совершающемся преступлении и попуститель подготовке и совершению преступления, независимо от того, заранее обещано было такое поведение или нет, остаются за рамками прикосновенности и должны быть отнесены к соучастникам<sup>4</sup>. При этом реализацию плодов преступления вовсе следует исключить из этой группы деяний, так как реализующий плоды преступной деятельности преследует иную цель, отличную от той, к которой стремится прикосновенный, укрывая преступление, не сообщая о нем или попустительствуя ему. Есть и другие признаки, позволяющие отграничить данное преступление от прикосновенных форм преступного поведения, но их рассмотрение целесообразно перенести в следующие разделы исследования.

Другим недостатком следует считать то, что некоторые из представленных ученых ограничиваются в определении прикосновенности перечислением деяний, входящих, по их мнению, в это понятие<sup>5</sup>. Такой способ отражения сущности прикосновенности раскрывает ее содержание лишь частично, поэтому «определение понятия, — как справедливо отмечает Г. И. Баймурзин, — должно идти дальше и включать наиболее существенные черты и свойства, общие всем его видам и формам, все внутренние связи, объединяющие их в единое целое»<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. 1941. С. 130.

<sup>2</sup> Смирнов В.Г. Указ. соч. С. 44.

<sup>3</sup> Там же. С. 24.

<sup>4</sup> Там же. С. 20.

<sup>5</sup> См. напр.: Немировский Э. Я. Указ. соч. С. 211–212; Познышев С. В. Указ. соч. С. 146–147; Герцензон А. А.. Уголовное право. Часть общая. М. 1948. С. 377; Гришаев П. И, Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М. 1959. С. 200.

<sup>6</sup> Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата. 1968. С. 32.

Не все признаки прикосновенности отражены в определении авторов учебника уголовного права 1950 года. Прикосновенность, по их мнению, «предполагает такое деяние лица, которое хотя и связано в определенной степени с совершенным преступлением, но не является содействием совершению преступления»<sup>1</sup>. Аналогично, правда, с незначительным дополнением пишет А. А. Пионтковский: «Преступная деятельность, связанная с совершенным или совершающимся преступлением, но не содействующая его совершению, называется прикосновенностью». Такое определение позволяет неоправданно расширять круг деяний прикосновенных, что недопустимо. Таким же образом определяет прикосновенность проф. Ю. А. Красиков<sup>2</sup>.

Верно, но недостаточно полно отражено понятие прикосновенности к преступлению в определениях И.А. Бушуева, Г. Виттенберга, П. Панченко, Г. Кригера, которые указывали на общественно-опасный и умышленный характер деяний прикосновенных, не являющихся соучастниками в преступлении, но чья деятельность осуществляется по отношению к совершенному или совершаемому преступлению<sup>3</sup>. Не многим отличалось определение Б. Т. Разгильдиева: «Прикосновенность к преступлениям — это предусмотренное уголовным законом умышленное общественно-опасное деяние, направленное на устранение исправительно-трудового или иного воздействия на лиц, совершивших или готовящихся совершить достоверно известные преступления, причинно не обусловленные им и посягающие на интересы общественной безопасности». Сам автор при этом признавал, что «относительная громоздкость и сложность предложенного определения объясняется многогранностью раскрываемого им явления и необходимостью отразить все его существенные признаки»<sup>4</sup>.

Из всех названных криминалистов наиболее точно понятие прикосновенности трактует Н. С. Косякова: «Прикосновенностью к преступлению признают умышленную, заранее не обещанную деятель-

---

<sup>1</sup> Меньшагин В. Д., Вышинская З. А.: Советское уголовное право. М. 1950. С. 156.

<sup>2</sup> Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. М. 1970. Т. II. С. 486; Красиков Ю. А. в уч. Уголовное право. Общая часть. М. 1994. С. 319.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Виттенберг Г. Б., Панченко П. Н. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: уч. пособие. Иркутск. 1976. С. 11; Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М. 1965. С. 40; Кригер Г. А. в уч. Советское уголовное право. Общая часть. М. 1988. С. 193.

<sup>4</sup> Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов.1981.С.44.

ность лица, связанную с совершаемым другими лицами преступлением, но не содействующую ему и не находящуюся в причинной связи с преступным результатом»<sup>1</sup>.

Приведенные определения показывают, что многие авторы верно отмечают нетождественность понятий прикосновенность и соучастие (если быть более точным — между ними нет ничего общего), кроме того правоведы справедливо выделяют умышленный и общественно-опасный характер деяний прикосновенных, что соответствует признакам понятия преступления в уголовном праве. Данные выводы стали общепризнанными в уголовно-правовой доктрине, но они, к сожалению, не нашли своего отражения в уголовном законодательстве. Действующим УК РФ не было воспринято даже то положительное, что имелось в Уголовном Законе 1960 года, в котором хотя и не было положений, раскрывавших понятие прикосновенности к преступлению, но содержались нормы в общей части, определявшие сущность отдельных видов прикосновенных деяний.

Коль скоро исследуется проблема прикосновенности в рамках уголовного права, то возникает необходимость в первую очередь включить в ее содержание признаки понятия преступления, т. е. определить прикосновенность, указав, что это противоправное, виновно совершаемое, общественно-опасное деяние, которое может быть выражено как в форме действия, так и бездействия. Противоправность как формальный признак хотя и имеет определенное значение, но выступает в данном случае лишь в качестве составляющей, зависящей целиком и полностью от других признаков, и является их юридическим выражением. Поэтому противоправность не может быть признана решающим фактором в определении прикосновенности. Важность данного уточнения связана с тем, что сегодня в уголовном законодательстве России прикосновенность как таковая выражена лишь в форме ответственности за заранее не обещанное укрывательство только особо тяжких преступлений, а несообщение о преступлении частично криминализировано и коснулось только деяний, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ (ст. 205.6 введена Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ), ответственность же за попустительство не предусмотрена в рамках самостоятельной нормы. На фоне современной криминогенной обстановки в стране, в период устрашающего роста числа тяжких и особо тяжких преступлений, сопровождающегося снижением уровня их раскрываемости (что стало

---

<sup>1</sup> Косякова Н. С. Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. С. 21.

возможным и по причине равнодушного, терпимого, а нередко и одобряющего поведения со стороны граждан по отношению к преступным проявлениям<sup>1</sup>), ограниченная криминализация прикосновенных форм общественно-опасного поведения выглядит по меньшей мере следствием недолжной оценки значимости данного института. Поэтому временная недооценка института прикосновенности к преступлению не должна влиять на определение сущности данного института и ставить под сомнение сам факт его существования.

Общественная опасность является качественным, объективным свойством любого преступления. Прикосновенность к преступлению, как одна из разновидностей преступного поведения, причиняет вред или создает угрозу причинения вреда определенному кругу общественных отношений, находящихся в сфере отправления правосудия. Именно этими общественными отношениями определяется содержание характера опасности поведения прикосновенных к преступлению лиц. В свою очередь степень общественной опасности прикосновенности к преступлению, как количественная характеристика деяния, достигает уровня, при котором поведение прикосновенных должно признаваться уголовно-наказуемым лишь при наличии определенных факторов. К этим факторам следует отнести характер вины прикосновенного, тяжесть основного общественно-опасного деяния и т. д. Так, укрывательство убийства — деяние более опасное, чем то же укрывательство, но совершенное в отношении кражи.

Утверждение, что прикосновенность к преступлению, независимо от ее вида, — это виновное деяние, означает, что любое прикосновенное деяние сопровождается умышленной формой вины. То есть лицо действует или бездействует осознанно, сознает свое поведение как общественно-опасное, препятствующее предотвращению и раскрытию преступления, сознает характер и тяжесть основного деяния, в отношении которого поведение прикосновенного является желаемым.

Следующим общим для института прикосновенности признаком является то, что деяния прикосновенных могут иметь место только при наличии и по отношению к другому общественно-опасному деянию, совершенному другим лицом. Отсутствие такого деяния с однозначностью предполагает и ничтожность прикосновенности, потому что нельзя прикоснуться к тому, чего нет. В этом смысле с высокой осторожностью можно говорить о связи или, точнее, зависимости бы-

---

<sup>1</sup> К этому выводу приходит в своем исследовании и Р. М. Акутаев. Криминологический анализ латентной преступности: дисс... докт. юрид. наук. СПб. 1999. С. 172–198.

тия прикосновенных от бытия основного деяния. Такая связь носит условный характер, и ни в коем случае нельзя ее отождествлять с причинной или виновной связью. М. Д. Шаргородский в свое время писал: «Прикосновенность — это деяние, общественная опасность которого определяется тем, что оно совершается в связи с преступной деятельностью другого лица»<sup>1</sup>. Справедливость данного утверждения не вызывает сомнений. Однако в практике деятельности следственных органов встречались примеры грубейшего нарушения данного положения. Так, следствием в 1999 году было предъявлено обвинение в совершении заранее не обещанного укрывательства особо тяжкого преступления гр-ну Кравченко, который, как следует из материалов уголовного дела, участвовал в вывозе в лесопарковую зону г. Санкт-Петербурга трупа гр. Тулуповой, помещенного в пенал кухонного шкафа. При этом органами следствия не было установлено, в результате чего наступила смерть Тулуповой, т. е. имело ли место преступное посягательство или смерть явилась причиной собственных действий погибшей. Справедливым итогом такого «расследования» был оправдательный приговор суда, который верно сослался на недоказанность факта совершения основного особо тяжкого преступления<sup>2</sup>.

Возможны случаи, когда лицо становится прикосновенным к различным общественно опасным деяниям, вследствие чего уголовная ответственность должна определяться по совокупности прикосновенных деяний. Прикосновенность имеет место и тогда, когда лицо, совершившее основное преступление, по тем или иным причинам отсутствует (например, виновный скрывается или таковой не установлен). Прикосновенность исключается только в том случае, если основное деяние признано фактически не существующим или не преступным (например, лишение жизни в состоянии необходимой обороны и т. д.). Из сказанного следует важный вывод о том, что не может быть прикосновенным к преступлению лицо, совершившее это преступление. Абсурдно наказывать виновного за сокрытие или несообщение о собственном преступлении. На это указывали еще дореволюционные юристы. В этой связи М. Меркушев необоснованно утверждал: «Усмотрение в укрывательстве самостоятельного преступления против правосудия является неправильным еще и потому, что при таком понимании укрывательства в действиях субъекта, совершившего одно преступление и принявшего меры к со-

---

<sup>1</sup> Шаргородский М.Д.. Вопросы общей части уголовного права. Л. 1955. С. 155.

<sup>2</sup> Архив Федерального суда Калининского р-на г. Санкт-Петербурга. Уголовное дело № 1-590/99.

крытию этого преступления, пришлось бы усматривать два самостоятельных преступления»<sup>1</sup>.

Еще одной особенностью нужно считать возможность прикосновенности не только к преступлениям, но и к общественно опасным деяниям, совершаемым лицом невменяемым или не достигшим возраста уголовной ответственности, когда отсутствует такой обязательный элемент состава преступления как субъект, в силу чего деяние не является преступлением в полном юридическом смысле этого слова. Предотвращение, пресечение и раскрытие общественно опасных проявлений со стороны невменяемых лиц и малолетних — не менее важная задача. Трудно согласиться, например, что несообщение об убийстве, совершенном малолетним, менее опасное деяние, чем то же деяние в отношении убийства, совершенного лицом, подпадающим под признаки субъекта данного преступления. Подобное предложение высказывалось немногими и то лишь в рамках отдельных видов прикосновенности к преступлению. Так М. Х. Хабибуллин и В. Илюхин указывали, что целесообразно привлекать к ответственности недоносителей, которые не сообщили об общественно-опасном деянии невменяемых<sup>2</sup>. Представляется, что аналогично должен решаться вопрос и в отношении укрывателей и попустителей. Это тем более обосновано, так как деяния указанных лиц обладают большей в сравнении с поведением недоносителей опасностью. Признание преступным поведением попустителей, укрывателей и недоносителей в отношении общественно опасных действий невменяемых и малолетних оправдано и с позиции требований, содержащихся в УПК РФ (см., например положения гл. 51 УПК РФ), где указано на обязательность производства предварительного следствия по делам об общественно опасных деяниях невменяемых с целью последующего решения вопроса о возможности применения к данным лицам принудительных мер медицинского характера. Поэтому правильным было бы говорить о прикосновенности к общественно опасному деянию, которое шире понятия преступление.

Другим общим моментом для всех видов прикосновенности следует считать то, что, будучи в определенной степени связанным с ос-

---

<sup>1</sup> Меркушев М.. Ответственность за укрывательство // Соц. законность. 1955. С. 23.

<sup>2</sup> См. подробнее: Хабибуллин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань. 1984. С. 85–86; Илюхин В. Некоторые вопросы ответственности за недоносительство // Сов. Юстиция. 1980. № 7. С. 27.

новным деянием, поведение прикосновенного не является причиной совершаемого или совершенного общественно опасного деяния. Значимость данного признака определяется возможностью разграничить соучастие и прикосновенность, что, следовательно, позволяет избежать неверной квалификации деяния.

Общепризнанно, что соучастие наряду с другими признаками определяется совместностью деятельности соучастников, предполагающей стремление к общему единому результату, наличие причинной связи между действиями каждого из соучастников и наступившим результатом и необходимость создания условий для совершения действий другими соучастниками. Кроме объективных признаков совместность деятельности соучастников определяется и субъективной составляющей, т. е. сознанием каждого соучастника о деятельности другого и стремлением к достижению преступного результата при общности усилий<sup>1</sup>. При этом возможна как двусторонняя, так и односторонняя субъективная связь. Последняя означает, что исполнитель может и не знать о присоединившейся деятельности пособника или подстрекателя, но это не устраняет оценки их деяния как соучастие. На этих позициях стояли А. Н. Трайнин, П. И. Гришаев, Г. А. Кригер, М. Д. Шаргородский, к мнению которых, очевидно, следует присоединиться.

Изложенное выше позволяет утверждать, что деяния прикосновенных не находятся в причинной связи с результатом основного преступления и не содействуют его наступлению<sup>2</sup>. Поэтому нельзя согласиться с высказанным в литературе утверждением, что в некоторых случаях «прикосновенное поведение» находится в причинной связи с основным преступлением. В то же время отдельные авторы, поддерживающие эту идею, признают, что «...нахождение определенных форм прикосновенной деятельности в причинной связи с преступлением...далеко еще не означает факта соучастия»<sup>3</sup>. На сказанное можно ответить словами Г. И. Баймурзина: «При оценке характера связей прикосновенности и соучастия с преступлением следует иметь в виду, что различия между этими двумя типами связей носят качественный характер и поэтому было бы неправильным сводить их

---

<sup>1</sup> Подробнее см. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев. 1986. С. 104-105.

<sup>2</sup> Этих же взглядов придерживаются: И. А. Бушуев, Г. И. Баймурзин, Б. Т. Разгильдиев, Н. С. Косякова и др.

<sup>3</sup> См.: Г. Б. Виттенберг, П. Н. Панченко. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: уч. пособие. Иркутск. 1976. С. 8-9.

чисто к количественным моментам»<sup>1</sup>. Не признавал деяния прикосновенных причиной преступного результата и А. Н. Трайнин<sup>2</sup>.

Другим аргументом, подтверждающим разницу между прикосновенностью и соучастием, является заранее не обещанный характер деяний прикосновенных к преступлению, одновременно он служит признаком, выделяющим прикосновенность в самостоятельный институт. А. Н. Трайнин справедливо отмечал: «Если примыкающие к соучастию действия — укрывательство и недонесение — были заранее обещаны преступнику и, таким образом, вошли в общий план, обусловившей наступление преступного результата, они теряют свой отличительный признак, перестают быть самими собой и должны рассматриваться как форма соучастия, точнее — пособничество»<sup>3</sup>. Действительно, данное заранее обещание превращает недоносителей, укрывателей и попустителей в интеллектуальных пособников, которые укрепляют решимость исполнителя в совершении преступления. Заранее не обещанная деятельность, напротив, не оказывает никакого влияния на поведение виновного. Еще Н. С. Таганцев утверждал, что «прикосновенные, не обещавшие заранее своего содействия, ни в каком случае не могут быть признаваемы участниками преступления»<sup>4</sup>. Таким образом, прикосновенность — это заранее не обещанное деяние, а значит, во всех своих формах проявления не является соучастием в преступлении и не служит причиной преступного результата.

Следующий общий признак прикосновенности заключается в том, что прикосновенные во всех случаях препятствуют нормальной деятельности государственных органов по предупреждению, пресечению и раскрытию общественно-опасных деяний других лиц, что означает неизменность объекта прикосновенности, при всем разнообразии общественных отношений, на которые посягает основное преступление. Этим, собственно, и определяется характер общественной опасности деяний прикосновенных. Но нужно учитывать, что попустительство как вид прикосновенности, в силу своей специфичности, помимо указанных общественных отношений, посягает и на отношения в сфере нормального осуществления служебной деятельности.

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 38.

<sup>2</sup> См.: А. Н. Трайнин. Указ. соч. С. 130.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 130. Этой точки зрения придерживались также: А. Н. Неклюдов, Л. С. Белогриц-Котляровский, Л. Е. Владимиров и многие другие дореволюционные криминалисты. Из современных ученых прикосновенность признают заранее не обещанным деянием большинство.

Наличие всех рассмотренных признаков в их единстве позволяет достаточно полно отразить сущность прикосновенности к преступлению в уголовном праве.

Итак, прикосновенность можно определить как заранее не обещанное, умышленное, общественно опасное, противоправное поведение, создающее препятствия в деятельности по предупреждению, пресечению и раскрытию другого общественно-опасного деяния, совершаемого или совершенного другим лицом, возможное только при наличии и по поводу последнего, но причинно и виновно не обуславливающее совершение этого деяния.

### **§ 3. Общая характеристика прикосновенности к преступлению**

В предыдущей части исследования было дано определение понятию прикосновенность к преступлению, которое отражает сущность прикосновенности как явления объективной действительности, как акта человеческого поведения. Но, для большей ясности, прикосновенность необходимо исследовать также с позиции оценки ее объективных и субъективных признаков, являющихся общими для данного института. Такой анализ представляет не только теоретический, но и практический интерес, так как дает возможность объединить деяния в одну группу и отграничить виды прикосновенности, за которые должна быть предусмотрена уголовная ответственность, от деяний, общественная опасность которых не велика и влекущих соответственно лишь меры морального осуждения.

В действующем уголовном законодательстве термин «прикосновенность к преступлению» не используется<sup>1</sup>. В сравнении с УК РСФСР 1960 г. несообщение (недонесение) о преступлении с момента его вступления в силу в 1997 году по июнь 2016 года было полностью декриминализировано, круг деяний, укрывательство которых наказуемо, ограничен только категорией особо тяжких преступлений, а попустительство, как и ранее, не имеет самостоятельного отражения в законе. Кроме того, в общей части уже нет норм, которые устанавливали бы принципы наказуемости отдельных видов прикосновенности, как это было предусмотрено в уголовном законе до 1997 года. На наш взгляд, это существенная недоработка современного уголовного законодательства, явившаяся во многом следствием недооценки института прикосновенности в уголовном праве. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что в большинстве современных учебников и авторских

---

<sup>1</sup> Интересно вспомнить, в этой связи, что данный термин применялся в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

исследований по уголовному праву вопросы прикосновенности либо вовсе не рассматриваются, либо излагаются довольно поверхностно в разделе о соучастии.

Современная криминогенная обстановка в России требует от государственных институтов власти применения всех возможных мер для воздействия на снижение преступности. К числу таких мер целесообразно причислить решение по криминализации отдельных видов прикосновенности к преступлению. Верно мотивирует такую необходимость Н. С. Косякова: «...уверенность в том, что не найдутся люди, которые укрывали бы совершенное преступление, что окружающие, узнавшие о преступлении и лице, его совершившем, немедленно информируют органы власти, значительно сократило бы количество лиц, совершивших преступления. И это обоснованно, поскольку надежда на безнаказанность без этого выглядела бы по меньшей мере иллюзией». Далее автор эмоционально, но вполне справедливо пишет: «Являются ли названные деяния сегодня — в разгул преступности — общественно опасными? Всякий здравомыслящий человек ответит на это утвердительно, так как деятельность лиц, прикосновенных к преступлению, препятствует установлению истины по уголовным делам, изобличению преступников, противодействует осуществлению правосудия, разлагает общество»<sup>1</sup>.

К сожалению, практические работники редко в своей деятельности обращают внимание на деяния прикосновенных в силу разных причин, и это при том, что правоохранительные органы, не способны самостоятельно и эффективно противодействовать преступности без активного содействия со стороны граждан. На важность участия населения в борьбе с преступностью указывают многие криминалисты<sup>2</sup>, а на специальной сессии IV Конгресса ООН по борьбе с преступностью юристами было признано, что в настоящее время нельзя добиться эффективных результатов борьбы с преступностью без привлечения населения. В этом смысле разумность установления ответственности за прикосновенные деяния определяется тем, что под страхом наказания граждане не создают благоприятных условий для совершения преступлений другими лицами и не способствуют безнаказанности преступников, чем, в принципе, оказывают помощь правосудию. По мне-

---

<sup>1</sup> Косякова Н. С. Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. С. 21–22, 24.

<sup>2</sup> См., например: Новичков В. Е. Применение уголовно-правовых норм, поощряющих или обязывающих граждан оказывать помощь правоохранительным органам: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М. 1991; Косякова Н. С. Указ. соч. С. 21–24. и др.

нию А. А. Конева, преступность достигает наивысшего уровня тогда, когда согласуются или совпадают криминогенные устремления преступников с негативной нравственно-правовой активностью граждан<sup>1</sup>, последнее иначе можно определить как терпимость, равнодушие и даже одобрение преступного поведения других.

Немаловажным при решении вопроса криминализации деяний прикосновенных является признание и общепреventивного значения их наличия в уголовном законодательстве, а также способность влиять на формирование в гражданах чувства нетерпимости по отношению к преступным проявлениям со стороны других лиц. Нельзя упускать из виду и тот факт, что нарушение принципа неотвратимости ответственности во многом связано с поведением прикосновенных.

Таким образом, признание самостоятельного значения института прикосновенности в теории уголовного права означает, что и в уголовном законодательстве он должен получить свое отражение в полном объеме.

Характеристика прикосновенности к преступлению предполагает в первую очередь определение тех общественных отношений, на которые посягают деяния прикосновенных, т. е. определение того, что является их общим объектом. Понятие объекта преступления в науке уголовного права выработано давно, и под ним понимаются наиболее значимые общественные отношения, охраняемые законом от всякого рода посягательств, способных нарушить нормальную систему существования этих отношений, тем самым причинив им вред. Характер и степень общественной опасности любого преступления зависят от того, на какой конкретный объект посягает деяние. Поэтому в нашем случае интерес представляют не общественные отношения вообще, как общий объект для всех преступлений, а те из отношений, которые являются объектом посягательства при прикосновенности к преступлению.

В уголовно-правовой теории до сих пор нет единства во мнении об объекте посягательства при совершении прикосновенных деяний. Расхождение во взглядах по этому вопросу свидетельствует о сложности проблемы и ее неразрешенности. Имеющиеся трудности во многом объясняются существованием прикосновенности только в связи с преступлением других лиц, поэтому только при правильном понимании таких связей возможно верное решение исследуемого вопроса.

---

<sup>1</sup> См.: Конев А. А. Преступность и проблема измерения ее реального состояния: дисс... докт. юрид. наук. М. 1993. С. 375.

По мнению В. Г. Смирнова: «...определяющим объектом посягательства лиц, прикосновенных к преступлению, следует признать тот объект, на который было направлено укрываемое преступление или преступление, о совершении которого не было сообщено своевременно органам власти, или преступление, укрывательству которого должностное лицо не воспрепятствовало». Вывод автора основан на его утверждении о двойственном характере прикосновенности, которая с одной стороны является содействием преступнику, совершившему основное преступление, а с другой — это противодействие работе органов правосудия<sup>1</sup>. Трудно согласиться с мнением уважаемого криминалиста по тем основаниям, что деяния прикосновенных, как указывалось и ранее, не находятся в причинной связи с совершаемым или совершенным преступлением и причинно не обуславливают наступление общественно-опасных последствий вследствие совершения основного деяния. В противном случае мы должны говорить о соучастии в преступлении, а таковым прикосновенность не является. Прикосновенность при всех ее видах всегда предполагает воспрепятствование деятельности по раскрытию и пресечению общественно-опасных деяний, в этом и проявляется ее специфичность.

Схожей позиции в отношении заранее не обещанного укрывательства придерживались А. С. Омаров, П. К. Евдокимов и М. И. Ковалев, но, в отличие от В. Г. Смирнова, прикосновенное укрывательство ими относилось к соучастию в преступлении, что не могло не привести к ошибочному признанию объектом такого укрывательства объекта укрываемого преступления. А. С. Омаров при этом указывал, что укрывательство дополнительно посягает и на правильную деятельность органов правосудия. Своеобразие точки зрения М. И. Ковалева заключалось в том, что укрывательство, по его мнению, посягает на тот же объект, что и укрываемое преступление, только в случае, если основное преступление относится к категории наиболее тяжких, а в отношении остальных преступлений заранее не обещанное укрывательство он считал посягательством на интересы правосудия. Г. М. Шур также придерживался идеи двухобъектности при анализе недонесения о преступлении<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. М. 1957. С. 26–27; Аналогичных взглядов придерживался Раал Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Тарту. 1956. С. 11.

<sup>2</sup> См.: Омаров А. С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф. дисс...канд. юрид. наук. М. 1954.; Кова-

Ошибочность такого подхода в решении вопроса об объекте прикосновенности, видимо, вызвана в том числе и влиянием противоречивых положений действовавшего в то время уголовного законодательства, не проводившего различия между прикосновенностью и соучастием.

Нельзя согласиться и с позицией Б. Т. Разгильдиева, полагавшего, что «... родовым объектом прикосновенности к преступлению выступают общественные отношения, обеспечивающие Основы общественной безопасности и общественную безопасность. Непосредственным же объектом в зависимости от прикосновенности к какой группе идет речь, будут выступать либо Основы общественной безопасности, либо общественная безопасность». Свое решение автор мотивировал тем, что укрыватели и недоносители создают условия, способствующие продолжению преступной деятельности<sup>1</sup>. Практически он ставил в прямую зависимость возможную в будущем общественно-опасную деятельность виновного от деяний прикосновенных, возлагая по сути на последних ничем не оправданную ответственность. Данный случай скорее применим к соучастию в форме интеллектуального пособничества, когда данное заранее обещание оказать содействие в сокрытии преступления или не сообщать о его совершении укрепляет в исполнителе решимость довести общественно-опасное деяние до конца или осуществлять подобную деятельность систематически, так как виновный уверен, что и в дальнейшем ему окажут такое содействие. Сказанное не дает оснований признать родовым объектом деяний прикосновенных общественную безопасность.

Сложным считает объект преступлений, охватываемых институтом прикосновенности, Н. С. Косякова: «Это и интересы правосудия, и жизнь, и здоровье людей, и отношения в сфере экономики, и общественная безопасность»<sup>2</sup>. В отличие от других авторов Н. С. Косякова приходит к выводу о многообъектности прикосновенности на основе неоправданного объединения под этим понятием довольно широкого круга деяний<sup>3</sup>, среди которых, представляется, верно отмечены только заранее

---

лев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф. дисс...канд. юрид. наук. М. 1952. С. 9; Евдокимов П. К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву: автореф. дисс...канд. юрид. наук. М. 1953. С. 12.; Шур Г. М. Недоносительство: диссертация. М. 1949. С. 132.

<sup>1</sup> Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов. 1981. С. 29–30.

<sup>2</sup> Косякова Н. С. Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. С. 29.

<sup>3</sup> Наряду с общепризнанными формами автор указывает также: легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем — ст. 174 УК; оставление в опасности — ст. 125 УК; приобретение

не обещанное укрывательство, недонесение и попустительство, остальные либо вовсе не относятся к институту прикосновенности, либо имеют с прикосновенными деяниями лишь отдельные схожие элементы. Автором упускается из виду тот факт, что прикосновенность, как имя роду, объединяет в своем содержании общие для всех ее форм проявления признаки, которые присущи всем ее видам, что одновременно является и критерием отграничения прикосновенных деяний от иных видов преступлений. Поэтому в данном случае мы можем отметить лишь тот объект посягательства, который характерен для всех видов прикосновенности. Лишь при попустительстве характер общественно-опасного посягательства приобретает некоторые особенности. Попуститель не только посягает на интересы правосудия, но также, не выполняя возложенные на него служебные обязанности, осуществляет тем самым посягательство на интересы службы. Однако нельзя вследствие этого признавать общим объектом прикосновенности и интересы службы — это несвойственно другим прикосновенным формам посягательства.

Верно по исследуемому вопросу высказался А. Н. Трайнин: «...укрывающий преступление или преступника, не сообщаящий о готовящемся или совершенном преступлении, тем самым совершает конкретное преступление — противодействует отправлению правосудия»<sup>1</sup>. Такой же позиции придерживались и другие авторы. Так, И. А. Бушуев писал: «...объектом преступления прикосновенного лица укрывателя, недонесителя и попустителя является нормальная деятельность органов... правосудия, обеспечивающая своевременное предупреждение и раскрытие преступлений, а также изобличение преступника»<sup>2</sup>.

Таким образом, деяния прикосновенных хотя и связаны с основным преступлением, но не находятся в причинной связи с ним и, следовательно, не посягают на объект основного преступления. Опасность поведения прикосновенных лиц определяется тем, что, укрывая преступника, следы преступления, не сообщая об известном готовящемся или совершенном общественно-опасном деянии, попустительствуя ему, прикосновенные посягают на нормальную деятельность соответствующих государственных органов по пресечению и раскрытию общественно опасных деяний других лиц, оказывая тем самым негативное воздействие на реализацию важного обще-правового принципа — неотвратимость ответственности. Правоохранительная деятель-

---

или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем — ст. 175 УК. Там же. С. 24–28.

<sup>1</sup> Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 131.

<sup>2</sup> Бушуев И. А. Указ. соч. С. 47; см. так же Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 42. и др.

ность представляет собой разновидность общественных отношений в сфере нормального отправления правосудия, которая, являясь важной функцией государства, охраняется им посредством уголовного закона от посягательств.

Большое значение в определении сущности прикосновенности к преступлению играют признаки, характеризующие внешнюю сторону поведения прикосновенных и объединенные в понятие — объективная сторона состава преступления. Отсутствие признаков данного элемента состава преступления указывает на отсутствие факта посягательства на охраняемые общественные отношения, без чего, следовательно, нельзя говорить и о субъективных признаках деяния как о внутренних психологических условиях внешнего проявления поведения человека, а, значит, не может иметь место и само преступление.

В теории уголовного права общепризнанно, что к числу основных признаков объективной стороны относятся общественно-опасное деяние (действие или бездействие), общественно опасное последствие и причинная связь между деянием и последствием. Наличие всех указанных составляющих необходимо при оценке так называемых материальных составов преступления, однако обязательным признаком, присутствующим во всех преступлениях, является только общественно опасное деяние в форме действия или бездействия, занимающее главное место среди других признаков объективной стороны. Лишь посредством деяния возможно взаимодействие с реальной действительностью и, следовательно, возможно посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения. При этом своеобразии конкретных видов преступления определяется своеобразием сочетания отдельных особенностей и признаков, связанных с формой деяния, характером причиняемого вреда, обстановкой совершенного деяния, местом и временем его совершения и т. д. Вышеизложенное и должно учитывать при определении общих объективных признаков, позволяющих нам выделять прикосновенность в самостоятельный уголовно-правовой институт, поэтому нельзя согласиться с авторами, решающими данный вопрос методом простого объединения особенностей разных видов прикосновенности, так как в этом случае выделяются и свойства, выражающие специфику отдельных форм прикосновенности, но не отражающие сущность института в целом. Так, Б. Т. Разгильдиев писал: «Прикосновенность к преступлению может быть совершена как путем действия, так и посредством бездействия»<sup>1</sup>. Следуя тезису, можно ошибочно предположить, например, что несообщение о преступлении совершается как действием, так и бездействием, но это не так. Кроме того, выделение действия

---

<sup>1</sup> Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов. 1981. С. 39.

или бездействия в качестве общего объективного признака прикосновенных никак не выделяет их в особую, специфическую группу деяний.

В нормах об уголовной ответственности прикосновенных в УК РСФСР 1960 г. и в УК РФ 1996 г. не было и нет каких-либо указаний на необходимость установления преступного результата в их деяниях, что позволяет относить виды прикосновенности к преступлениям с формальным составом. Однако вопрос этот намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Так, за попустительство, которое многими предлагается рассматривать в рамках ст. 285 УК РФ, может наступить ответственность лишь при условии, если это деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства. Под интересами государства, в частности, следует понимать и нормальную деятельность соответствующих государственных органов по пресечению и раскрытию преступлений, на что указывалось в свое время (данное постановление утратило силу с принятием нового) в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью и служебным положением...»<sup>1</sup>. Следует ли такое положение рассматривать как основание отнесения попустительства к деяниям с материальным составом? Думается, что нет. Попустители в подобных условиях оказываются в привилегированном по отношению к другим прикосновенным положении, так как ответственность последних наступает, по общему правилу, независимо от каких-либо последствий и это при том, что, например, несообщение о преступлении — менее опасное бездействие, нежели бездействие при попустительстве.

Решение данной проблемы представляется возможным, если подойти к ней следующим образом. Все деяния прикосновенных по своему характеру создают реальную возможность причинения вреда общественным отношениям в сфере нормального отправления правосудия, препятствуя своевременному пресечению и раскрытию преступлений, и это обстоятельство нужно учитывать при уголовно-правовой оценке укрывательства, несообщения о преступлении и попустительства, из чего следует, что поведение, внешне напоминающее прикосновенность к преступлению, но не причиняющее вреда интересам государства в деятельности по борьбе с преступностью, не может быть признано преступным. Например, не является прикосновенным лицо, не сообщившее

---

<sup>1</sup> Сборник постановлений пленумов ВС СССР и РСФСР по уголовным делам. М. 1995. С. 370–371.

о преступлении по причине осведомленности о том, что это преступление уже известно правоохранительным органам и по нему проводится расследование.

В теории уголовного права остается спорным вопрос — что следует понимать под возможностью наступления вредного последствия. Одни авторы признают такую возможность свойством самого общественно опасного деяния<sup>1</sup>. По мнению других, она не относится к деянию, а является его последствием<sup>2</sup>. Наиболее приемлемой выглядит позиция Г. И. Баймурзина, считавшего целесообразным рассматривать реальную возможность наступления последствий и как свойство, и как последствие деяния<sup>3</sup>. Из чего следует важный вывод — объективным свойством деяний прикосновенных и их последствием одновременно является создание реальной возможности причинения вреда нормальному отправлению правосудия в виде нарушения установленной процедуры осуществления деятельности по своевременному пресечению или раскрытию общественно опасных деяний других лиц и привлечению виновных к уголовной ответственности.

Заслуживает внимания точка зрения Б. Т. Разгильдиева. По его мнению, последствия являются обязательным свойством преступлений с формальным составом, к числу которых он относит и деяния прикосновенных, но эти последствия, в представлении автора, выступают не в виде угрозы причинения вреда, а причиняют реальный вред объекту посягательства, при этом он (вред) «менее конкретен и его невозможно измерить», в сравнении с вредом, причиняемым преступлениями с материальным составом, где «такого рода вред всегда конкретен, а потому всегда измерим». Б. Т. Разгильдиев признавал вред от преступлений с формальным составом свойством самого деяния<sup>4</sup>. Следует согласиться с автором в том, что угроза причинения вреда объекту посягательства в определенных случаях сама по себе уже является своеобразным общественно-опасным последствием.

По мнению В. Г. Смирнова, «то, что результат преступной деятельности лиц, прикосновенных к совершению преступления, не включается в состав преступления, объясняется прежде всего тем, что в целях обще-

---

<sup>1</sup> См. напр. Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М. 1955. С. 40.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М. 1958. С. 24; Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М. 1960. С. 172.

<sup>3</sup> См.: Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 68.

<sup>4</sup> Подробнее см.: Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 40–41.

превентивных целесообразно признать общественно опасным и наказуемым уже сам факт совершения действий». При этом он признавал, что нормы о прикосновенности могут быть сформулированы и иначе, но это «усложняло бы конструкцию уголовной ответственности и снизило бы воспитательное значение правовой нормы». Под возможным результатом общественно опасных деяний прикосновенных автор верно понимает фактическое «сокрытие преступника от суда»<sup>1</sup>.

В продолжении своего исследования В. Г. Смирнов пришел к выводу, что «при деянии лиц, прикосновенных к преступлению, должна устанавливаться причинная связь между этими деяниями и действиями лиц, совершивших преступление, которые направлены на сокрытие этого преступления...»<sup>2</sup>. Трудно согласиться с предложением автора о необходимости выявлять во всех случаях наличие причинной связи между деянием прикосновенного и действиями лица, направленными на сокрытие собственного преступления, так как поведение, признаваемое нами прикосновенностью, возможно и без указанной формы соучастия. По этому вопросу справедливо писал Г. И. Баймурзин: «признание причинной связи между деятельностью субъекта прикосновенности и действиями исполнителя в указанном плане в качестве необходимого объективного условия уголовной ответственности прикосновенных лиц теоретически не обосновано и на практике может лишь внести неопределенность в работу органов правосудия»<sup>3</sup>.

Другим общим объективным свойством института прикосновенности, выделяющим его из остальных групп преступлений, следует признать то, что прикосновенность возможна только по отношению к другому общественно опасному деянию и при условии реального бытия последнего. Иначе говоря, отсутствие основного деяния означает отсутствие и факта прикосновенности к нему, что свидетельствует о признании обязательным признаком объективной стороны деяний прикосновенных обстановку совершения преступления, под которой в нашем случае понимается наличие, в качестве необходимого условия, события другого общественно опасного деяния.

Не менее важным для индивидуализации прикосновенности является решение вопроса о характере связи между деянием прикосновенного и основным деянием. Правильное представление такой связи позволяет с одной стороны отделить прикосновенность от соучастия, а с другой — выделить объективное свойство, присущее всем при-

---

<sup>1</sup> См.: Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 42–43.

<sup>2</sup> Там же. С. 43.

<sup>3</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 70.

косновенным. Этот вопрос исследован в предыдущем разделе, поэтому здесь следует указать лишь наиболее существенные моменты.

Преобладающим в теории уголовного права считается положение о том, что поведение соучастников причинно обуславливает совершение преступления исполнителем и наступление общественно опасного результата этого деяния. Именно наличие причинной связи в соединении с другими объективными и субъективными признаками является необходимым условием для объединения деятельности разных лиц в институт соучастия. В противоположность этому деятельность прикосновенных не носит причиняющего характера по отношению к основному деянию и его последствию, а связана с последним только тем, что может иметь место при условии существования основного общественно опасного деяния и совершаться по поводу последнего. Еще Н. С. Таганцев выделял самостоятельный характер деяний прикосновенных, причинно не обуславливающих совершение основного деяния<sup>1</sup>.

Дополнительным аргументом в поддержку данной точки зрения служит и заранее не обещанный характер поведения прикосновенных, указывающий на отсутствие субъективной, а, значит, и объективной связи между прикосновенным и лицом, совершающим основное преступление. Наличие предварительного обещания переводит укрывателей, недоносителей и попустителей в разряд соучастников в качестве интеллектуальных пособников, так как такое обещание усиливает уверенность исполнителя в собственной безнаказанности, что укрепляет в нем решимость довести преступление до конца. В этом случае между интеллектуальными пособниками и исполнителем возникает субъективная и объективная связь, причинно влияющая на результат преступления, что подтверждается и постановлением Пленума ВС СССР № 11 от 31 июля 1962 года «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступления, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества»<sup>2</sup>. Приведенное обоснование подводит к мысли, предложенной еще Г. И. Баймурзиным, о необходимости рассматривать отсутствие предварительного обещания в качестве объективного свойства всех видов прикосновенности<sup>3</sup>.

Таким образом, в качестве общих для всех деяний прикосновенных нужно выделить следующие объективные признаки:

---

<sup>1</sup> См.: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Кн. 1, вып. 3. СПб. 1880. С. 142.

<sup>2</sup> Сб-к постановлений Пленумов ВС СССР и РСФСР по уголовным делам. М. 1995. С. 23–25.

<sup>3</sup> См.: Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 56.

1. Прикосновенность возможна только по поводу и при фактическом существовании другого общественно опасного деяния, совершенного другим лицом.

2. Будучи деятельностью, заранее не обещанной, прикосновенность причинно не обуславливает совершения главного преступления и не является причиной его общественно опасного результата.

3. Свойством и одновременно общественно-опасным результатом деяний прикосновенных является создание действительной возможности наступления общественно опасного последствия, представляющего собой нарушение нормальной деятельности соответствующих государственных органов по своевременному пресечению и раскрытию общественно-опасных деяний и как следствие этого фактическое уклонение виновного от уголовной ответственности или неустановление лица, совершившего общественно опасное деяние.

Большое значение при решении вопроса об общих признаках прикосновенности к преступлению играет юридическая оценка ее субъективной стороны. Отечественная уголовно-правовая наука и законодательство традиционно не приемлют объективного вменения и справедливо придерживаются принципа виновной ответственности за совершенное деяние, что соответственно относится и к прикосновенности к преступлению. Субъективная сторона прикосновенности наряду с ее объективными элементами также характеризуется наличием определенных признаков, выделяющих группу исследуемых деяний в самостоятельный институт уголовного права и способствующих четкому отграничению прикосновенности от других форм преступного поведения, что позволяет на практике избежать ошибок в их юридической квалификации.

Большая группа криминалистов, в числе которых и дореволюционные юристы, все виды прикосновенности верно относят к категории общественно-опасных деяний, совершаемых только умышленно, и нет оснований не согласиться с данным утверждением, однако, следует остановиться на содержании умысла прикосновенных подробнее, так как его объем и характер до сих пор является дискуссионным в науке и не имеет общего подхода в определении, что объясняется сложностью и специфичностью природы прикосновенности к преступлению. Трудности исследуемого вопроса, по верному замечанию Б.Т. Разгильдиева, связаны с тем, что «вина прикосновенного к преступлению лица характеризует его психическое отношение к содеянному не непосредственно, а преломляясь через деяние, им не совершенное», поэтому вина прикосновенного складывается из осознания им

«фактических признаков основного преступления и возникшего на этой почве психического отношения» к совершаемому укрывательству, недоносительству или попустительству<sup>1</sup>.

Очевидно, что содержание умысла при прикосновенности должно быть шире, чем при других умышленных преступлениях, в которых в основном интеллектуальный элемент вины определяется лишь необходимостью осознавать характер собственного деяния и предвидеть, в определенных случаях, возможность наступления общественно-опасных последствий. А при прикосновенности виновный должен сознавать не только общественную опасность своего поведения, но и характер деятельности лица, совершающего основное преступление. Из сказанного следует важный вывод о том, что не является прикосновенным лицо, не сознающее общественно опасной деятельности других лиц, что справедливо и для случаев, когда внешне поведение лица напоминает один из видов прикосновенности.

В связи с этим значимым условием для решения вопроса об ответственности прикосновенных является их осведомленность об основном преступлении. Данная проблема в науке не имеет достаточно ясного определения, что негативно отражается на практической деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений, так как возникает опасность привлечения к ответственности невиновных.

Осведомленность должна определяться в первую очередь степенью достоверности сведений, полученных прикосновенным лицом о совершаемом или совершенном основном деянии. Достоверность сведений подразумевает их истинность и соответствие реальным фактам объективной действительности, т. е. не предположение о возможности существования того или иного общественно опасного деяния, а истинное знание и уверенность в его соответствии фактам, имеющим место в реальном мире. Признавая этот критерий необходимым, мы фактически нейтрализуем вероятность объективного вменения при оценке поведения прикосновенных. В свое время Н. С. Таганцев, отмечая важность данного условия, справедливо утверждал, что «умысел при прикосновенности имеет специфический характер, он предполагает наличность сознания о существовании преступления, по поводу которого действует виновный»<sup>2</sup>. На основе изложенного можно утверждать, что если у лица не было уверенности в том,

---

<sup>1</sup> См.: Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 42.

<sup>2</sup> Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 139.

что имеет или имело место общественно-опасное событие и субъект только догадывался (предполагал) о его существовании, то виновность в прикосновенности исключается, так как отсутствует умысел на воспрепятствование нормальному отправлению правосудия.

Однако достоверность сведений об общественно-опасном деянии является лишь качественной стороной знаний и находится в прямой зависимости от количественного критерия, предполагающего осведомленность о минимально необходимом объеме сведений, достаточном для привлечения к ответственности за прикосновенность к преступлению. Эта проблема в литературе решается по-разному, а некоторыми авторами вовсе не рассматривается в рамках общей характеристики деяний прикосновенных. Последнее нельзя признать обоснованным. По мнению Г. И. Баймурзина, объем признаков, знание о которых необходимо прикосновенному лицу, неодинаков и должен определяться в зависимости от конкретной формы прикосновенности<sup>1</sup>. Следует согласиться с автором лишь отчасти. Действительно, ответственность за различные виды прикосновенности устанавливается в зависимости от категории тяжести основных общественно-опасных деяний, которые отличаются между собой своеобразием сочетания объективных и субъективных признаков, а это, в свою очередь, не может не влиять на требуемый объем сведений у укрывателя, недоносителя или попустителя об основном преступлении. В то же время существует определенный минимум знаний, обладание которым достаточно для любой прикосновенности. Данное утверждение основано на признании наличия общих признаков, свойственных всем общественно опасным деяниям: они всегда совершаются человеком, имеют свое отражение в объективной действительности посредством осуществления общественно опасного действия или бездействия, причиняющего вред определенным интересам общества или государства. Именно знание об указанных фактах должно быть признано общим минимально необходимым при решении вопроса об ответственности за любое прикосновенное деяние, что, конечно же, не исключает требования в каждом случае прикосновенности определять у лица, его совершившего, наличие осведомленности о других общих признаках основного деяния, отличающих его от других преступлений. Например, если лицо достоверно знает, что укрывает убийцу, а не человека, причинившего смерть по неосторожности, то в соответствии с действующим законодательством он подлежит уголовной ответственности, в противном случае, прикосновенность ненаказуема.

---

<sup>1</sup> См.: Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 75.

Вместе с тем трудно согласиться с предложением В. Г. Смирнова рассматривать в качестве основания для привлечения прикосновенных к ответственности наличие осведомленности субъекта «о конкретных обстоятельствах совершенного вторыми лицами общественно опасного деяния». Далее автор пишет, что именно признаками состава преступления должен определяться «объем сведений укрывателя или недоносителя относительно имевшего место преступного деяния»<sup>1</sup>. Следуя такой логике, нельзя привлечь к ответственности, например, укрывателя убийства, если он не знал о месте и времени совершения преступления, или обо всех участниках и т. д. Очевидно, что при указанном расширении объема сведений возникают условия для неоправданного освобождения прикосновенного от уголовной ответственности и создаются трудности в деятельности по расследованию такого рода деяний. Поэтому представляется более целесообразным, что было отмечено и ранее, решить данный вопрос путем установления минимально необходимого объема сведений, но достаточного для осознания лицом, что совершается или совершено общественно опасное деяние, в отношении которого его поведение является укрывательством, недоносительством или попустительством. Видимо, той же позиции придерживался Г. И. Баймурзин, говоривший, что осведомленность прикосновенного «должна ограничиваться общими сведениями, создающими у него уверенность в том, что совершается посягательство, носящее преступный характер»<sup>2</sup>.

Исследованными вопросами общая характеристика субъективной стороны прикосновенности к преступлению не исчерпывается и включает также психическое отношение прикосновенного к собственному поведению. Субъект прикосновенности должен сознавать общественно-опасный характер своего поведения, заключающегося в воспрепятствовании нормальной деятельности государственных органов по пресечению и раскрытию преступлений, установлению лиц, их совершивших. Оценка данного признака связана с вопросом о формах умысла при прикосновенности. В действующем российском уголовном законодательстве определения прямого и косвенного умысла даны применительно к материальным составам. Однако закон содержит не меньшую группу норм о преступлениях формальных, в которых общественно-опасные последствия не являются обязательными признаками объективной стороны. В таких преступлениях признано в качестве волевого

---

<sup>1</sup> См.: Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. М. 1957. С. 30, 32.

<sup>2</sup> Баймурзин Г.И. Указ. соч. С. 76.

элемента умысла рассматривать желание совершения того или иного общественно опасного деяния. В этой связи многими авторами деяния прикосновенных оцениваются как преступления с прямым умыслом. Однако Г. И. Баймурзин по этому поводу уточнял: «При раскрытии содержания умысла прикосновенного лица надлежит различать волевою оценку им своего действия и создаваемой этим действием возможности опасного последствия». Далее автор замечал, что за исключением заранее не обещанного укрывательства, совершаемого только с прямым умыслом, все остальные виды прикосновенности «могут иметь место как при прямом, так и косвенном умысле»<sup>1</sup>. Представляется, что имеющееся ввиду безразличие к возможности избежать ответственности находится за рамками прикосновенных деяний. Поэтому, отражая общие свойства, присущие всем видам прикосновенности, следует указать лишь на то, что вина лиц, прикосновенных к преступлению, всегда умышленная, а содержание умысла должно рассматриваться при исследовании конкретных видов прикосновенности с учетом особенностей умысла при этих деяниях.

Ранее уже говорилось об отсутствии причинной связи между деяниями прикосновенных и основным преступлением и его общественно-опасным результатом, что предполагает, соответственно, отсутствие субъективной связи между прикосновенным и исполнителем основного преступления. Это свойство верно отмечается и другими авторами<sup>2</sup>, но они ошибочно считают, что В. Г. Смирнов придерживался иной точки зрения, подтверждение тому слова самого криминалиста: «Деяния лиц, прикосновенных к совершению преступления, не находятся ни в причинной, ни в виновной связи с действиями преступника, направленными на совершение преступления»<sup>3</sup>.

Последний элемент состава преступления, который следует отметить в данном исследовании, — это субъект преступления. По общему правилу субъектом прикосновенности к преступлению в теории и уголовном законодательстве признается любое физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, что не вызывает у нас каких-либо возражений. Установление уголовной ответственности за прикосновенность с 16 лет вполне оправдано, так как по достижении указанного возраста лицо в силу своего психофизического развития уже способно осознавать социальную значимость своих поступков и отли-

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г.И. Указ. соч. С.83.

<sup>2</sup> См. например: Бушуев И. А. Указ. соч. С. 57; Баймурзин Г.И. Указ. соч. С. 83 и др.

<sup>3</sup> Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 43.

чать общественно опасное поведение от общественно полезного, что относится и к прикосновенности к преступлению. В свете сказанного нельзя согласиться с выводом Г. И. Баймурзина, который считал, что «только за деяние, общественная опасность которого относительно велика, а отрицательная оценка очевидна и для лиц более раннего возраста, уголовная ответственность возможна с четырнадцати лет»<sup>1</sup>. Автор необоснованно устанавливает зависимость между минимальным возрастом уголовной ответственности и тяжестью совершенного деяния. Примером чему служит установленная уголовным законом ответственность с 14 лет за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, за вандализм (ст.ст.166 ч. 1, 214 УК РФ). В этих случаях уголовная ответственность объясняется не тяжестью совершенного преступления, а способностью, именно в силу нормального психического развития, лицом с 14 лет оценивать такого рода поступки как общественно опасные.

Общей особенностью субъектов прикосновенности в большинстве случаев является исключение из их круга близких родственников и супругов. Однако данную проблему представляется более уместным рассмотреть в рамках исследования конкретных видов прикосновенных деяний, так как существуют особенности решения этого вопроса в зависимости от форм прикосновенного поведения.

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 87.

## ГЛАВА 2

### ВИДЫ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

#### § 1. Заранее не обещанное укрывательство

Проведенное в первой главе исследование института прикосновенности к преступлению позволяет с абсолютной уверенностью относить заранее не обещанное укрывательство к прикосновенным деяниям, так как все указанные признаки института присущи укрывательству в полном объеме. Такое укрывательство признавалось прикосновенным многими криминалистами, в том числе и дореволюционными. Единство взглядов большинства авторов объясняется тем, что они верно оценивали прикосновенность как самостоятельный институт в уголовном праве. Противоположного же мнения, как правило, придерживались ученые, не отмечавшие прикосновенности вне рамок соучастия.

Итак, каково же содержание прикосновенного укрывательства?

Возникавшие в свое время трудности в определении юридической природы исследуемого деяния во многом объяснялись тем, что внешне деятельность укрывателя-прикосновенного практически ничем не отличается от поведения укрывателя-соучастника. Действительно, и в первом, и во втором случае лицо принимает активные меры к сокрытию преступления, которое уже совершено. Однако характер и степень общественной опасности деяний таких укрывателей не совпадают и зависят от наличия или отсутствия причинной и виновной связей между деятельностью укрывателя и укрываемым преступлением. Присутствие указанных связей свойственно только деянию укрывателя, который обещал исполнителю осуществить свои действия по сокрытию преступления еще до его завершения, и в этом случае поведение обещавшего признается интеллектуальным пособничеством, так как данное обстоятельство оказывает воздействие на волю исполнителя, укрепляя в нем уверенность, довести преступление до конца. Прикосновенное укрывательство — напротив, не создает каких-либо условий для совершения основного преступления, так как не было обещано заранее. Такой укрыватель не знает о совершаемом преступлении либо, если и знает, не находится в контакте с исполнителем преступления и проявляет себя только после совершения преступления.

Несмотря на очевидность данного положения, некоторые авторы шли против выделения заранее не обещанного укрывательства из соучастия<sup>1</sup>. Их позиция в основном опиралась на действовавшее тогда

---

<sup>1</sup> См., например: Павлиашвили И. Ответственность за укрывательство по делам о хищениях соц. собственности. Соц. законность. 1951. № 5. С. 31, 34; Ми-

уголовное законодательство РСФСР, которое не признавало такого различия. При этом И. Павлиашвили и М. И. Меркушев в своих публикациях, например, в качестве одного из доводов указывали на невозможность в практической деятельности установить факт данного заранее обещания или отсутствие такового. Нельзя признать аргумент авторов убедительными. Установление данного обстоятельства не более затруднительно, чем доказательство других подобного рода фактов. Значительное влияние на суждения представленных авторов оказывала позиция А. Я. Вышинского, чьи взгляды на прикосновенность отчасти были изложены ранее. Он писал: «Обещание не является обязательным условием для признания укрывательства пособничеством»<sup>1</sup>. В этом ученый был верен своей идее отрицания необходимости установления причинной связи при соучастии в преступлении.

Отмеченная точка зрения была подвергнута в литературе справедливой критике и, не состоявшись, уступила место другой<sup>2</sup>, которая впоследствии нашла свое отражение в Основах уголовного законодательства СССР 1958 года, в УК РСФСР 1960 г. и в пришедшем на смену последнему УК РФ 1996 г. Не будет лишним вспомнить, что дореволюционные юристы также отмечали заранее не обещанный характер прикосновенного укрывательства<sup>3</sup>.

Проводившееся в свое время автором диссертационное исследование позволило сделать вывод, что и зарубежное уголовное законодательство не отличалось единообразием в решении данного вопро-

---

шунин П. Институт прикосновенности к преступлению по советскому уголовному праву. Соц. законность. 1956. № 11. С. 11.; Меркушев М. И. Ответственность за укрывательство. Соц. законность. 1955. № 1. С. 19–24; Омаров А. С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. М. 1954. С. 4–5; Евдокимов П. К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. Л. 1953. С. 9.

<sup>1</sup> Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М. 1938. С. 118.

<sup>2</sup> В числе сторонников указанного направления можно назвать таких видных представителей отечественной уголовно-правовой науки, как, например: А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, И. Лаптев, М. Д. Шаргородский, А. А. Герцензон, В. Д. Меньшагин. В последующем к ним присоединились И. А. Бушуев, Г. И. Баймурзин, Б. Т. Разгильдиев и др.

<sup>3</sup> См., например: Полетаев Н. Прикосновенность к преступлению. Ж.М.Ю. Т. XIV. Ч. II. 1862. С. 66–67; Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. 1867. С. 156; Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. СПб. 1875. С. 86; Владимирова Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков. 1889. С. 124 и др.

са<sup>1</sup>. Кодекс ФРГ аналогично нашему предусматривает заранее данное обещание как основание для привлечения укрывателя к ответственности в качестве пособника, при этом отсутствие данного условия предполагает по германскому закону самостоятельную наказуемость<sup>2</sup>. Следует, видимо, признать, что уголовный закон Японии также выделяет заранее не обещанное укрывательство в отдельное преступление, на это указывает общая теория соучастия, отраженная японским криминалистом Кинсаку Сайто<sup>3</sup>. В соответствии с УК Аргентины подлежит самостоятельному уголовному наказанию укрыватель, не исполнивший заранее данного обещания<sup>4</sup>.

Иначе решается вопрос в ряде других стран. Например, УК Франции 1992 г. не проводит различия в формах укрывательства по признаку наличия или отсутствия предварительного обещания, но в то же время в целом укрывательство рассматривается как самостоятельное преступление, не являющееся соучастием (ст. 121-7 УК Франции)<sup>5</sup>. Таким же образом решают вопрос криминализации укрывательства кодексы Испании, Дании, Швейцарии<sup>6</sup> и ряда других стран. Признание законодательством указанных государств укрывательства в качестве самостоятельного деликта без учета условия наличия или отсутствия предварительного обещания, вероятнее всего, объясняется тем, что законодатель взял за основу объединения разных форм укрывательства возможность его фактического осуществления только после совершения основного преступления. С позиций российского уголовного права нельзя признать такое решение обоснованным, так как практически уравниваются деяния, имеющие сходство лишь во внешнем проявлении, но не тожде-

---

<sup>1</sup> Трифонов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и не-сообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: диссертация... канд. юрид. наук. СПб. 2000.

<sup>2</sup> См. об этом: Нерсеян А. А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США. М. 1992. С. 103

<sup>3</sup> См.: Кинсаку Сайто. Японское уголовное право. В кн.: Современное зарубежное уголовное право. М. 1957. Т. 1. С. 228–230.

<sup>4</sup> См. Рикардо Нуньес. Аргентинское уголовное право. В кн.: Современное зарубежное уголовное право. М. 1957. Т. 1. С. 91.

<sup>5</sup> Крылова Н. Е. Основные черты уголовного кодекса Франции. М. 1996. С. 107.

<sup>6</sup> См. об этом: Уголовный кодекс Испании / под. ред. Кузнецовой Н. Ф. Перев. Зыряновой В. Г. и Шнейдер Л. Г. М. 1998. С. 140–141; Франц Маркус. Уголовное право Дании. В кн. Современное зарубежное уголовное право. М. 1957. Т. 1. С. 261; Ганс Феликс Пфенингер. Швейцарское уголовное право. М. 1958. Т. 2. С. 356, 443, 444, 517.

ственные между собой в силу отмеченного ранее условия наличия или отсутствия причинной и виновной связи между деятельностью укрывателя и укрываемым преступлением.

В свете рассмотренной проблемы обращает на себя внимание предложение Г. И. Баймурзина, писавшего, что «...было бы наиболее верным и теоретически оправданным признание единого уголовно-правового понятия укрывательства, по своему содержанию равнозначного ныне употребляемой нами конструкции заранее не обещанного укрывательства. Что же касается так называемого заранее обещанного укрывательства, то правильнее было бы именовать его интеллектуальным пособничеством в форме обещания скрыть преступника или следы преступления, поскольку сам факт укрывательства в данном случае не содержит признаков уголовно-наказуемого деяния»<sup>1</sup>. Действительно, с точки зрения теоретической такое отношение было бы правильным, но в законодательстве целесообразно отражать диспозицию нормы о прикосновенном укрывательстве с приставкой «заранее не обещанное», что позволит практическим работникам, не всегда четко представляющим себе общетеоретические тонкости положений уголовного права, следовать букве закона, избегая лишних трудностей в толковании норм. Подтверждением этому доводу отчасти могут служить приведенные выше примеры неудачного регулирования ответственности за укрывательство в уголовном законодательстве некоторых стран, где данный вопрос решается в варианте, аналогичном предложенному автором.

Таким образом, под укрывательством, как формой прикосновенности к преступлению, следует понимать деятельность, не обещанную заранее лицу, виновному в совершении укрываемого преступления. Важность данной позиции определяется тем, что она исключает необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности в качестве соучастников в преступлении, к совершению которого они не причастны.

В связи с рассматриваемым положением возникает другая проблема, касающаяся оценки укрывательства, которое хотя и не было обещано заранее, но, в силу определенных причин, позволяло исполнителю преступления рассчитывать на помощь в сокрытии преступления, например, такие действия осуществлялись укрывателем систематически. Думается, что в подобных случаях присутствуют все

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата. 1962. С. 96.

необходимые признаки, дающие основание относить укрывателей к соучастникам в преступлении. Таким же образом указывалось решать вопрос об ответственности за данное укрывательство в постановлении Пленума ВС СССР от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества». Интересные образцы такого рода суждений обнаруживаются в трудах дореволюционных криминалистов. Так, Н. Полетаев писал: «.. укрывательство может перейти в действительное участие, если будет укрывательством по ремеслу, состоящим в постоянном, в обычное занятие обратившемся, служащим некоторым образом средством к жизни... Это будет пособничество, потому что хотя укрыватель и не уговаривается с совершителем каждый раз особенно, но постоянное занятие этим делом равняется безмолвному каждый раз соглашению»<sup>1</sup>. Н. С. Таганцев указывал, что такие укрыватели подлежали ответственности как пристанодержатели по ст. 929 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года<sup>2</sup>.

Для верного представления о сущности заранее не обещанного укрывательства отмеченного выше недостаточно. Необходимо также определиться с содержанием других присущих данному деянию признаков, часть из которых есть суть укрывательства как вида прикосновенности, они были рассмотрены ранее, а другая часть — это признаки, позволяющие выделить укрывательство не только из всех видов прикосновенности, но и из общего числа криминальных деяний.

Признавая заранее не обещанное укрывательство прикосновенностью к преступлению, мы, соответственно, признаем, что основным объектом данного преступления являются интересы правосудия. Укрывательство — соучастие в сравнении с названным, имеет своим объектом посягательства объект укрываемого преступления, и это положение довольно подробно и всесторонне аргументировано в теории уголовного права.

Еще в литературе 19 века отмечалось, что укрывательство — прикосновенность направлено «против судебной власти»<sup>3</sup>. «Препятствованием» судебной власти «в раскрытии истины» признавал укрыватель-

---

<sup>1</sup> Полетаев Н. Прикосновенность к преступлению. Ж.М.Ю. Т. XIV. Ч. II. 1862. С. 68–69.

<sup>2</sup> См. подробнее. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Общая часть. Кн. 1., вып. III. СПб. 1880. С. 161.

<sup>3</sup> Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 161; См. о том же у Колоколова Г. Е. О соучастии в преступлении. М. 1881. С. 61.

ство В. Д. Спасович<sup>1</sup>. А. В. Лохвицкий писал: «Укрывательство состоит не в помощи совершению преступления, а в действиях, имеющих целью парализовать юстицию»<sup>2</sup>. Убедительно звучат слова Н. Полетаева по этому поводу: «Укрывательство, по нашему мнению, есть особое преступление, именно против государственной судебной власти, препятствование ей, посредством положительных действий, в отправлении ее обязанности судить и наказывать преступления»<sup>3</sup>.

В первые десятилетия советского периода ряд авторов отказались от данной позиции, ссылаясь на ничтожность укрывательства безотносительно к соучастию. Однако другая группа криминалистов, основываясь на преемственности, активно выступала против таких взглядов. Ее представители утверждали, что «укрывательство преступления и преступника серьезно противодействует борьбе государства с преступностью»<sup>4</sup>. Со временем последнее суждение стало доминирующим.

Нельзя не согласиться с мнением И. С. Тишкевича, утверждавшего, что укрыватели — это лица, которые «помогают преступнику уйти от ответственности, скрывая следы совершенного им правонарушения, а подчас и его самого», чем «причиняют большой ущерб интересам правосудия, препятствуют осуществлению принципа неотвратимости наказания»<sup>5</sup>. По замечанию В. Г. Смирнова, укрыватели препятствуют «борьбе ...государства с преступным посягательством»<sup>6</sup>. Ш. С. Рашковская конкретизирует, говоря, что объект укрывательства — это «нормальная деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда по раскрытию преступления и изобличению преступника»<sup>7</sup>. Не менее конкретно определяет объект укрывательства П. Гришанин: «воспрепятствование сбору вещественных доказательств или поимки преступника»<sup>8</sup>. А. А. Пионтковский, авторитет которого в науке не подвергается сомнению, также признает объектом посягательства при заранее не обещанном укрывательстве

---

<sup>1</sup> См.: Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб. 1863. С. 165.

<sup>2</sup> Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. 1867. С. 154.

<sup>3</sup> Полетаев Н. Указ. соч. С. 67.

<sup>4</sup> Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. 1941. С. 136.

<sup>5</sup> Тишкевич И. С. Борьба с преступностью — долг каждого гражданина. М. 1973. С. 20.

<sup>6</sup> Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л. 1957. С. 54.

<sup>7</sup> Советское уголовное право. Особенная часть / под. ред. Гришаева П. И. и Здравомыслова Б. В. М. 1988. С. 435.

<sup>8</sup> Гришанин П. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них. Сов. Юстиция. 1975. № 15. С. 22.

интересы осуществления правосудия<sup>1</sup>. Авторы современных учебников по уголовному праву придерживаются аналогичных взглядов<sup>2</sup>.

Приведенные примеры, ряд которых можно продолжить, свидетельствуют, что основная часть ученых справедливо выделяет общим объектом прикосновенного укрывательства интересы правосудия, под которыми в этом случае следует понимать нормальную деятельность органов государства по раскрытию преступлений, изобличению виновных и привлечению последних к уголовной ответственности. Данная позиция является логическим следствием, вытекающим из содержания признаков, характеризующих объективную и субъективную сторону укрывательства. В связи с этим вызывает возражения точка зрения Б. Т. Разгильдиева. Он признавал объектом укрывательства интересы общественной безопасности, чем фактически возлагал на прикосновенных ответственность за возможный в будущем рецидив со стороны лиц, совершивших основное преступление<sup>3</sup>. С таким решением трудно согласиться. Автор не принимал во внимание то обстоятельство, что деятельность укрывателя, заранее не обещавшего своего содействия, возможна только после совершения преступления, направлена на сокрытие данного конкретного преступления и не является систематической.

Если вопрос об объекте прикосновенного укрывательства в основном можно признать решенным, то содержание объективной стороны до сих пор не имеет единого подхода в оценке и вызывает острые дискуссии в уголовно-правовой науке.

Справедливо мнение, в соответствии с которым под укрывательством понимают только совершение активных действий. Однако ряд авторов высказывает идею о возможности данного преступления в форме бездействия.

Так, М. И. Ковалев утверждал, что укрывательство путем бездействия реализуется в случаях, «когда должностное лицо, обязанное в силу своего служебного положения содействовать раскрытию пре-

---

<sup>1</sup> См.: Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. II. М. 1970. С. 489.

<sup>2</sup> См., например: Уголовное право. Общая часть / под ред. Здравомыслова Б. В., Красикова Ю. А., Рарога А. И. М. 1994. С. 319; Уголовное право. Особенная часть / под ред. Беляева Н. А., Водяникова Д. Г., Орехова В. В. СПб. 1995. С. 75; Уголовное право. Особенная часть / под ред. Казаченко И. Я., Незнамовой З. А., Новоселова Г. П. М. 1998. С. 656 и др.

<sup>3</sup> См.: Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов. 1981. С. 54.

ступления, ...заведомо не принимает никаких мер к этому»<sup>1</sup>. Таким же образом аргументировали свою позицию А. С. Омаров и Г. М. Шур<sup>2</sup>. Аргументы авторов нельзя признать убедительными. Очевидно, что в их примерах отражено бездействие попустителей преступлению, будь то прикосновенные или соучастники.

Иначе подходила к выводу о возможности совершения укрывательства путем бездействия Н. Ф. Кузнецова. В приводившихся ею случаях так называемые «укрыватели» молчаливо созерцают, как виновные прячут преступно добытые вещи в одном случае в подвале дома, а в другом — в стогу сена, принадлежащих наблюдавшим за этим действием лицам. Последние при этом не предприняли каких-либо мер, чтобы помешать «похитителям укрыть вещи» в их владениях<sup>3</sup>. Представляется, что в примерах уважаемого ученого отмечены не укрыватели, а лица, при определенных обстоятельствах именуемые в уголовном праве недоносителями о преступлении или попустителями.

Б. Т. Разгильдиев писал: «укрывательство посредством бездействия возможно, если оно осуществляется путем молчаливого предоставления укрываемому тех или иных материальных средств, находящихся в ведении укрывателя. В этих случаях лицо совершает укрывательство посредством непротиводействия основному преступнику, использующему его материальные блага для сокрытия себя или совершенного им преступления»<sup>4</sup>. Позиция Б. Т. Разгильдиева также вызывает возражения по причине того, что непротиводействие основному преступнику — суть содержания попустительства, а не укрывательства преступления.

Таким образом, выводы представленной выше группы авторов нельзя считать обоснованными. Сам термин «укрывательство» отражает такое явление объективной действительности, которое по своему содержанию предполагает активную деятельность. В связи с чем предпочтение следует отдать утверждению, что укрывательство воз-

---

<sup>1</sup> Ковалев М. И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф... дисс. канд. юрид. наук. М. 1952. С. 9–10.

<sup>2</sup> См.: Омаров А. С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф... дисс. канд. юрид. наук. М. 1954. С. 8; Шур Г. М. Недоносительство: диссертация. М. 1949. С. 117–118.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Кузнецова Н. Ф. Об одной дискуссионной работе. Вестник МГУ. 1958. № 1. С. 153.; Аналогичной позиции придерживается Кригер Г. А. в уч-ке. Советское уголовное право. Общая часть / под. ред. Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф., Ткачевский Ю. М. 1988. С. 194.

<sup>4</sup> Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 55.

можно только посредством осуществления активных действий<sup>1</sup>, так как укрывательство преступника, следов преступления и т. п. немислимо вне рамок активной деятельности.

Возникает необходимость ответить на вопрос о том, следует ли признать, что прикосновенное укрывательство может совершаться как физическими действиями, так и интеллектуально?

А. Н. Трайнин<sup>2</sup>, М. И. Ковалев, С. С. Кузьмина, Б. Т. Разгильдиев, Н. С. Косякова и ряд других авторов придерживаются точки зрения, что заранее не обещанное укрывательство может быть совершено как путем физических действий, так и путем интеллектуального укрывательства, проявляемого в форме самоговора, дачи заведомо ложных показаний, заведомо ложного доноса<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Утевский Б. С. Соучастие в преступлении. М. 1939. С. 11; Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л. 1957. С. 55; Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. II. М. 1970. С. 489; Хабибулин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань. 1984; Бушуев И. А. Указ. соч. С. 58; Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 102; Дурманов Н. Вопросы соучастия в судебной практике ВС СССР. Соц. законность. 1947. № 8. С. 19; Гришанин П. Указ. соч. С. 22; Рашковская Ш. С. в уч-ке Советское уголовное право. Особенная часть. Под ред.: Гришаева П. И. и Здравомыслова Б. В. М. 1988. С. 435; Ю. А. Красиков в учеб.: Уголовное право. Общая часть / под ред. Здравомыслова Б. В., Красикова Ю. А. и Ророга А. И. М. 1994. С. 320; Радунцева Н. Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство: автореф. ... канд. юрид. наук. М. 1980. С. 6.

Указания на активный характер деятельности укрывателя мы находим у до-революционных криминалистов: Полетаев Н. Прикосновенность к преступлению. Ж. М. Ю. Т. XIV. Ч. II. 1862. С. 81–82; Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Общая часть. Кн. 1. вып. III. СПб. 1880. С. 159 и др.

<sup>2</sup> Представляется ошибочным мнение М. Х. Хабибуллиной (в кн. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань 1984. С. 38), относившего А. Н. Трайнина к числу ученых, отвергавших интеллектуальное укрывательство. На наш взгляд, проф. А. Н. Трайнин допускал интеллектуальное укрывательство, подтверждением чему служат слова самого автора, писавшего, что есть «специальные случаи, которые, по существу, являются видами укрывательства... Действительно, в тех случаях, когда ложное показание ставит своей задачей добиться оправдания виновного, оно является одним из средств укрыть преступника от правосудия. Равным образом, когда ложный донос ставит своей целью отвести внимание следственных органов от действительных виновников преступления, он также является способом укрывательства преступника» (Учение о соучастии. М. 1941. С. 140).

<sup>3</sup> Ковалев М. И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф. ... канд. юрид. наук. М. 1952. С. 11;

Такое решение, по мнению некоторых из представленных криминалистов, возможно при условии, если лицо своим поведением стремится отвести подозрение от виновного, в действительности совершившего преступление, и направить деятельность органов правосудия по ложному пути<sup>1</sup>. При этом, Б. Т. Разгильдиев указывал, что «некоторые виды интеллектуального укрывательства находятся в конкуренции с ложным доносом, ложными показаниями и т. д. Это порождает вопрос, надо ли квалифицировать деяние укрывателя по совокупности, если избранный им способ укрывательства уголовно наказуем?» По его мнению, решение вопроса зависит от уровня общественной опасности преступления, определяющего способ укрывательства, поэтому «если избранный способ укрывательства менее общественно опасен, чем само укрывательство, то деяние лица следует квалифицировать... по принципу поглощения более тяжким менее тяжкого преступления... Если же преступление по своей опасности равнозначно укрывательству или превышает его, то правовую оценку следует давать не только укрывательству, но и преступлению, посредством которого оно совершено»<sup>2</sup>.

По мнению других представителей данной группы, случаи, когда лжесвидетельство и ложный донос являются средством совершения укрывательства, всегда необходимо квалифицировать «по совокупности статей, предусматривающих ответственность за укрывательство и иное соответствующее преступление против правосудия (идеальная совокупность)»<sup>3</sup>.

Следует согласиться с позицией Г. И. Баймурзина, М. Х. Хабибуллина, Ю. А. Красикова и других авторов, исключая интеллектуальное укрывательство и признающих, что заранее не обещанное укрыва-

---

Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов. 1981. С. 56; Кузьмина С. С. Лжесвидетельство: диссертация канд. юрид. наук. СПб. 1991. С. 95–96; Косякова Н. С. Указ. соч. С. 51; Виттенберг Г., Панченко П. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. Иркутск. 1976. С. 17; Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них. Комментарий к УК РСФСР. Сов. юстиция. 1962. № 20. С. 23; Кондрашова Т. В. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Каченко И. Я., Незнамовой З. А., Новоселова Г. П. М. 1998. С. 657.

<sup>1</sup> См., например: Виттенберг Г., Панченко П. Указ. соч. С. 17; Косякова Н. С. Указ. соч. С. 51–52; Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 57.

<sup>2</sup> Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 60–61.

<sup>3</sup> Виттенберг Г., Панченко П. Указ. соч. С. 17. См. также: Власов И. С. Преступления против социалистического правосудия: дисс. юрид. наук. М. 1964. С. 281; Комментарий к УК РФ / под. ред. Кузнецовой Н. Ф., Миньковского Г. М. М. 1997. С. 668.

тельство может быть совершено только путем физических действий<sup>1</sup>. Данный вывод, по справедливому замечанию Г. И. Баймурзина, «вытекает из филологического значения понятия укрывательства». Действительно, трудно представить себе, что процесс воздействия на предметы материального мира (их уничтожение, повреждение, перемещение и т. д.) может осуществляться наряду с физическими действиями каким-либо еще образом, например, словами, жестом и т. д.

Неубедительно звучат аргументы сторонников интеллектуального укрывательства. По их представлениям, причиной отнесения в некоторых случаях лжесвидетельства, ложного доноса к заранее не обещанному укрывательству служит наличие цели, заключающейся в стремлении отвести подозрение от виновного, направить деятельность органов правосудия по ложному пути, иными словами, скрыть преступника или преступление. Однако в соответствии с таким подходом круг деяний прикосновенного укрывательства становится намного шире, и в результате большинство преступлений против правосудия безосновательно может быть признано формами заранее не обещанного укрывательства (например, ст.ст. 294, 295, 296 и другие нормы УК РФ)<sup>2</sup>. М. Х. Хабибуллин верно отмечал: «законодатель, объединяя все эти преступления в главу «Преступления против правосудия», исходил из общности их родового объекта, коим являются интересы правосудия, а не из того, что заведомо ложный донос, заведомо ложное показание и др. являются специальными видами укрывательства»<sup>3</sup>. Присоединяясь к мнению автора, хотелось бы уточнить, что понятие «сокрытие преступления» более широкое, нежели термин «укривательство», и предполагает наряду с последним возможность осуществления иной общественно опасной деятельности, например, несообщение о преступлении, лжесвидетельство, лжедонос и т. д., но это не означает, что несообщившего, лжесвидетеля и других виновных, преследовавших цель сокрытия другого преступления, следует считать укрывателями. По всей видимости, причина оши-

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата 1968. С. 104; Хабибуллин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань 1984. С. 38; Красиков Ю. А. В учеб.: Уголовное право. Общая часть / под. ред. Здравомыслова Б. В, Красикова Ю. А, Парога А. И. М. 1994. С. 320.

<sup>2</sup> Категорично выступал против рассмотрения лжесвидетельства, ложного доноса и др. преступлений в качестве видов укрывательства Галиакбаров Р. Р. Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий / под. ред. Кругликова Л. Л, Тенчова Э. С. Ярославль. 1994. С. 67.

<sup>3</sup> Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 39.

бочности суждений сторонников интеллектуального укрывательства кроется и в недооценке ими общих признаков прикосновенности к преступлению, свойственных всем прикосновенным деяниям, но не присутствующих в полном объеме в других преступлениях, близко подходящих к понятию прикосновенность.

Не совсем последовательной выглядит позиция И. А. Бушуева, который писал: «Укрывательство всегда есть физическое содействие преступнику в его сокрытии от органов правосудия. Так называемое интеллектуальное укрывательство либо вовсе не наказуемо, либо наказуемо при определенных условиях как самостоятельное преступление (например, заведомо ложный донос, заведомо ложное показание)»<sup>1</sup>. В то же время в качестве специальных видов укрывательства он признавал заведомо ложный донос, заведомо ложное показание, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, вынесение неправоудного приговора, отказ от дачи показаний и заключения, понуждение к даче ложных показаний или ложного заключения<sup>2</sup>.

Трудности возникают и в уяснении позиции профессора А. А. Пионтковского по вопросу об интеллектуальном укрывательстве, отмечавшего, что «поскольку закон выделил в специальный состав преступлений дачу ложных показаний независимо от их содержания, то по общему правилу нельзя такого рода действия рассматривать как укрывательство преступника или следов преступления»<sup>3</sup>. П. Гришанин, верно указывая на различие между укрывательством и другими преступлениями против правосудия, в то же время не совсем удачно аргументирует эту точку зрения тем, что «укривательство выделяется направленностью на воспрепятствование сбору вещественных доказательств или поимке преступника»<sup>4</sup>. Воспрепятствование такого рода прямо или косвенно свойственно большинству преступлений против правосудия, поэтому данный критерий не может служить фактором, индивидуализирующим укрывательство.

Проведенное исследование подводит к выводу о том, что под заранее не обещанным укрывательством может пониматься только осуществление активных физических действий. Однако этим содержанием объективной стороны прикосновенного укрывательства не ис-

---

<sup>1</sup> Бушуев И. А. Указ. соч. С. 60–61.

<sup>2</sup> Там же. С. 80.

<sup>3</sup> Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. II. М. 1970. С. 491.

<sup>4</sup> Гришанин П. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них. Сов. юстиция. 1975. С. 22.

черпывается. Действия укрывателя имеют уголовно-правовое значение лишь в тех случаях, когда они направлены на укрывательство преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, при этом достаточно совершить хотя бы одно из перечисленных действий, чтобы лицо было признано укрывателем. Именно так регулировался вопрос об укрывательстве в УК РСФСР 1960 года<sup>1</sup>, что было вполне обоснованно и остается лишь сожалеть об отсутствии аналогичной диспозиции в норме ст.316 действующего УК РФ 1996 г., так как довольно краткая формулировка заранее не обещанного укрывательства создает дополнительные трудности в уяснении ее содержания<sup>2</sup> и позволяет некоторым авторам толковать данную норму расширительно<sup>3</sup>.

Укрывательство преступника может реализовываться различными способами, например, предоставлением виновному убежища с целью укрыть его от правоохранительных органов, предоставлением транспортного средства для обеспечения возможности избежать задержания, оказанием помощи виновному в изменении его внешнего вида (наложение грима, предоставление одежды и т. п.), передачей преступнику поддельных документов и т. д.<sup>4</sup> Обязательным условием при этом является физический характер совершаемых укрывателем дей-

---

<sup>1</sup> Ст. 18 общей части УК РСФСР гласила: «Заранее не обещанное укрывательство преступника, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов добытых преступным путем...». Примечательно, что ст. 14 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года таким же образом по существу раскрывала содержание укрывательства.

<sup>2</sup> По верному замечанию Л. В. Лобановой в рамки статьи 316 УК РФ должна быть включена описательная диспозиция, раскрывающая содержание укрывательства (Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: автореф... докт. юрид. наук. Казань. 2000. С. 35.

<sup>3</sup> См., например: Уголовное право. Особенная часть. М. 1998. С. 656–658.

<sup>4</sup> Многие из названных способов отмечались еще дореволюционными криминалистами. Так, Л. С. Белогриц-Котляровский писал следующее: «Под сокрытием преступника... разумеется всякая физическая деятельность, направленная на то, чтобы его укрыть от органов власти, хотя бы на самое короткое время, напр., во время обыска; сюда, таким образом, относятся не только дача убежища преступнику, но также доставка средств к побегу, перемена паспорта, перемена его внешнего вида путем снабжения иным костюмом, фальшивой бородой и усами, посредством окраски волос и т. п.» // Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев. 1903. С. 226; См. также: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Общая часть. Кн. 1, вып. III. СПб. 1880. С. 158.; Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. 1867. С. 155.

ствий. На основании отмеченного трудно согласиться с предложением ряда авторов рассматривать в качестве способов укрывательства преступника случаи сообщения заинтересованным органам неверных сведений о местонахождении виновного<sup>1</sup>, самооговора<sup>2</sup> и т. д.

Следует также указать, что укрывательством преступника является не только сокрытие самого исполнителя, но и других соучастников в преступлении (организатора, исполнителя, пособника), причем не имеет значения укрывается ли лицо, обвиняемое или еще не изобличенное в совершении преступления, так как во всех случаях присутствует факт прикосновенного укрывательства, посягающего на нормальную деятельность органов правосудия по привлечению виновных к уголовной ответственности.

Полезно вспомнить, что Устав о наказаниях 1864 года предусматривал самостоятельную ответственность (ст. 64) за случаи укрывательства «преступников, обвиняемых перед мировыми судьями»<sup>3</sup>.

Нормы, признающие укрывательство преступника уголовно наказуемым деянием обнаруживаются и в современных кодексах Аргентины, Испании, Дании, Индии, Японии, ФРГ и др. стран<sup>4</sup>. А в УК Франции 1992 года в ст. 434-6, например, перечислены конкретные способы такого укрывательства — это укрывательство путем предоставления жилья, места укрытия, денежных субсидий, средств существования<sup>5</sup>.

Другой формой данного прикосновенного деяния является укрывательство орудий и средств совершения преступления, которое предполагает уничтожение данных предметов, перемещение их в какие-либо места с целью затруднить обнаружение, их видоизменение и т. д. При этом, если лицо укрывает орудия и средства, хранение, ношение, уничтожение или иное воздействие на которые само по себе уже является самостоятельным преступлением, то действия субъекта надлежит ква-

---

<sup>1</sup> Рашковская Ш. С. Курс советского уголовного права / под ред. Пионтковского А. А. Т. VI. М. 1975. С. 175.

<sup>2</sup> Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них. Сов. юстиция. 1962. № 20. С. 23.

<sup>3</sup> См. подробнее: Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. СПб. 1875. С. 86.

<sup>4</sup> Современное зарубежное уголовное право / под ред. Пионтковского А. А. Т. 1. М. 1957. С. 91, 127; Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права / под ред. Кузнецовой Н. Ф. М. 1991. С. 229; Уголовный кодекс Испании / под ред. Кузнецовой Н. Ф. М. 1998. С. 140; Нерсесян А. А. вопросу наказуемости в уголовном прав ФРГ и США. М. 1992. С. 103.

<sup>5</sup> См. Косякова Н. С. Указ. соч. С. 53.

лифицировать по совокупности преступлений (например, хранение огнестрельного оружия, умышленное уничтожение чужого имущества и т. д.). Такое же правило должно применяться при укрывательстве следов преступления и предметов, добытых преступным путем.

Третья форма — это укрывательство следов преступления, заключающееся практически в тех же действиях, что и в предыдущем случае, с той лишь разницей, что речь идет о воздействии прикосновенного на предметы или их отображения, которые позволяют судить о факте совершенного преступления, т. е. являющиеся по существу вещественными доказательствами по уголовному делу наряду с орудиями и средствами преступления, но не тождественные последним. В качестве примеров подобного рода можно привести случаи уничтожения отпечатков пальцев, оставленных виновным на орудии преступления, стирание пятен крови на полу, где лежал труп убитого, и т. п. В связи с этим трудно согласиться с мнением В. Г. Смирнова, понимавшего под укрывательством следов преступления довольно широкий круг деяний, в том числе укрывательство «предметов, добытых преступлением»<sup>1</sup>.

И, наконец, последний способ выражения исследуемого деяния связан с действиями по сокрытию предметов, добытых преступным путем. Под предметами в данном случае понимаются различные вещи (деньги, ценные бумаги, товары широкого потребления и т. д.), добытые, например, в результате разбоя, грабежа, вымогательства или полученные в качестве взятки и т. д. Само же укрывательство предметов может проявляться в различных физических действиях, совершаемых с единственно важной для прикосновенного целью, не допустить обнаружение предметов, чем воспрепятствовать деятельности компетентных государственных органов по раскрытию преступления и привлечению виновных к уголовной ответственности.

С исследуемой проблемой связана дискуссия в теории уголовного права по вопросу о том, можно ли в качестве укрывательства рассматривать пользование плодами преступления. Некоторыми авторами высказывалась точка зрения, что в отдельных случаях пользование плодами является укрывательством, когда такое пользование фактически связано с сокрытием преступления. П. И. Гришаев при этом уточнял, что нельзя, например, признать укрывателем лицо, которое из 100 кг заведомо похищенного мяса воспользовалось лишь 1 кг продукта, т. е. он по существу предлагал учитывать количествен-

---

<sup>1</sup> Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 58.

ный критерий при разграничении укрывательства от непроступного пользования плодами<sup>1</sup>.

Верной представляется позиция, по которой пользующиеся плодами преступления укрывателями не признаются, но могут нести ответственность в тех случаях, когда в их действиях имеются признаки иного состава преступления. В прошлом в судебной практике имели место случаи привлечения лиц, пользовавшихся плодами преступления, в качестве укрывателей, что, однако, было признано необоснованным высшими судебными инстанциями. Так, на основании подобного решения в 1926 году В. Г. Кузьминым была подана кассационная жалоба на приговор выездной комиссии Ульяновского Губернского суда, в результате чего Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР вынесла определение, в котором указывалось, что «пользование плодами преступления не составляет проступного деяния, за исключением случаев, когда само пользование выражается в совершении действий, составляющих самостоятельное преступление»<sup>2</sup>.

Г. И. Баймурзин в своей работе отмечал, что, «когда мы говорим об укрывательстве предметов, добытых преступным путем, имеем в виду не использование этих предметов в соответствии с их экономическим назначением, а непосредственно действия, направленные на перемещение с целью затруднить обнаружение либо изменение внешнего вида предметов или же иногда физическое их уничтожение, не связанное с потреблением»<sup>3</sup>. Следует также согласиться с автором в том, что в отдельных случаях при осведомленности лица, пользующегося плодами преступления, может идти речь лишь об ответственности за несообщение о преступлении, если такое деяние уголовно наказуемо<sup>4</sup>. В дореволюционном уголовном праве в целом высказывались аналогичные взгляды<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М. 1959. С. 217.; Аналогичную позицию высказывал Н. Дурманов. Вопросы соучастия в судебной практике ВС СССР. Соц. Законность. 1947. № 8. С. 19; Разгильдиев Б. Т так же полагает, что «...при определенных условиях и употребление имущества может быть признано укрывательством». Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов. 1981. С. 64.

<sup>2</sup> Еженедельник советской юстиции. 1926. № 39. С. 1140.

<sup>3</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 107.

<sup>4</sup> Подобных суждений придерживается и ряд других авторов. См. например: Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л. 1957. С. 61; Хабибуллин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань. 1984. С. 48–49; Тиш-

Таким образом, пользование плодами преступления нельзя признать в качестве одной из форм проявления укрывательства, что следует не только из характера субъективной стороны данного деяния, но и из особенностей признаков, объективных, не предполагающих совершение укрывательства путем использования предметов, добытых преступлением, по их целевому назначению.

Уголовно-правовая теория и уголовное законодательство традиционно придерживаются позиции, по которой прикосновенное укрывательство является формальным составом. Такая оценка деяния вполне справедлива, так как уголовно значимая степень общественной опасности достигается уже на момент совершения лицом конкретных укрывательских действий. Кроме того, коль скоро единственно возможными последствиями действий прикосновенного может быть нераскрытое преступление или неустановление лица, его совершившего, то признание данных последствий обязательным признаком преступления, по меньшей мере, было бы решением абсурдным. Однако при оценке поведения укрывателя приобретает огромное значение то, насколько высока была вероятность наступления указанных последствий, имелась ли реальная возможность у преступника избежать ответственности вследствие действий укрывателя. Именно по этой причине укрывательство преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления и предметов, добытых преступным путем, должны быть признаны способами реализации уголовно-наказуемого укрывательства, непосредственно создающими реальную возможность уклонения преступника от ответственности. При этом недопустимо расширительное толкование указанных способов, так как в противном случае возникает опасность привлечения за укрывательство лиц, хотя и совершивших какие — либо действия, направленные на сокрытие виновного, но не создавших реальной возможности уклонения последнего от ответственности.

В рамках исследования объективной стороны данного деяния следует рассмотреть также вопрос об определении начального и конечного момента укрывательства, что влияет на верное исчисление сроков давности привлечения прикосновенного к уголовной ответственности. Заранее не обещанное укрывательство, как уже было отмечено выше, может выразиться хотя бы в одном конкретном действии (к примеру, уничтожение орудия преступления, передача виновному другой одежды

---

кевич И. С. Борьба с преступностью — долг каждого гражданина. М. 1973. С. 22.

<sup>1</sup> См.: Белогриц-Котляровский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев. 1903. С. 226; Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 164.

и т. д.). При этом возможны случаи, когда укрывательство представляет собой деяние, например, укрыватель, приняв похищенную вещь, хранит ее у себя либо прячет преступника в своем доме. В связи с этим верным было бы считать, что начальный момент укрывательства совпадает с совершением определенных физических действий по сокрытию преступления или преступника, а решение вопроса о конечном моменте будет зависеть от ряда условий. Так, если лицо, преследуя цель — скрыть преступление, уничтожает орудия, средства или следы преступления, то преступление является оконченным на момент совершения этих действий. В других же случаях, когда, преследуя аналогичную цель, лицо прячет у себя виновного, хранит похищенные вещи и т. д., окончание укрывательства должно определяться в соответствии с правилами о деяниях преступлений. Причем деяние должно быть признано наказуемым уже на момент совершения физических действий, обеспечивающих последующее сокрытие преступника или предметов (орудий, средств совершения преступления, следов и т. д.).

Основываясь на общих положениях уголовного права, следует признать, что при прикосновенном укрывательстве возможна предварительная преступная деятельность, но приготовление к данному деянию ненаказуемо, а покушение на него встречается в практике расследования уголовных дел довольно редко. Однако и имеющиеся примеры свидетельствуют, что не всегда действия лиц, покушавшихся на укрывательство, оцениваются органами расследования и судом юридически верно. Так, Шепелев, Белоусов и Михайлова были осуждены за то, что, согласившись помочь гр-ке Бабан укрывать труп убитой ею гр-ки Сидоренковой, выкопали яму в метрах 80 от дома, где произошло убийство, затем вынесли труп из квартиры и направились к месту, где предполагали закопать тело жертвы, однако реализовать свой замысел им не удалось, так как они были задержаны при выходе из парадной дома случайным очевидцем их действий — сотрудником милиции. В результате действия виновных были квалифицированы предварительным следствием и признаны впоследствии судом как заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления (ст.316 УК РФ)<sup>1</sup>, в то время как их поведение в действительности представляло собой покушение на данное преступление и соответственно такая оценка должна была повлиять на порядок назначения наказания каждому из виновных в соответствии с ч. 3 ст. 66 УК РФ.

---

<sup>1</sup> Архив Федерального суда Калининского р-она г. Санкт-Петербурга. Уг. Дело № 1-385/99.

Укрывательство, являясь деятельностью умышленной, реализуемой через активные физические действия, может совершаться в соучастии как в форме соисполнительства, так и с разделением ролей (сложное соучастие). Факты привлечения к ответственности за простое соучастие в следственной практике встречаются, подтверждением чему служит хотя бы пример, приведенный выше, однако вторая форма сохраняет свое значение лишь в теории уголовного права, так как среди изученных дел осужденных за сложное соучастие нами не установлено, что, видимо, связано с малозначительностью деятельности таких соучастников и, соответственно игнорированием оценки их поведения органами расследования.

Другая проблема, требующая своего решения, заключается в оценке добровольного отказа и деятельного раскаяния при укрывательстве. Первое возможно при условии, если имеется разрыв между обещанием лица и действиями, непосредственно направленными на укрывательство преступления, при этом, конечно же, речь идет об обещании, данном после совершения преступления. В свою очередь, деятельное раскаяние предполагается уже после совершения укрывателем действий по сокрытию преступления и должно учитываться судом при назначении наказания, а при определенных условиях, с учетом обстоятельств дела, может явиться основанием для освобождения субъекта прикосновенного укрывательства от уголовной ответственности (ст.75 УК РФ).

Требует своего решения и вопрос о категориях тяжести преступлений, прикосновенность к которым в форме укрывательства должна быть уголовно наказуемой. В теории эта проблема остается наиболее спорной, и до сих пор предлагаются авторами различные способы ее решения. В уголовном законодательстве также не всегда однозначно регулировался данный вопрос.

Используемый в действующем кодексе России метод регулирования ответственности за укрывательство в зависимости от категории тяжести основного преступления представляется обоснованным и удобным в практическом смысле в сравнении с тем, как решалась данная задача в УК РСФСР 1960 года. В то же время трудно согласиться с решением криминализировать укрывательство только особо тяжких преступлений, так как за рамками ответственности остаются укрыватели, чьи действия направлены на сокрытие преступлений, общественная опасность которых не многим ниже опасности указанной выше категории деяний. В структуре регистрируемой преступности тяжкие преступления, наряду с особо тяжкими сохраняют доминирующее положение и имеют тенденцию к росту, что не может не приниматься

во внимание при решении вопроса о необходимости расширения ответственности за укрывательство. Эмоционально, но вполне справедливо по этому поводу высказывается Н.С. Косякова: «Мы дошли до абсурда — укрывательство преступника, похитившего ядерное, химическое, биологическое или иное оружие массового поражения, у нас ненаказуемо, ибо преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 226 УК РФ не относится к категории особо тяжких, не говоря уж о других видах оружия. И это вместо того, чтобы объявлять его наказуемым, как и хищения»<sup>1</sup>. Примечательно содержание статьи 405 УК Республики Беларусь (принят 24 июня 1999 г.). Указанная статья предусматривает ответственность за укрывательство как особо тяжких, так и тяжких преступлений.

Является актуальной и проблема борьбы с латентностью исследуемых преступлений, так как было бы по меньшей мере наивно думать, что на фоне обострения общей криминогенной обстановки в стране количество совершаемых укрывательских действий имеет тенденцию к снижению.

Обращает на себя внимание и другой факт. Огромные масштабы приобрела сегодня в России коррупционная преступность, представляющая уже реальную угрозу национальной безопасности страны, о чем немало пишется<sup>2</sup>. Значимость противодействия этому злу находит свое отражение в новеллах законодательства. Одной из основных составляющих данного негативного процесса является взяточничество, отличающееся своей высокой латентностью, что укрепляет уверенность виновных в своей безнаказанности и стимулирует к дальнейшей подобного рода преступной деятельности. На этом фоне не вызывает сомнения необходимость борьбы с этим злом всеми возможными средствами, в том числе посредством привлечения к ответственности лиц, так или иначе содействующих сокрытию данных преступлений. Некоторые авторы возражают против возможности укрывательства взяточничества, указывают на его специфичность, отмечая своеобразие в определенных случаях предмета этого деяния, т. е. собственно взятки. Однако известно, что предметом получения взятки могут выступать не только «выгоды имущественного характера», но также деньги, ценные бумаги и иное имущество (ст. 290 УК РФ), которые и способны стать предметом укрывательских действий в случае возникновения для лица, получившего взятку, угрозы разоблачения. Сказанное не позволяет согласиться с мнением о невозможности прикосновенности в форме укрывательства по-

---

<sup>1</sup> Косякова Н. С. Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. С. 49.

<sup>2</sup> См., например: Волженкин Б. В. Коррупция. СПб. 1998 и др.

лучения взятки. Анализ ст. 290 УК РФ приводит к выводу, что к категории особо тяжких относятся лишь деяния, предусмотренные ч. 5 и ч. 6 указанной статьи закона. Таким образом, факты взяточничества, влекущие ответственность в соответствии с ч.ч. 1–4 статьи, остаются за рамками данной категории преступлений, а, значит, и укрыватели в этих случаях не несут ответственности. Данное положение нельзя признать обоснованным, и поэтому оно требует своего изменения. Можно привести множество других примеров, доказывающих необходимость расширить круг деяний, включив в него тяжкие преступления, укрывательство которых обладает высокой степенью общественной опасности и должно, соответственно, наказываться в рамках уголовного закона.

Заранее не обещанное укрывательство, являясь прикосновенностью к преступлению, с субъективной стороны характеризуется умышленной формой вины<sup>1</sup>. Это положение не вызывает сомнений у большинства криминалистов. Однако нет единства мнений среди ученых в определении вида умысла при укрывательстве. Одни авторы допускают возможность его совершения как с прямым, так и с косвенным умыслом. Например, Б. Алексеев писал: «виновный желает или сознательно допускает сокрытие преступника, следов преступления...»<sup>2</sup>.

Представляется более предпочтительной точка зрения большинства других криминалистов, которые признают совершение укрывательства только с прямым умыслом<sup>3</sup>. Но нельзя не обратить внимание, что приверженцы данного взгляда не всегда убедительно аргументируют свое решение. Так, Н. Г. Радунцева и П. Гришанин, верно признавая прямой умысел при укрывательстве, раскрывают лишь интеллектуальный элемент вины, ничего не говоря об элементе воле-

---

<sup>1</sup> Еще Н. Полетаевым было отмечено, что для состава «требуется субъективно умышленность, *dolus*: укрывательства по неосторожной вине быть не может, как не может быть неосторожного воровства, обмана». Прикосновенность к преступлению. Ж.М.Ю. 1862. Т. XIV. Ч. II. С. 67.; См. также: Фойницкий И. Я. На досуге. Сборник статей и исследований. СПб. 1898. Т. 1. С. 465.

<sup>2</sup> Алексеев Б. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них. Сов. юстиция. 1962. № 20. С. 23; См. также: Комментарий к УК РСФСР / под ред. Д. Ю. Северина. М. 1980. С. 363; Омаров А. С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. М. 1954. С. 13; Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 40; Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М. 1950. С. 62–63.

<sup>3</sup> В число указанной группы авторов входят: А. А. Пионтковский, Ш. С. Рашковская, Г. А. Кригер, П. Гришанин, В. Д. Меньшагин, Н. Г. Радунцева, И. С. Тишкевич, Г. И. Баймурзин, М. Х. Хабибуллин, Б. Т. Разгильдиев, В. В. Орехов и др.

вом<sup>1</sup>, в то время как содержание последнего является определяющим при разграничении видов умысла, особенно в случае укрывательства, относящегося к формальным составам. В этом смысле заслуживает внимания суждение А. А. Пионтковского, писавшего: «В содержание умысла укрывателя входит сознание характера ранее совершенного исполнителем преступления, сознание того, что своими действиями укрыватель способствует сокрытию этого преступления и желание оказать такое содействие»<sup>2</sup>. В целом, таким же образом высказывается об умисле прикосновенного ряд других авторов<sup>3</sup>. Действительно, человек может относиться к своим действиям только как к желаемым, если, конечно, они не осуществляются под принуждением. По верному замечанию Б. С. Волкова, действие, если только оно является выражением воли лица, всегда желанно<sup>4</sup>.

Следует согласиться с позицией авторов, однако при заранее не обещанном укрывательстве имеет значение также желание лица достичь определенного результата, который в данном случае реально возможен в виде нераскрытого преступления или неизобличения виновного в основном преступлении, неустановления его местонахождения. Б. Т. Разгильдиев справедливо отмечает, что «конструкция состава, предусматривающего ответственность за укрывательство, не выделяет последствий в качестве самостоятельного признака объективной стороны. Они выражены в самом действии. Следовательно, лицо, желая совершения этих действий, не может не желать наступления последствий»<sup>5</sup>.

Деятельность укрывателя опасна тем, что направлена на сокрытие преступления или преступника, стремясь же к этому, лицо выбирает та-

---

<sup>1</sup> См. Радунцева Н. Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство: автореф... канд. юрид. наук. М. 1980. С. 7; Гришанин П. Ответственность за укрывательство и недонесение о них. Сов. Юстиция. 1975. № 15. С. 22.

<sup>2</sup> Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. II. М. 1970. С. 177.

<sup>3</sup> Например: Рашковская Ш. С. (Советское уголовное право. Особенная часть / под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова; Г. А. Кригер М. 1988. С. 435; Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецовой, Ю. М. Ткачевского М. 1988. С. 194.; Тишкевич И. С. Указ. соч. С. 22), Орехов В. В. (Уголовное право. Особенная часть / под ред. Н. А. Беляева, Д. П. Водяникова, В. В. Орехова. СПб. 1995. С. 76), Кондрашова Т. В. (Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. Я. Казаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова М. 1998. С. 657) и др.

<sup>4</sup> См.: Волков Б. С. Мотив и квалификация преступления. Казань. 1968. С. 51.

<sup>5</sup> Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 65.

кой характер действий, который с наибольшей вероятностью приближает его к указанному результату, т. е. укрывает преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления или предметы, добытые преступным путем. Сказанное подводит к необходимости признать обязательным признаком субъективной стороны прикосновенного укрывательства наличие цели, предполагающей мысленное представление о будущем результате, к достижению которого стремится лицо. Данное положение не противоречит существующей формальной конструкции укрывательства, а только дополняет ее содержание.

Признание одним из обязательных условий ответственности за укрывательство наличие цели — укрывать преступление — имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение, так как позволяет отграничить данное деяние от других преступлений, указывает на прямой умысел при укрывательстве и, соответственно, высокий уровень общественной опасности. Кроме того, отсутствие данной цели означало бы и отсутствие уголовно-наказуемого деяния, внешне хотя и схожего по характеру действий с действиями при укрывательстве преступлений<sup>1</sup>. Здесь стоит привести пример из судебной практики, который, к сожалению, не лучшим образом характеризует наше правосудие. Так, Байматова была осуждена за заранее не обещанное укрывательство убийства, совершенного Тимофеевым (ее знакомым) в собственной квартире. Основанием же обвинительного приговора в отношении указанной гражданки послужило то, что она выбросила в форточку кухонного окна нож, которым Тимофеев нанес смертельные раны Никифорову. Однако материалы данного уголовного дела свидетельствуют в пользу невиновности Байматовой и фактически отражают признаки крайней необходимости. Узнав о совершенном убийстве от самого Тимофеева и обнаружив в одной из комнат квартиры труп Никифорова, она побежала к соседям, у которых имелся телефон, и попросила их вызвать милицию и скорую помощь, вкратце рассказав им о случившемся. Соседи выполнили ее

---

<sup>1</sup> Отражение идеи об обязательности цели при укрывательстве имеется в трудах таких авторов, как: Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 105–106; Виттенберг В., Панченко П. Н. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. Иркутск. 1976. С. 18; Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 65. «Для укрывательства характерна специальная цель сокрыть преступление», — пишет А. А. Пионтковский // Курс советского уголовного права. Т. II. М. 1970. С. 178; В разделе о преступных деяниях против публичной власти в п. 1 ч. 1 §125 УК Дании предусмотрена ответственность за укрывательство при условии наличия цели «избавить кого-нибудь от преследования за преступное деяние или от наказания.» (Современное зарубежное уголовное право. Т. 1. М. 1957. С. 127).

просьбу. Вернувшись обратно в квартиру, Байматова сообщила своему знакомому, что скоро приедет милиция. Между ними возникла ссора, в ходе которой Тимофеев угрожал женщине, требовал от нее помочь ему скрыть преступление. Испугавшись возможной в такой ситуации расправы, Байматова согласилась, понимая, что в противном случае может оказаться очередной жертвой. Тимофеев отдал ей нож, объяснив, что она должна его спрятать... Приехавшие на место происшествия сотрудники, благодаря признанию самой Байматовой, без труда нашли орудие преступления, лежавшее на площадке перед домом. Таким образом, сказанное не дает оснований квалифицировать действия Байматовой как укрывательство, так как ее поведение было лишь имитацией укрывательства. Причиной же такой оценки является отсутствие цели — укрывать преступление или его следы<sup>1</sup>.

Немаловажным в содержании умысла прикосновенного укрывателя является сознание им характера основного преступления, совершенного другим лицом, на что указывалось в рамках общей характеристики всех деяний прикосновенных. В связи с этим можно заключить, что лицо несет ответственность только за укрывательство того общественно опасного деяния, о преступном характере и реальном факте совершения которого оно было осведомлено. Причем, коль скоро закон предусматривает ответственность за укрывательство не всех преступлений, а лишь особо тяжких, то, соответственно, охватываются случаи, когда прикосновенный знает как об общих признаках деяния (ст.105 УК РФ), так и о признаках, квалифицирующих (ч. 3 и 4 ст. 111; ч. 3 и 4 ст. 162; ч. 3 ст. 163; ч. 5 и ч. 6 ст. 290 УК РФ и т. д.). Но следует признать, что не все квалифицирующие признаки, отягчающие наказание, могут стать предметом осведомленности укрывателя. При прикосновенности к таким преступлениям укрыватели по действующему закону останутся безнаказанными, так как не были осведомлены о наличии специфических обстоятельств, хотя и имели общие представления о характере совершенных деяний, многие из которых, кстати говоря, относятся к тяжким даже без наличия квалифицирующих признаков. Это служит еще одним аргументом в пользу расширения ответственности за укрывательство. Анализ судебной практики свидетельствует, что число уголовных дел, связанных с укрывательством невелико, а имеющиеся, в основном по преступлениям доказывание прикосновенности к которым не требует особых усилий, так как достаточно было установить только факт осознания

---

<sup>1</sup> Архив Федерального суда Калининского р-она, г. Санкт-Петербург. Уголовное дело № 1-945/99.

лицом общего характера основного преступления. К таким, например, относятся убийства.

Принципиально важно также признать, что объем осведомленности укрывателя должен быть ограничен лишь общими знаниями о субъекте укрываемого деяния. Иными словами не имеет значения, знал ли прикосновенный, что основное общественно опасное деяние совершено невменяемым или лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Действия укрывателей в данных условиях не становятся менее опасными, так как сохраняют все признаки посягательства на общественные отношения в сфере отправления правосудия. Кроме того, познания в области психиатрии и физиологии человека требуют определенного образовательного уровня и профессионализма, а вопрос о вменяемости лица может быть решен только при наличии соответствующих критериев и при соблюдении определенных процедур, что находится за рамками возможностей большинства представителей общества. Таким образом, верным было бы говорить не об укрывательстве преступлений, а об укрывательстве общественно опасных деяний, так как последнее понятие шире по своему содержанию.

По-разному решается данный вопрос в зарубежном законодательстве. В некоторых кодексах нет специальных указаний на необходимость знания о характере совершенного преступления, что, видимо, не означает отсутствия такой осведомленности как одного из условий ответственности за укрывательство. К этой группе относится и УК РФ. В то же время Законы ряда зарубежных стран содержат описание объема и характера сведений, достаточных для привлечения к ответственности за укрывательство, при этом встречаются следующие формулировки: в кодексе испанском в ст. 451 предусмотрена ответственность за укрывательство, если «лицо знает о совершении преступления»<sup>1</sup>; по швейцарскому закону наказываются виновные, которые, укрывая вещи, «знали или должны были предполагать», что они добыты преступным путем (ст. 144 УК)<sup>2</sup>; в соответствии с §792 Свода Законов США подлежит ответственности лицо, укрывавшее преступление, «в отношении которого у него есть уверенность, достаточные основания полагать или подозревать», что оно было совершено<sup>3</sup>; по УК Нью-Йорка должен быть наказан тот, кто «укрывает лицо, которое, как из-

---

<sup>1</sup> См.: Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, перев. Зыряновой В. П. и Л. Г. Шнайдер. М. 1998. С. 140.

<sup>2</sup> См.: Ганс Феликс Пфенингер в кн.: Современное зарубежное уголовное право / под ред. А. А. Пионтковского. М. 1958. Т. 2. С. 443.

<sup>3</sup> См.: Косякова Н. С. Указ. соч. С. 58.

вестно обвиняемому, является преступником или подозревается в этом и находится в розыске (§ 205.50)<sup>1</sup>.

Мотивы рассматриваемого преступления могут быть совершенно разные: корысть; чувство сострадания и т. д. Однако данный субъективный признак лежит за пределами состава укрывательства, что, правда, не исключает значения его при оценке тяжести содеянного и решении вопроса о наказании в рамках санкции статьи за укрывательство. Действительно, укрывательство, совершенное по корыстным мотивам (укрывательство за денежное вознаграждение и т. п.), является более опасным, нежели совершенное из сострадания, и это не может не учитываться судом.

Наконец, последнее, что необходимо рассмотреть в рамках общей характеристики укрывательства, — это вопрос о субъекте данного преступления.

В соответствии с действующим законодательством ответственность за заранее не обещанное укрывательство возможна при достижении лицом 16-летнего возраста и при условии его вменяемости (ст.20 УК РФ). Данное положение не вызывает каких-либо возражений. Однако некоторые авторы придерживаются иного мнения и мотивируют свою позицию тем, что заранее не обещанное укрывательство рассматривается несовершеннолетними как взаимовыручка, оказание помощи товарищу, попавшему в беду, поэтому, по их мнению, необходимо повысить нижний возраст ответственности за укрывательство преступления до 18 лет<sup>2</sup>. Трудно согласиться с таким предложением, так как нередко и взрослые рассматривают укрывательские действия как взаимовыручку или оказание помощи, но это не должно служить оправданием их поведению, подобная мотивация не исключает наличия прямого умысла при укрывательстве. Кроме того, по верному замечанию М. Х. Хабибуллина «такая взаимовыручка укрывателей и недоносителей, способствуя безнаказанности виновных, порождает у них сознание возможности так же безнаказанно совершать и другие преступления»<sup>3</sup>.

Длительное время в литературе шла острая дискуссия по вопросу об ответственности лиц за укрывательство преступлений, совершенных их родными или супругом. В итоге возобладала идея о необходимости исключить указанную категорию лиц из круга субъектов укрыватель-

---

<sup>1</sup> См. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М. 1991. С. 173.

<sup>2</sup> См., например: Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 92–94.

<sup>3</sup> Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 76.

ства<sup>1</sup>, что нашло свое отражение в УК РСФСР 1960 г., куда были внесены соответствующие изменения, и затем в УК РФ 1996 г., где в примечании к ст.316 сказано «Лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником (под близкими родственниками, очевидно, понимаются родители, дети, усыновленные, усыновители, родные братья и сестры, дед, бабушка и внуки (п. 9 ст. 34 УПК РФ)). Из зарубежного законодательства обращает на себя внимание положение ст. 454 УК Испании, в соответствии с которым освобождаются от ответственности, кроме перечисленных категорий, также лица, находящиеся в устойчивой связи, подобной брачным. По УК Франции 1992 г. аналогично испанскому закону не подлежат ответственности за укрывательство состоящие с виновным в основном преступлении во внебрачном сожительстве<sup>2</sup>.

С точки зрения общечеловеческих нравственных принципов решение исключить уголовную ответственность супругов и близких родственников вполне справедливо, так как интересы семьи, личности в демократическом государстве не менее значимы чем интересы общественные. Позиция законодателя по этому вопросу находит поддержку и у населения. Интересны результаты проведенного в свое время автором опроса. Так, 65 % опрошенных признались, что согласятся укрывать преступление, совершенное их близкими. В то же время 25 % отметили, что откажутся от такого содействия преступнику во всех случаях<sup>3</sup>. Мнение последней группы граждан свидетельствует о наличии серьезной проблемы, которая еще ждет своего решения. Лицо укрывает родного ему «человека», изнасиловавшего или убившего 7-летнюю девочку... Неужели в этом случае закон должен игнорировать характер укрываемого преступления, возраст потерпевшего и т. д., отдав

---

<sup>1</sup> Убедительные доводы в пользу такого решения мы находим в работах следующих авторов: Волженкин Б. В. Новое в уголовном законодательстве. Л. 1990. С. 15; Загородников Н. И., Сахаров А. Б. Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права. Сов. государство и право. 1990. № 22. С. 52; Гаранина М. А. Вопросы совершенствования норм о преступлениях против правосудия. Вестник. МГУ. 1994. № 3. Сер. право. С. 62; Радунцева Н. Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство: автореф... канд. юрид. наук М. 1980. С. 7. и др.

<sup>2</sup> Крылова Н. Е. Новый УК Франции: особенная часть. Вестник МГУ. 1995. № 2. С. 69–75.

<sup>3</sup> Трифионов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: дис.... канд. юрид. наук. СПб. 2000. С. 108.

предпочтение наличию родственных связей между укрывателем и насильником, к тому же о каких нравственных принципах может идти в таких случаях речь?

Интересы охраны жизни, здоровья, нормального психофизического развития лиц, не достигших 16-летнего возраста, должны быть признаны приоритетными при оценке деятельности укрывателя родственника или супруга, который совершил преступление в отношении указанных лиц, и это, соответственно, должно явиться обстоятельством, не освобождающим от ответственности в подобных случаях. Н. С. Косякова, высказывающая аналогичные взгляды, удачно аргументирует свою позицию словами В. Л. Соловьева, полагавшего, что «высшая нравственность (с альтруистической стороны) не позволяет мне быть равнодушным к тому, чтобы мои ближние беспрепятственно становились убийцами и убиенными, грабителями и ограбленными, и чтобы общество, без которого и единый человек не может жить и совершенствоваться, подвергалось опасности разрушения. Такое равнодушие было бы явным признаком нравственной смерти»<sup>1</sup>.

В жизни имеют место случаи совершения укрывательства должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Представляется, что подобную деятельность следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 316 и соответствующей частью ст. 285 УК РФ. Поэтому нет необходимости включать в норму об ответственности за укрывательство квалифицирующего признака — совершение указанных действий должностным лицом.

Другая проблема, требующая рассмотрения, заключается в том, каким образом следует квалифицировать действия лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность в форме укрывательства преступлений. Возможны несколько вариантов такой деятельности. В одном случае, когда лицо вовлекает несовершеннолетнего в укрывательство собственного преступления, правильным будет следующее решение: виновный в основном преступлении виновен и в преступлении, предусмотренном ст. 150 УК РФ, а действия несовершеннолетнего укрывателя (с 16-летнего возраста) полностью охватываются составом укрывательства (ст. 316 УК). В другом случае, когда взрослый прикосновенный вовлекает несовершеннолетнего в укрывательство преступления, совершенного другим лицом, действия взрослого должны квалифицироваться по совокупности пре-

---

<sup>1</sup> См. в работе Н. С. Косяковой. Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. С. 59.

ступлений (ст. 316 и ст. 150 УК РФ), а несовершеннолетний подлежит ответственности только за укрывательство, при этом очевидны также признаки соучастия в прикосновенном укрывательстве. Спорной является позиция Б. Т. Разгильдиева, который считал правильной квалификацию по совокупности преступлений, предусмотренных статьями об ответственности за укрывательство и вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, случаи укрывательства лицом преступления или несовершеннолетнего, его совершившего<sup>1</sup>. Думается, что в указанных условиях лицо подлежит ответственности только за укрывательство.

Результаты проведенного анализа объективных и субъективных признаков заранее не обещанного укрывательства позволяют решить вопрос об отграничении данного деяния от ряда других преступлений, которые отдельными авторами признаются формами проявления укрывательства<sup>2</sup>. В целом позиция этой группы ученых базируется на общем для всех этих деяний свойстве, выражающемся в создании препятствий по раскрытию преступлений. Авторы не учитывают то обстоятельство, что большинство преступлений против правосудия прямо или косвенно также затрудняют деятельность органов по раскрытию преступлений и изобличению виновных, но это не должно быть и не является основанием для признания их формами прикосновенного укрывательства. Если ориентироваться на такой подход в установлении общности укрывательства и других преступлений, то следует признать и несообщение о преступлении формой выражения заранее не обещанного укрывательства, что было бы неверным в корне.

Различия между укрывательством-прикосновенностью и приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем, легализацией незаконно приобретенного, убийством, совершенным с целью скрыть другое преступление, усматриваются при сравнении содержания как объективных, так и субъективных признаков этих деяний.

Действия при укрывательстве по своему характеру могут выразиться только в укрытии преступника, следов преступления, орудий

---

<sup>1</sup> Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 69–70.

<sup>2</sup> Например Н. С. Косякова к разновидностям укрывательства относит заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175), легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем (ст. 174) (указ. соч., с. 59); Аналогично полагает Т.В. Кондрашова, относя сюда также убийство с целью скрыть другое преступление (п. «к» ст. 105 УК РФ). Уголовное право Особенная часть. М. 1998. С. 658.

и средств его совершения, предметов, добытых преступным путем, причем данный перечень не должен толковаться расширительно. В свою очередь в ст.ст. 174 и 175 УК РФ содержится описание действий, которые заключаются в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами и иным незаконно приобретенным имуществом, в целях использования указанных средств или иного имущества в предпринимательской или иной экономической деятельности (ст. 174), в приобретении или сбыте имущества, добытого преступным путем. Действия виновных при этом направлены на извлечение материальной выгоды, удовлетворение интересов имущественного характера, в то время, как при укрывательстве действия — лишь способ сокрытия преступника или преступления. При укрывательстве предметы могут быть уничтожены, видоизменены и т. д., т. е. ценность предмета для прикосновенных имеет второстепенное значение, в то время как лица, виновные в легализации, приобретении или сбыте, стремятся сберечь имущество, сохранить его в целости, дабы в последующем извлечь пользу от сделок с таким имуществом<sup>1</sup>.

Существенно разнятся исследуемые преступления по содержанию субъективной стороны, а именно: по характеру и наличию цели. Цель при укрывательстве — укрывать преступление или преступника, при легализации — собственно легализация преступно полученных средств, и придание им правомерного вида владения<sup>2</sup>, а при приобретении или сбыте имущества хотя и не требуется наличие специальной цели, но она прорисовывается в виде стремления лица извлечь материальную выгоду. Другое различие содержится в характере и объеме сведений, которыми обладают прикосновенные, лица, легализующие преступно приобретенное и виновные в приобретении или сбыте имущества, добытого преступным путем. Для укрывательства требуется сознание лицом характера и вида укрываемого преступления, а нередко и квалифицирующих признаков, сопутствующих деянию, так как уголовно наказуемо не всякое укрывательство, а только совершенное в отношении особо тяжких преступлений. И соответственно, прикосновенный сознает, что предметы, укрываемые им, добыты в результате конкретного преступления, в противном случае, если лицо знает лишь о преступном происхождении имущества, не зная конкретного способа его приобретения, укрывательство не может быть наказуемо. Между тем для признания лиц, виновными в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 174

---

<sup>1</sup> См. подробнее об этом Волженкин Б. В. Отмывание денег. СПб. 1998. С. 26–27; Экономические преступления. СПб. 1999.

<sup>2</sup> См.: Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб. 1999. С. 111.

и 175 УК РФ, достаточно определить, что их умыслом было охвачено сознание хотя бы в общем факта преступности приобретения имущества или знание только о преступном способе завладения им (например, путем хищения, при этом лицо может и не знать в результате ли кражи, или мошенничества, или иным образом было совершено хищение).

Имеются существенные различия также между прикосновенным укрывательством и убийством, совершенным с целью скрыть другое преступление (п. «к» ст. 105 УК). Последнее хотя и направлено на сокрытие преступления, но совершается способом, отличающимся от действий при укрывательстве, которое, как известно, осуществляется путем укрывательства преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем. Ни в одно из указанных действий такое убийство не вписывается. С точки зрения процессуальной, физическое устранение очевидца преступления предполагает уничтожение источника доказательств, а не собственно доказательств по делу, кроме того, укрывательство преступления, в основном, кроме случаев укрывательства преступников, направлено на сокрытие таких объектов, которые в процессуальном праве относятся к вещественным доказательствам, чем показания свидетеля не являются. Нельзя не отметить также, что убийство с целью скрыть другое преступление может быть совершено в том числе лицом, пытающимся скрыть собственное преступление или причастное к его совершению. Укрывательство — прикосновенность напротив, всегда является таковым, если совершается лицом, не участвовавшим в совершении основного преступления.

Таким образом, выше были рассмотрены наиболее значимые и спорные вопросы, касающиеся характеристики заранее не обещанного укрывательства как вида прикосновенности к преступлению и в то же время как самостоятельного преступления, выделяющегося не только из прикосновенных деяний, но и из общего числа всех преступлений, предусмотренных уголовным законом. Целью исследования было также стремление обосновать важность криминализации укрывательства и обратить внимание законодателя на необходимость расширить круг деяний, укрывательство которых наказуемо. Здесь не будет лишним привести некоторые данные, в определенной степени повлиявшие на позицию автора. Так, ответы граждан на вопрос о том, предусмотрена ли в нашем уголовном законодательстве ответственность за укрывательство преступлений, выстроились следующим образом: 25 % — полагают, что наказуемо только укрывательство наиболее тяжких преступлений; 67,5 % — уверены в наличии уголовной ответственности за укрыватель-

ство любого преступления и 7,5 % опрошенных убеждены в отсутствии уголовного преследования за данное деяние. А по вопросу о необходимости криминализации укрывательства те же лица высказались несколько иначе: 62,5 % респондентов считают, что следует наказывать за укрывательство любого преступления; по мнению 27,5 % опрошенных уголовная ответственность должна быть предусмотрена только в случае укрывательства наиболее тяжких преступлений, а 10 % от общего числа анкетированных полагают, что такая ответственность не нужна<sup>1</sup>. Вызывает оптимизм мнение подавляющего большинства опрошенных, гражданская позиция которых предполагает негативное отношение к лицам, так или иначе оказывающим содействие преступникам.

В заключение хотелось бы представить желаемую законодательную конструкцию нормы о заранее не обещанном укрывательстве в УК РФ: «Заранее не обещанное укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений, а равно укрывательство общественно опасных деяний той же тяжести, совершенных невменяемым лицом или лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность — наказывается лишением свободы на срок до трех лет или ...

**Примечание:**

1. Под заранее не обещанным укрывательством в настоящей статье понимаются действия, направленные на укрывательство преступника, лица, совершившего общественно опасное деяние, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем и совершаемые с целью скрыть преступление (общественно опасное деяние).

2. Лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления (общественно опасного деяния), совершенного его супругом, близким родственником, лицом, состоящим с укрывшим в незарегистрированном браке и имеющим с ним общих детей, а также бывшим супругом при указанном условии».

---

<sup>1</sup> Трифонов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: дисс.... канд. юрид. наук. СПб. 2000. С. 113–114.

## § 2. Несообщение о преступлении

В результате исследований многие криминалисты пришли к довольно пессимистичному выводу о том, что преступность как явление, имеющее социальные корни и порождаемое влиянием множества факторов, будет существовать всегда. Действительно, следует согласиться, что идея искоренения преступности настолько же несбыточна, как и господствовавшая в советское время мысль о возможности построения коммунистического общества. Однако борьба с преступностью, противодействие ей от этого не становится менее важным или вовсе бессмысленным делом хотя бы потому, что вполне разрешима задача, удержать преступность на уровне, не представляющем угрозу безопасности общества в целом. Именно на снижение преступных проявлений до минимально возможного уровня и должны быть направлены все законные средства противодействия ей.

Анализ данных о состоянии преступности в стране за последние несколько лет показывает, что от результатов борьбы с криминальными проявлениями сегодня зависит будущее России как государства. Нельзя не учитывать при этом, что регистрируемые преступления — это лишь часть общественно опасных деяний, факт совершения которых удалось установить. Вне поля зрения правоохранительных органов остается так называемая латентная преступность. По оценкам ряда специалистов, ее размеры, как правило, в несколько раз превышают число официально зарегистрированных преступлений.

Существование латентной преступности ведет к целому ряду отрицательных последствий, среди которых хотелось бы выделить следующие:

1. Ставится под сомнение реализация принципа неотвратимости ответственности за противоправное деяние, формируется мнение о безнаказанности;
2. Создаются трудности в выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, соответственно, возникают сложности в своевременном их устранении;
3. Порождается в общественном сознании сомнение в способности государственных институтов, и прежде всего правоохранительных органов, обеспечить общественную безопасность, защитить личность и имущество граждан и т. д.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> См. Горяинов К. К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М. 1993. С. 20.

М. П. Клейменов в своем исследовании приходит к выводу, что для современной криминологической обстановки характерно дерзкое, наглое поведение преступников, которые часто убеждены в своей безнаказанности<sup>1</sup>. Оценивая данное суждение, Н. С. Косякова замечает, что «правонарушители предвидят возможность привлечения их к уголовной ответственности и считают ее невысокой»<sup>2</sup>. Далее, указывая на причину такой уверенности, она справедливо выделяет следующее: «активность правоохранительных органов недостаточна, а население не просто терпимо относится к преступлениям и преступникам, но своей одобряющей прикосновенностью способствует ее росту и распространению»<sup>3</sup>. Становится очевидным, что эффективность противодействия латентной преступности, решительность и наступательный характер борьбы с ней во многом зависят от активности населения, нетерпимости граждан к лицам, совершающим преступления. Увеличение численности сотрудников правоохранительных органов имеет свои пределы, нужно также принять во внимание существующие сегодня трудности в материально-технической оснащённости подразделений. Но даже при полной их укомплектованности невозможно обеспечить установление всех фактов совершения преступлений. Трудно представить себе, что процесс доказывания возможен без участия в судопроизводстве граждан, например, в качестве свидетелей, потерпевших или лиц, оказавшихся непосредственными очевидцами совершенного преступления и заявивших об этом в соответствующие органы. Перечень способов оказания помощи со стороны членов общества подразделениям в их борьбе с преступностью можно продолжить и дальше, однако, даже указанные формы содействия при достаточной активности населения могли бы коренным образом повлиять на раскрываемость преступлений. В. Т. Томин писал: «Преступник действует в окружении людей. И как бы ни таился он — кто-нибудь из граждан обязательно воспримет своими органами чувств само событие преступления, либо подготовку к нему, либо попытку скрыть его последствия, либо, наконец, те или иные следы каждого из этапов преступной деятельности»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Клейменов М. П. Прогнозирование латентной преступности // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М. 1993.

<sup>2</sup> Косякова Н. С. Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. С. 105.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Томин В. Т. Привлечение трудящихся к расследованию преступлений. Омск. 1972. С. 5.

Таким образом, следует признать в качестве одного из важнейших условий снижения уровня латентной преступности — широкое привлечение населения к сотрудничеству с правоохранительными органами. Но будет, по меньшей мере, безответственно требовать от граждан такого содействия, не обеспечив их защиты от возможных посягательств вследствие такой деятельности. Результаты собственных исследований, а также данные, полученные другими криминалистами<sup>1</sup> в ходе изучения общественного мнения, доверительных бесед с сотрудниками правоохранительных органов, показывают, что поведение свидетелей, прикосновенных к преступлению лиц, потерпевших в определенной степени зависит от механизма обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию. Поскольку гарантий уголовного законодательства в данном случае недостаточно, следует также разработать комплексный процессуальный механизм реализации мер, направленных на охрану участников судопроизводства.

Примечательно, что в ряде Российских законов имеются положения, обязывающие должностных лиц принимать все необходимые меры по обеспечению безопасности граждан. Так, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года, в п. 6 ст. 14 указана обязанность «содействовать обеспечению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, безопасности и сохранности имущества своих сотрудников, лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств». С целью устранения такого недостатка в 1997 году была предпринята попытка ввести в действие Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству». Этот законопроект, одобренный Государственной Думой, по ряду причин был отклонен Президентом Российской Федерации. В последующем данный пробел был устранен принятием Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и утверждением ряда Постановлений Правительства РФ, обеспечивших реализацию, в том числе финансовую, положений выше названного Закона<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См., например: Акутаев. Р. М. Криминологический анализ латентной преступности: дисс...докт. юрид. наук. СПб. 1999. С. 174.

<sup>2</sup> См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2012 № 953 «Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпев-

Имеющиеся недостатки в системе защиты свидетелей и потерпевших хотя и оказывают некоторое влияние на активность граждан, но не являются решающими обстоятельствами, объясняющими пассивное поведение лиц, ставших очевидцами преступлений или пострадавших в результате них.

Латентность преступлений, связанная с поведением свидетелей и лиц прикосновенных, объясняется в немалой степени нравственными, психологическими и духовными установками личности, иначе говоря, субъективными свойствами (мотивацией) личности. В этой связи представляют интерес результаты обобщения судебной практики, полученные еще в начале 80-х годов прошлого столетия<sup>1</sup>. По данным проведенного тогда исследования, мотивами прикосновенного несообщения о преступлении были:

- родственные чувства — 9,2 %;
- чувство ложного товарищества — 36,9 %;
- боязнь мести, страх — 13,8 %;
- жалость, сострадание — 1,5 %;
- солидарность с преступником — 33,9 %;
- другие мотивы — 4,6 %.

Как видно из указанного, наиболее распространенными мотивами поведения прикосновенных являлись чувство ложного товарищества и солидарность с преступником. Эти данные не потеряли своей актуальности и сегодня, особенно, если учесть характер происходящих изменений (нередко отрицательного свойства) в современном Российском обществе, что не могло не повлиять на мировоззренческую позицию простых граждан, многие из которых в своем поведении придерживаются принципа невмешательства в чужие дела. Такое невмешательство зачастую приобретает негативный оттенок в условиях, когда сопряжено с прикосновенностью к преступлению в форме несообщения о преступлении или попустительства ему. Следует ли мириться с таким положением?..

---

ших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; Постановление Правительства Российской Федерации от 11.11.2006 № 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты» и др.

<sup>1</sup> См. подробнее: Хабибуллин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и доноительство по советскому уголовному праву. Казань 1984. С. 75.

В современных условиях, в период со вступления УК РФ в силу (1997) и до относительно недавнего времени (в соответствии с Федеральным законом от 06.07.2016 N 375-ФЗ вступила в силу ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении»), однако криминализация данного деяния ограничена перечнем преступлений, перечисленных в самой статье), решение законодателя исключить ответственность за прикосновенное несообщение о преступлении представлялось необоснованным и преждевременным. Причины же, по которым нельзя согласиться с длительным игнорированием в вопросе об уголовном преследовании за данное деяние, носят как уголовно-правовой, так и нравственный характер. Рассмотрим их подробнее.

Признав несообщение о преступлении деянием ненаказуемым, государство практически отказалось от одного из средств снижения латентности — сообщение о преступлении, с чем напрямую связана проблема реализации принципа неотвратимости ответственности. Кроме того, декриминализация недоносительства негативно сказывается на обеспечении свидетельской базы при расследовании уголовных дел. Очевидно, что лицо, ставшее очевидцем преступления, скорее предпочтет не сообщать о нем, зная, что его поведение ненаказуемо. Кроме того, если иметь ввиду содержание ст. 308 УК РФ, которая предусматривает ответственность свидетелей и потерпевших за отказ от дачи показаний по любому делу, независимо от тяжести совершенного правонарушения, то непонятно, почему лицо, не сообщившее об особо тяжком преступлении, должно освобождаться от уголовного преследования.

Вызывает тревогу и то обстоятельство, что в условиях отсутствия полно содержательной нормы об ответственности за прикосновенное недоносительство все большее значение приобретают поощрительные меры воздействия на граждан с целью увеличения числа сообщений о преступлении. Такие методы с моральной точки зрения не всегда можно признать оправданными и приемлемыми, например, в случаях, когда обещается определенное материальное вознаграждение за информацию об обстоятельствах совершения какого-либо правонарушения. Отрицательная сторона содействия населения правоохранительным органам за обещанное вознаграждение заключается в том, что у определенной части людей развиваются неверные представления о своей гражданской роли в обществе, вырабатывается некая извращенная форма предприимчивости в отношениях с государством. Складывается довольно странная ситуация, при которой государство как аппарат, созданный обществом для защиты своих жизненно важных интересов, вынуждено платить своим гражданам за содействие в борьбе

с преступностью, в успешном противодействии которому заинтересованы в первую очередь сами граждане. Еще в прошлом столетии известный русский криминалист писал по этому поводу: «Но немного лучше и назначать награды за доносы, ибо этими обещаниями государство с одной стороны трактует весьма нелестно своих подданных, а с другой явно показывает свое бессилие»<sup>1</sup>. Другой автор того же периода отмечал следующее: « При нормальном состоянии общественной жизни полиция есть только страж и слуга общества, содержащего ее; с учреждением постоянных полицейских агентов, общество вовсе не отрекается от важнейших полицейских обязанностей — предупреждения преступлений, открытия преступников. Если я знаю, что такой-то собирается убить моего согражданина, сжечь его дом, — то я обязан предупредить угрожаемое лицо, или полицию не только по чувству человеколюбия, но и вследствие той солидарности, которая существует между гражданами одного государства; если я знаю виновника преступления, то по тем же причинам я обязан открыть его, — иначе преступление останется ненаказанным — великое зло, или будет наказан не тот, кто совершил его, а невинный, — зло еще большее. «Дело общества есть дело личное каждого гражданина» — такова формула личной деятельности в цивилизованном государстве. В Англии и Америке считается не только обязанностью, но и долгом чести донести об узнанном злоумышлении... Но на материке Европы мы видим прискорбное явление: антагонизм между обществом и полицией. Явление это имеет свои исторические причины, так что скрыть преступника считается чуть ли не великодушным делом, донести — делом по крайней мере не рыцарским: выходит, что общество берет в борьбе полиции с преступником сторону последнего, тогда как полиция призвана защищать интересы общества»<sup>2</sup>.

Конечно, нельзя надеяться, что наличие ответственности за прикосновенное несообщение о преступлении повлияет на положительное поведение всех лиц. Часть граждан в силу своего воспитания и нравственных качеств готова и без уголовного принуждения оказывать помощь правоохранительным органам, свидетельством чему служат результаты проведенного группой ученых еще в 1995 году исследования. Так, 45,3 % опрошенных выразили готовность сообщать об известных фактах преступлений и иных правонарушений, а 52,6 % респондентов, оказавшихся очевидцами преступлений, выбрали в качестве варианта поведе-

---

<sup>1</sup> Полетаев Н. Прикосновенность к преступлению // Ж.М.Ю. Т. XIV. Ч. II. С. 86. СПб. 1862.

<sup>2</sup> Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. 1867. С. 160.

ния — сообщение о случившемся в милицию<sup>1</sup>. Результаты исследования, проведенного автором в свое время несколько отличаются от приведенных выше данных и выглядят следующим образом: 22,5 % респондентов готовы сообщить о любом преступлении; 27,5 % — сообщают только о наиболее тяжких; если вызовут на допрос, то дадут показания 30 % опрошенных; и уклонятся от сообщения о преступлении во всех случаях — 20 % анонимно анкетированных<sup>2</sup>. С учетом отмеченного вызывает интерес та группа опрошенных, которая выбрала иные формы сотрудничества либо вовсе отказалась от такового.

Н. С. Косякова справедливо в этом смысле выделяет две категории лиц: «Первая — лица, которые не нуждаются в принуждении не из-за их высокой нравственности, а из-за полнейшей безнравственности. Им и уголовное принуждение не поможет сделать выбор поведения в пользу общества. И вторая — это колеблющиеся, — последняя, по ее мнению, — нуждается в толчке к правильному пути. Этим толчком должно послужить уголовное принуждение»<sup>3</sup>. Далее автор удачно дополняет свое суждение словами И. И. Карпеца о том, что «нравственное воспитание не исключает и принудительного (образно говоря) воспитания, особенно тогда, когда нарушаются не только нормы морали, но и закон»<sup>4</sup>.

Негативным моментом отказа от уголовного преследования за несообщение о преступлении является и снижение вследствие этого авторитета государства в глазах той части (причем большей) населения, которая убеждена в необходимости уголовного наказания за прикосновенное бездействие как за проявленное равнодушие, терпимость или даже одобрение по отношению к совершенным преступлениям. Так, доля лиц, отрицательно оценивающих поведение несообщивших о преступлении, составила 58,2 % от общего числа опрошенных, остальные же выразили свое безразличие по поводу бездействия прикосновенных. При этом на вопрос о том, необходимо ли уголовно преследовать за несообщение о преступлениях, ответы тех же лиц выстроились несколько иначе: 47,5 %<sup>5</sup> опрошенных полагают, что да, такая ответственность нужна,

---

<sup>1</sup> Преступность: что мы знаем о ней. Милиция: что мы думаем о ней / под ред. Михайловской И. Б. М. 1995. С. 65.

<sup>2</sup> Трифонов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: дисс....канд. юрид. наук. СПб. 2000. С. 122.

<sup>3</sup> Косякова Н. С. Указ. соч. С. 18.

<sup>4</sup> Карпец И. И. Уголовное право и этика. М. 1985. С. 27.

<sup>5</sup> Очевидна количественная разница между этим и выше приведенным показателем. Подобное несоответствие (в данном случае составляющее 11,3 %)

а 52,5 %, соответственно, высказались отрицательно по поводу криминализации исследуемого деяния<sup>1</sup>.

В доверительных беседах с людьми не раз приходилось слышать суждения примерно следующего содержания: отсутствие ответственности за несообщение о преступлении является если не одобрением, то, во всяком случае, проявлением безразличия государственных органов в оценке поведения прикосновенных, что, по мнению тех же лиц, свидетельствует об игнорировании государством интересов пострадавших от преступлений, защита прав которых не менее важная задача, более того, должна быть признана определяющей. В связи с этим хотелось бы отметить, что демократия, по своей сути, является олицетворением не той свободы, которая граничит с беспределом, равнодушием и вседозволенностью (это сродни анархии), а той, которая обеспечивается соблюдением как прав, так и определенных обязанностей, причем неисполнение последних в определенных случаях должно влечь крайнюю меру ответственности — уголовную. К таким обязанностям следует причислить и обязанность сообщать о наиболее тяжких преступлениях<sup>2</sup>. Результаты проведенного автором опроса еще до криминализации деяния, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, показали следующее: 87,5 % анкетированных убеждены — несообщение о преступлении в России уголовно наказуемо! Даже среди опрошенных сотрудников правоохранительных органов<sup>3</sup> доля уверенных в наличии в законе нормы об уголовной ответственности за недоносительство составила 68 %!<sup>4</sup>

Некоторые авторы высказывают мнение о неэффективности нормы об ответственности за несообщение о преступлении, о высокой латентности такого рода деяний. Действительно, данные судебной практики

---

можно объяснить тем, что часть людей, выражая свое негативное отношение к поведению прикосновенных, вместе с тем, не готова или не желает мириться с необходимостью уголовного преследования за данное деяние, иначе говоря, не желает возлагать на себя обязанность сообщения о преступлении.

<sup>1</sup> Трифонов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: дисс... канд. юрид. наук. СПб. 2000. С. 123.

<sup>2</sup> Проведенные Н. А. Носковой в 1970 году социологические исследования показали, что на вопрос о том существует ли уголовная ответственность за недонесение о преступлении, все опрошенные ответили, что такая ответственность существует // Изучение общественного мнения о недонесении о преступлениях // Проблемы социологии права. Вып. 1. Вильнюс. 1970. С. 225.

<sup>3</sup> Следует оговориться, что в данной группе анкетированных не было дипломированных юристов.

<sup>4</sup> Трифонов В. Г. Указ. соч. С. 123.

до 1996 года свидетельствуют о малом числе уголовных дел, по которым была установлена прикосновенность к преступлению в форме несообщения о нем. Однако следует ли это обстоятельство брать за основу при решении вопроса о криминализации? Думается, что нет. Во-первых, нельзя забывать об общепреventивном значении наличия ответственности за такую прикосновенность к преступлению. Во-вторых, криминализация данного деяния явилась бы выражением негативной позиции государства по отношению к той части населения, которая не проявляет должной гражданской активности в вопросе содействия в борьбе с преступностью, что также немаловажно. В-третьих, значит ли этот аргумент противников криминализации недонесения, что мы должны исключить ответственность за совершение преступлений, обладающих, в силу своей специфичности, высокой латентностью? Очевидно, что нет, более того, какова была бы репутация государства, в котором отказались от преследования, например, за взяточничество. Небезынтересен и тот факт, что в ряде случаев для снижения латентности в законе предусматриваются положения, поощряющие сообщение о преступлении. Например, в примечании к ст. 291 УК РФ сказано, что лицо, давшее взятку, освобождается от ответственности, ... если оно добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о даче взятки». Конечно, здесь речь идет не о прикосновенном преступлении, привлекает внимание другое — сообщение о преступлении закон признает одним из наиболее эффективных средств борьбы с преступностью и, в частности, с коррупционной, при этом не ставится под сомнение вопрос о нравственной стороне такого способа снижения латентности преступлений.

Представляется, что приведенные аргументы способны отчасти убедить в уголовно-правовой и криминологической целесообразности включения в закон нормы об ответственности за несообщение о преступлении. Для большей убедительности необходимо рассмотреть также нравственную сторону данного прикосновенного бездействия, так как моральный аспект вызывает наибольшие споры.

Ряд ученых подвергает сомнению значимость института прикосновенности к преступлению и, в особенности, целесообразность ответственности за несообщение о преступлении. Так, С. И. Никулин считает, что требование уголовного закона сообщать о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении нравственно ущербно и откровенно стимулирует доносительство<sup>1</sup>. Ю. И. Стецов-

---

<sup>1</sup> Учебник уголовного права. Общая часть / под ред. Кудрявцева В. Н., Наумова А. В. М. 1996. С. 205.

ский по этому поводу пишет: «Правоохранительная практика не подтверждает, что уголовная ответственность за недонесение содействует изобличению преступников. Реальная польза этой ответственности ничтожна, а моральный вред трудно переоценить»<sup>1</sup>. Видимо, такой же позиции придерживались разработчики ныне действующего уголовного закона, в котором норма о несообщении отсутствует.

Н. С. Косякова, являясь сторонницей иного взгляда, достаточно убедительно и категорично заключает: «Целесообразность ответственности за несообщение о готовящемся преступлении вообще не подлежит обсуждению с точки зрения нравственности. Мне достоверно известно, что готовится террористический акт — взрыв детского сада. Как я должна поступить? Неужели этот вопрос встанет передо мной и потребует глубоких размышлений! Ответ только один: альтернативы быть не может — сообщить незамедлительно. А для колеблющихся, рассуждающих, взвешивающих (своя рубашка ближе к телу) — суровое уголовное принуждение. Оно обосновано со всех точек зрения — нравственных, религиозных (иначе это не религия, а опиум), общечеловеческих»<sup>2</sup>. Трудно не согласиться с данным суждением... Дополнительно хотелось бы указать на несостоятельность выводов о том, что уголовное принуждение граждан к сообщению о преступлении стимулирует доносительство, порождает подозрительность и т. д. Уж если что и может вести к таким последствиям, так это метод оплачиваемого тайного доноса. «И при этом, — как справедливо замечает Н. С. Косякова, — не ставится вопрос о нравственности — цель оправдывает средства. Какая цель? И почему не используется нравственное средство? Гласное бескорыстное сообщение — гражданский долг каждого перед обществом, в котором он живет и без которого он не может быть свободен и счастлив. Свобода будет или у всех, или ни у кого»<sup>3</sup>.

Решимость лица совершить преступление в немалой степени укрепляется сознанием того, что никто из возможных очевидцев преступления не окажет виновному противодействия или, по меньшей мере, равнодушно пройдет мимо, не посчитав необходимым сообщить о случившемся в соответствующие органы. Равнодушие, отсутствие жалости и сострадания к окружающим, абсолютный приоритет личных интересов — крайние формы проявления эгоизма, становясь основой поведения большинства, они способны привести общество к самоуни-

---

<sup>1</sup> Истина... и только истина // Пять бесед о судебно-правовой реформе. М. 1990. С. 323.

<sup>2</sup> Косякова Н. С. Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. С. 13.

<sup>3</sup> Там же. С. 15.

чтожению, что сравнимо с огромным конвейером, где в ожидании стать очередной жертвой люди безучастно наблюдают за работой преступных жерновов, в которых исчезают их соплеменники один за другим и вслед за ними с неизбежностью в этих жерновах окажутся другие, в том числе те, кто не пытался что-либо предпринять для остановки преступного механизма.

Разумный коллективизм, чувство коллективного, а, значит, и личного самосохранения требует от людей объединения их усилий в борьбе с опасностью, подобно поведению животных, объединяющихся в стаи. В случае нападения на одного, остальные соплеменники спешат на помощь, чтобы отразить угрозу, и нередко сами подвергаются при этом опасности, но такова реальная необходимость. Данный механизм выживания в природе оптимален, и его эффективность доказана временем. В этом смысле природное стремление выжить и не оказаться жертвой преступления является основой определенных правил поведения и для людей, на которых должна быть возложена обязанность оказывать содействие друг другу и обществу в целом в деле обеспечения безопасности и общества, и отдельного индивида, данной цели в полной мере служит такая форма содействия, как обязанность сообщать о преступлении.

Возвращаясь же вновь к оценке моральной стороны исследуемого деяния, хочется отметить, что в случае признания принуждения к сообщению о преступлении — делом безнравственным, мы фактически неверно выбираем приоритеты, так как складывается положение, при котором ставится под сомнение нравственность поведения лица, сообщившего, например, об изнасиловании малолетней девочки, и оправдывается безнравственность несообщения об этом преступлении.

Нередко авторы, признающие безнравственным принуждение к сообщению о преступлении, дополнительно пытаются аргументировать свою позицию несоответствием такого принуждения общим демократическим принципам и свободам, являющимся основой происходящих сегодня в нашей стране изменений. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на положения уголовного законодательства ряда государств, демократическое устройство которых не вызывает сомнений. Так, в УК Франции ст. 434-1 обязывает граждан, осведомленных о каком-либо преступлении, «которое еще можно предотвратить, последствия которого можно ограничить или исполнители которого способны совершить новые преступления, которые могли бы быть предотвращены», сообщить об этом преступлении соответствующим органам власти. В кодексе ФРГ в соответствии с § 138 недонесение о преступлении

карается сроком лишения свободы до 5 лет. В уголовном законодательстве Дании также предусмотрена ответственность за неисполнение обязанности сообщать об известном замышляемом преступлении<sup>1</sup>. В соответствии с английским уголовным правом подлежит наказанию тот, кто знал о совершенном преступлении и имел возможность сообщить о нем надлежащим органам, но не сделал этого<sup>2</sup>. В США карается штрафом в размере до 500 долларов или тюремным заключением на срок до 3 лет, или обоими наказаниями недонесший об известной, фактически совершенной фелонии (§ 4)<sup>3</sup>. Более суровое наказание, в виде штрафа в размере 1000 долларов или тюремного заключения на срок до 7 лет, либо оба вида наказания ожидают того, кто будучи обязанным хранить верность Соединенным Штатам, зная о совершении измены против них, скрывает это и в возможно короткие сроки не сообщает об этом Президенту или какому-либо судье<sup>4</sup>.

В японском законодательстве также предусмотрена обязанность сообщать о преступлениях. Более того, как верно отмечает Н. С. Косякова, в стране, «не отягощенной преступностью, к борьбе с преступностью широко привлекаются силы общественности, население», при этом «донесение о преступлениях пропагандируется и всячески приветствуется»<sup>5</sup>. С малых лет японцы воспитываются в духе нетерпимости к лицам, нарушающим закон. По мнению Н. Ипатьева, пропаганда законопослушания в этой стране сводится к нескольким существенным тезисам: «нарушать закон нельзя, потому что он защищает тебя и твою семью, а иначе не сможет тебе помочь, когда это понадобится; нарушать закон нельзя, потому что это позорит не только тебя, но и твою семью, иную общность или группу, к которой ты принадлежишь; если ты нарушишь закон, то не уйдешь от ответственности, как ни старайся»<sup>6</sup>. Далее в своей статье автор отмечает, что не менее важным является положение, в соответствии с которым не только сам не нарушай закон, но и помогай государству и полиции, останови нарушителя и сообщи в полицию.

---

<sup>1</sup> Современное зарубежное уголовное право. Т. 1. М. 1957. С. 203.

<sup>2</sup> Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М. 1969. С. 93.

<sup>3</sup> Уголовное право Соединенных Штатов Америки / Сборник нормативных актов. Сост. Козочкин И. Д. М. 1986. С. 25.

<sup>4</sup> Там же. С. 71.

<sup>5</sup> Косякова Н. С. Указ. соч. С. 103, 109.

<sup>6</sup> Ипатьев Н. Преступник теряет лицо. Из Токио специально для ж. «Милиция» // Милиция. 1998. № 1. С. 21.

Таким образом приведенные выше аргументы не позволяют согласиться с мнением авторов, являющихся противниками возложения на граждан обязанности сообщать об известном готовящемся или совершенном преступлении. В. Колесник, назвавший декриминализацию доноительства «сомнительной новеллой», пишет, что отсутствие нормы об ответственности за недонесение о преступлении в УК РФ негативно влияет на раскрытие преступлений, особенно убийств, при расследовании которых граждане зачастую не сообщают о преступлении, стыдясь прослыть «доносчиками». Наличие ответственности за прикосновенное бездействие, по его мнению, убеждало бы людей в том, что сообщение о преступлении и преступниках — обязанность перед обществом, а не наоборот<sup>1</sup>. Представляется, что при решении вопроса о криминализации данного деяния следует отказаться от использования термина «недонесение» и заменить его термином «несообщение» о преступлении, так как первое по своему филологическому смыслу определяет скорее негативное явление и более сравнимо с понятием, используемым в норме об ответственности за заведомо ложный донос.

Подводя итог данной части исследования, уместно привести слова Д. С. Лихачева в качестве аргумента в пользу идеи о необходимости включения в УК РФ нормы, устанавливающей ответственность за несообщение о преступлении: «По моему глубокому убеждению, добро и красота едины для всех народов. Едины в двух смыслах: правда и красота — вечные спутники, они едины между собой и одинаковы для всех народов. Ложь — зло для всех. Искренность и правдивость, честность и бескорыстие всегда добро»<sup>2</sup>...

Действовавшее ранее уголовное законодательство предусматривало ответственность за недонесение о преступлениях. По УК РСФСР 1960 года лица, не сообщившие об известных им преступлениях, подлежали наказанию в соответствии со ст.ст. 19, 88 (1), 190. Однако, как и в предыдущих кодексах, данные нормы не содержали определения понятия доноительства. Сегодня же в Законе данное деяние будучи вовсе декриминализованным до 2016, появившись вновь, закреплено в простой диспозитивной форме, в связи с чем раскрытие содержания исследуемого вида прикосновенности к преступлению и характеристика признаков, отличающих его от смежных форм общественно опасного поведения, является важной задачей, требующей решения в теории

---

<sup>1</sup> Колесник. В. Сомнительные новеллы УК РФ // Законность. 1999. № 3. С. 27.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М. 1998. С. 10.

уголовного права и, бесспорно, имеющей огромное практическое значение. Обзор юридической литературы свидетельствует, что до недавнего времени к решению этого вопроса обращались многие специалисты. Однако их усилия не смогли в полной мере повлиять на выработку единого подхода не только в оценке признаков несообщения, степени его общественной опасности, но и в решении вопроса о соотношении несообщения о преступлении и соучастия. Такое положение обязывает автора рассмотреть данные вопросы подробнее.

Как следует из выше проведенного исследования, каждый, кому стало достоверно известно о готовящемся, совершаемом или совершенном общественно опасном деянии, должен проявить определенную активность, оправданную как с моральной, так и с правовой точек зрения, направленную на содействие правоохранительным органам в деле предупреждения и раскрытия преступлений. Моральная обязанность такого содействия в ряде случаев должна перерасти в правовую обязанность сообщать о наиболее тяжких готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях, при этом неисполнение данной обязанности должно расцениваться как уголовно-наказуемое деяние, представляющее собой прикосновенность к преступлению.

Общественная опасность недонесения о преступлении заключается в том, что несообщение о готовящемся или совершаемом преступлении оказывает негативное влияние на возможность его предотвращения и пресечения, а несообщение об уже совершенном общественно-опасном деянии создает немалые трудности в расследовании данного преступления, в деятельности по установлению виновных и привлечению их к ответственности, более того, вследствие бездействия прикосновенного возникает опасность необоснованного привлечения к ответственности лиц, невиновных в совершении преступления, что также необходимо учитывать при оценке поведения прикосновенных. В свою очередь, степень общественной опасности несообщения о преступлении следует определять в зависимости от тяжести основного деяния, а также в зависимости от того, о готовящемся или о совершенном преступлении лицо не сообщило.

Объективная сторона недонесения о преступлении характеризуется рядом признаков. Сам термин, которым определяется деяние, указывает на то, что несообщение (недонесение) всегда проявляется в форме бездействия и заключается в невыполнении лицом обязанности сообщить компетентным органам о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении.

Именно по данному признаку следует отличать прикосновенное недоносительство от прикосновенного укрывательства. Последнее шире по своему содержанию и включает в себя как бездействие в виде несообщения об укрываемом преступлении, так и активные физические действия, направленные на укрывательство преступления, т. е. несообщение — это составная часть укрывательства. Как верно отмечал Г. И. Баймурзин: «Бездействие субъекта, связанное с невыполнением им обязанности по своевременному сообщению о преступлении, и активные действия по укрытию преступника или преступления составляют два взаимно обуславливающих друг друга момента, без которых невозможно само понятие укрывательства»<sup>1</sup>. Аналогичной позиции придерживается большинство других криминалистов<sup>2</sup>. Однако, в судебной практике ранее имели место случаи привлечения к ответственности за недонесение лиц, фактически совершивших заранее не обещанное укрывательство преступления и наоборот, что объясняется допускаясь со стороны органов расследования и суда ошибками в оценке объективных признаков данных деяний, хотя по этому поводу еще Пленум Верховного Суда СССР в п. 5 своего Постановления от 31 июля 1962 года «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» указал, что недонесение о преступлении со стороны лица, являющегося «виновным в заранее не обещанном укрывательстве преступления, не требует дополнительной квалификации по статьям уголовных кодексов о недонесении, поскольку недонесение в этих случаях является частью более тяжкого преступления и охватывается статьями, предусматривающими ответственность за указанные преступления»<sup>3</sup>.

Традиционно в теории уголовного права, а до недавнего времени и в уголовном законодательстве, выделялись два вида недоносительства: несообщение о готовящемся и уже совершенном преступлении. Еще Уложение 1845 года недоносителями признавало тех, «которые, зная об умышляемом или уже содеянном преступлении и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности» (ст. 15). Однако такое положение в законе не помешало

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата. 1968. С. 119.

<sup>2</sup> См., например: Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. II. М. 1970. С. 495; Тишкевич И. С. Борьба с преступностью долг каждого гражданина. М. 1973. С. 27 и др.

<sup>3</sup> Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР по уголовным делам. М. 1995. С. 25.

некоторым дореволюционным криминалистами прийти к довольно своеобразному выводу, в соответствии с которым недонесение о готовящемся преступлении рассматривалось как деяние, близко подходящее по своему содержанию к попустительству. Так, Н. С. Таганцев утверждал, что недонесение об умышляемом преступлении, наряду с попустительством, «подходят под понятие невоспрепятствования преступлению, бездействия...»<sup>1</sup>. А. Ф. Кистяковский более того прямо указывал, что недонесение о готовящемся преступлении, «по своей природе есть один из видов попустительства» и является несодействием «общественной власти в противодействии совершению преступлений», в то время, как несообщение «о совершившемся преступлении» представляет собой «несодействие той же власти в открытии преступлений»<sup>2</sup>. При этом авторы сохранили значение недонесения о преступлении, независимо от ее разновидности, как одной из форм прикосновенности к преступлению.

Данная теория в дальнейшем не была поддержана другими учеными, которые, в целом соглашаясь с выделением видов несообщения о преступлении, отмечали лишь различную степень общественной опасности этих деяний, имеющих общую юридическую природу.

Действительно, несообщение о готовящемся преступлении — деяние более опасное, чем то же деяние в отношении совершенного преступления, так как в первом случае бездействие лица не позволяет правоохранительным органам своевременно принять соответствующие меры по предотвращению преступления, а во втором случае преступление уже окончено и остается лишь установить виновных и привлечь их к ответственности. Еще в 1941 году А. Н. Трайнин указывал на данную особенность<sup>3</sup>. Позже эту идею поддержали Б. Алексеев, Г. И. Баймурзин, И. С. Тишкевич, М. Х. Хабибуллин и др.<sup>4</sup>

На основании изложенного некоторые авторы предлагали криминализировать несообщение в уголовном законе с учетом имеющихся различий, соответственно создав либо две статьи, либо предусмотрев

---

<sup>1</sup> Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1. Вып. III. СПб. 1880. С. 151.

<sup>2</sup> Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев. 1882. С. 616.

<sup>3</sup> Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. 1941. С. 144.

<sup>4</sup> См.: Алексеев Б. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Сов.юстиция. 1962. № 2. С. 24; Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 122; Тишкевич И. С. Указ. соч. С. 27; Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 57.

две части в одной статье<sup>1</sup>. Такое решение представляется нецелесообразным. Предпочтительней в данном случае решение, предложенное И. А. Бушуевым, который писал: «...хотя общественная опасность недонесения о готовящемся преступлении более высока по сравнению с недонесением о совершенном преступлении, это, однако, не означает, что уголовная ответственность за эти виды недонесения должна предусматриваться в разных статьях. Неодинаковая степень общественной опасности недонесения о готовящемся и недонесения о совершенном преступлении может быть учтена судом в рамках относительно определенной санкции одной и той же статьи Уголовного кодекса»<sup>2</sup>.

Вызывает возражения позиция В. Г. Смирнова, который предлагал «различать два различных по своей юридической природе вида недоносительства: а) недоносительство о готовящемся преступлении — оно представляет собою один из видов соучастия в совершении преступления и б) недоносительство о совершенном преступлении — оно представляет собою один из видов прикосновенности к преступлению». В соответствии с этим он приходит к выводу, что коль скоро первое — это недоносительство-соучастие, то оно более опасно нежели недоносительство — прикосновенность<sup>3</sup>. Ошибочность данной позиции очевидна. Автор оценивал недоносительство о готовящемся преступлении как всегда соучастие в нем, без учета того, было ли данное поведение обещано заранее исполнителю основного преступления или нет, между тем последнее является решающим обстоятельством при разграничении соучастия и прикосновенности к преступлению.

Нельзя согласиться и с другой крайней позицией, в соответствии с которой заранее данное обещание не является основанием отнесения недоносительства к соучастию в преступлении.

И. А. Бушуев, придерживавшийся данной точки зрения, писал, что «заранее обещанное недонесение не может рассматриваться как соучастие в преступлении, так как при заранее обещанном недонесении лицо не обещает исполнителю ни содействия в совершении преступления, ни содействия в сокрытии преступления или самого преступника, т. е. между действиями недоносителя и исполнителя нет причинной связи, которая обязательна при соучастии»<sup>4</sup>. Б. Т. Разгильдиев, обос-

---

<sup>1</sup> См., например: Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 58.

<sup>2</sup> Бушуев И. А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М. 1965. С. 88.

<sup>3</sup> См.: Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности к преступлению по советскому уголовному праву. Л. 1957. С. 110.

<sup>4</sup> Бушуев И. А. Указ. соч. С. 95.

новывая ту же идею, отмечал: «Заранее обещанное недоносительство не обуславливает наступление преступного результата, поскольку не носит причиняющего характера»<sup>1</sup>. П. И. Гришаев аргументировал данное положение тем обстоятельством, что при заранее не обещанном недоносительстве отсутствует совместная деятельность и, следовательно, необходимые объективные признаки соучастия<sup>2</sup>. С доводами авторов трудно согласиться.

Представляется, что правильных взглядов придерживаются те ученые, которые рассматривают заранее обещанное несообщение как интеллектуальное пособничество преступлению. По мнению А. А. Пионтковского, недонесение как бездействие, по общему правилу, не является соучастием, и только в тех случаях, «когда недонесение было заранее обещано исполнителю, оно ставится в причинную связь с совершенным преступным деянием и его следует рассматривать как соучастие в совершенном преступлении в форме интеллектуального пособничества»<sup>3</sup>. Верно писал М. Д. Шаргородский, указывавший, что в данном случае в причинной связи с результатом будет находиться не бездействие, а самый факт обещания, являющийся пособничеством<sup>4</sup>. Убедительны доводы Г. И. Баймурзина, который, не соглашаясь с мнением П. И. Гришаева (см. выше), отмечал следующее: «...причинная связь как объективный признак соучастия может быть обусловлена не только физическими действиями, но и психическим воздействием на сознание исполнителя, как это имеет место при подстрекательстве и интеллектуальном пособничестве. Поэтому нет никаких оснований не относить к соучастию обещание субъекта не донести о преступлении, поскольку подобное обещание, укрепляя у преступника надежду уйти от разоблачения, устраняет или, по крайней мере, ослабляет у него сдерживающие мотивы и служит обстоятельством, стимулирующим реализацию преступного намерения. Установление взаимного психологического контакта между недоносителем и исполнителем, таким образом, подобно обещанию укрыть преступление, представляет собой одно из звеньев той объективной причинной цепи, завершающейся выполнением пре-

---

<sup>1</sup> Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 74.

<sup>2</sup> См.: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по советскому уголовному праву. М. 1959. С. 224.

<sup>3</sup> Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. II. М. 1970. С. 494–495.

<sup>4</sup> Шаргородский М. Д. Причинная связь в уголовном праве // Ученые записки ВИЮН. Вып. X. М. 1947. С. 187–188.

ступления»<sup>1</sup>. В. Б. Малинин, оценивая попустительство и недоносительство, также категорично пишет, что «лишь недоносительство и попустительство, обещанные заранее, образуют соучастие в преступлении»<sup>2</sup>.

Лицо, обещая исполнителю бездействовать или, иначе, не сообщать о готовящемся или о совершаемом им преступлении, гарантирует виновному тем самым возможность беспрепятственно реализовать замышленное, укрепляет в нем уверенность в собственной безнаказанности, что не может не повлиять на решимость совершить преступление. В соответствии с этим для исключения всякого рода противоречий в практической деятельности было бы разумным дополнить ч. 5 статьи 33 УК РФ соответствующим положением<sup>3</sup>.

Исследование объективной стороны прикосновенного недоносительства включает в себя также вопросы о том, в какие органы должно быть сообщено о преступлении и в какие сроки. В соответствующих нормах УК РСФСР 1960 года данные вопросы не раскрывались, однако их решению уделялось немало внимания в теории и практике. Действующая редакция ст. 205.6 УК РФ требует сообщить «...в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении».

По утверждению одних авторов, лицо, которому стало известно о преступлении, должно сообщить об этом тем органам, непосредственной задачей которых является борьба с преступностью<sup>4</sup>. Другие, дополняя, отмечают, что сообщение может быть сделано и в любой другой орган, призванный обеспечивать соблюдение общественного порядка и безопасности<sup>5</sup>. Третьи указывают на «органы власти или их представителей»<sup>6</sup>, а также «и другие авторитетные органы или их должностных лиц»<sup>7</sup>, независимо от их функционального предназначения. Очевидно, что утверждения последней группы криминалистов ближе к правильному представлению о круге учреждений и лиц, со-

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 124.

<sup>2</sup> Малинин В. Б. Причинная связь и проблемы общей части уголовного права. СПб. 1999. С. 104.

<sup>3</sup> Аналогичное предложение высказывает Н. С. Косякова в своей книге «Неотвратимость ответственности». Смоленск 1999. С. 121.

<sup>4</sup> См. например, Раал Э. Х. Понятие прикосновенности к преступлению по советскому уголовному праву: автореф. дисс...канд. юрид наук. Тарту. 1956. С. 18.

<sup>5</sup> Советское уголовное право. Особенная часть / под ред. Гришаева П. И., Здравомыслова Б. В. М. 1988. С. 437.

<sup>6</sup> Бажанов М. И. Ответственность за кражу личного имущества граждан и за разбой по советскому уголовному праву. Харьков. 1957. С. 39.

<sup>7</sup> Васильев А. Ответственность недоносителей по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 г // Соц. законность. 1950. № 11. С. 19.

общение которым о преступлении должно признаваться обстоятельством, исключаящим ответственность за недонесение. «В этих случаях, — по справедливому замечанию М. Х. Хабибуллина, — решающим моментом, по общему правилу, является не то, какому органу адресовано сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, а то, из каких побуждений действовало лицо, делая данное сообщение. Если по делу будет установлено, что оно действовало с целью оказать содействие в борьбе с преступностью, то, на наш взгляд, вопрос об ответственности за недонесение исключается»<sup>1</sup>. Опираясь на сказанное, следует также исключить ответственность за недоносительство, если о готовящемся или о совершенном преступлении было сообщено лицу, в отношении которого осуществляется посягательство. Но законодатель в рамках ст. 205.6 УК РФ решил иначе, предусмотрев, повторимся, необходимость сообщить о преступлении в органы власти, уполномоченные рассматривать такие сообщения.

Решая вопрос о сроке, в течение которого лицо должно сообщить о преступлении, необходимо учесть, осуществляется ли приготовление к преступлению, совершается или оно уже совершено. Данное требование объясняется тем, что своевременное сообщение о готовящемся преступлении создает условие для его предотвращения, в то время как информирование об уже совершенном преступлении фактически содействует лишь его раскрытию и изобличению виновных. Поэтому промедление в первом случае чревато более серьезными последствиями, чем во втором, соответственно, и сроки сообщения в данных условиях различны.

Представляется, что сообщение о совершенном преступлении должно быть произведено в минимально возможный срок (без промедления), после того, как лицу стало известно о нем. В любом случае данный период времени должен быть ограничен моментом, когда у гражданина появилась реальная физическая или техническая возможность сообщить о деянии или когда была устранена опасность, которой подвергался он или другие лица. Такое требование справедливо по следующим основаниям: во-первых, оно способствует более быстрому раскрытию преступления; во-вторых, исключает изначально ошибочные версии по уголовному делу, что также немаловажно, так как нейтрализуется вероятность привлечения к ответственности невиновного и экономятся материально-технические ресурсы, используемые в оперативно-следственной деятельности.

---

<sup>1</sup> Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 65.

Несколько иначе выглядит решение о сроках при сообщении о готовящихся преступлениях. Очевидно, что здесь должна быть принята во внимание необходимость предотвращения совершения готовящегося общественно-опасного деяния. Соответственно период времени информирования о таком преступлении должен быть ограничен промежутком времени с момента, когда лицу стало известно о приговлении к совершению деяния и до момента, когда еще есть возможность пресечь его. Сложнее выглядит оценка сообщения, которое было сделано позже указанного срока. С одной стороны лицо все же проинформировало органы о готовящемся преступлении, с другой стороны упущена возможность его предотвращения. Представляется, что в этом случае следует отказаться от преследования за прикосновенное недоносительство, хотя по общему правилу деяние и является оконченным, т. е. фактически не сообщено о готовящемся преступлении. Такое решение целесообразно как поощрительная мера, дающая шанс лицам изменить свое поведение, не боясь ответственности за недоносительство о готовящемся преступлении. Аналогичным образом следует относиться к поведению лиц, которые не сообщили о готовящемся или о совершенном преступлении, но, будучи вызванными в качестве свидетелей, дали правдивые показания. В то же время, если будет установлено, что лицу, не сообщившему о совершенном преступлении, было достоверно известно о данном деянии на стадии его приготовления, то это обстоятельство следует учесть, квалифицируя соответственно поведение прикосновенного как несообщение о готовящемся преступлении. Такой ответственности лицо должно подлежать в том случае, если оно вовсе отказалось от исполнения обязанности сообщать о ставшем известным готовящемся преступлении, которое впоследствии было совершено.

Бесспорным является исключение ответственности за недонесение, если сообщение не было сделано по уважительным причинам, т. е. при наличии непреодолимой силы, например, болезнь, стихийное бедствие и т. п., а также в том случае, если лицу было известно, что о преступлении и о виновном, его совершившем, правоохранительные органы уже проинформированы.

С субъективной стороны несообщение о преступлении, как и другие виды прикосновенности, справедливо признается деянием, совершенным умышленно. Однако в теории уголовного права нет единства в оценке вида умысла при недоносительстве.

Ряд авторов, характеризуя умысел бездействующего лица, основываются на том, что несообщение, являясь составом формальным, влечет ответственность независимо от возможных в результате этого

вредных последствий, и в соответствии с этим, по их мнению, умысел субъекта, виновного в недоносительстве, должен определяться лишь сознанием и желанием данного бездействия, без учета психического отношения лица к возможным последствиям такого поведения. Поэтому, говоря об умысле недоносителя, они утверждают, что лицо, не сообщая о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении, сознает общественно-опасный характер своего бездействия и желает бездействовать, что верно<sup>1</sup>.

При этом некоторые криминалисты, также утверждая, что недонесение может совершаться только с прямым умыслом, выражают свое суждение об этом несколько иначе: «Виновное лицо сознает, что бездействует при достоверном знании о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, предвидит, что, бездействуя, оно не делает необходимого о преступлении сообщения в соответствующие органы и желает того, чтобы преступление оставалось нераскрытым»<sup>2</sup>. С данной позицией трудно согласиться, так как если опираться на подобное определение умысла, то можно прийти к выводу о том, что лицо, не сообщаящее о преступлении, всегда преследует цель оказать помощь преступнику во избежание ответственности за содеянное, что, конечно же, справедливо не для всех случаев. Довольно часто лицо, оказавшееся прикосновенным к преступлению, не знакомо с виновным и не сообщает о нем и о совершенном им деянии в силу своего безразличия к происходящему и нежелания, что называется, «создавать себе лишние проблемы», мотивируя при этом свое поведение примерно следующим образом: «Пускай разбираются без меня. Поймают — хорошо, а не поймают — мне все равно».

Имеется и иная позиция — недоносительство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом<sup>3</sup>. Данное положение доказывается Г. И. Баймурзиным, который пишет: «Поскольку пове-

---

<sup>1</sup> См., например: Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Т. IV / под ред. Пионтковского А. А. М. 1970. С. 272; Советское уголовное право. Особенная часть / под ред. Гришаева П. И. и Здравомыслова Б. В. М. 1988. С. 438; Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий. Ярославль. 1994. С. 69; Уголовное право. Особенная часть. Ч. 2 / под ред. Беляева Н. А., Водяникова Д. П., Орехова В. В. СПб. 1995. С. 78.

<sup>2</sup> Виттенберг Г., Панчекно П. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. Иркутск. 1976. С. 24

<sup>3</sup> См., например: Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 40; Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Кригер Г. А., Кузнецовой Н. Ф., Ткаченко Ю. М. М. 1988. С. 195.; Уголовное право. Общая часть / под ред. Здравомыслова Б. В., Красикова Ю. А., Рарога А. И. М. 1994. С. 322–323.

дение недоносителя так же, как и при других формах прикосновенности, приобретает общественную опасность не само по себе, а в связи с реальной возможностью наступления вредных последствий в виде уклонения преступника от наказания, было бы неправильным не учитывать конкретного психического отношения субъекта к этим последствиям. В реальной действительности лицо, не доносящее о преступлении, не всегда руководствуется желанием помочь преступнику уйти от разоблачения... Возможны также случаи недоносительства с косвенным умыслом, когда лицо, не преследуя цели помочь преступнику в его попытке уклониться от ответственности и не подвергаясь психическому давлению извне, все же не выполняет возложенной на него правовой обязанности»<sup>1</sup>. Очевидно, что косвенный умысел в рамках данного состава преступления невозможен уже потому, что только деяние и отношение к нему должно оцениваться.

Важно также отметить, что в субъективной стороне исследуемого деяния не последнее место занимает убежденность лица в достоверности сведений, которыми оно обладает, о событии преступления и лице его совершившем.

Достоверность определяется как форма существования истины, обоснованной каким-либо способом<sup>2</sup>. В свою очередь, истина представляет собой — адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом, воспроизводящее их так, как они существуют вне и независимо от сознания; объективное содержание человеческого познания<sup>3</sup>. Однако нужно заметить, что, хотя истина объективна по содержанию, она в то же время субъективна по форме как результат деятельности человеческого мышления.

Перенося данное положение в русло исследуемого вопроса, можно сказать, что объективная достоверность сведений о готовящемся или о совершенном преступлении находится в неразрывной связи с субъективной убежденностью лица в их истинности. В соответствии с этим было бы неоправданным привлечение к ответственности за несообщение о преступлении в случаях, когда у лица, располагавшего данными о реально имевшем место событии преступления, не было абсолютной уверенности в истинности этих сведений. Еще Н. С. Таганцев отмечал, что для ответственности за недоносительство «недостаточно, что лицо могло предполагать существование преступления, имело сомнения и т. п., а необходимо доказать, что оно имело точные, определенные

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 126–127.

<sup>2</sup> Советский энциклопедический словарь. М. 1985. С. 408.

<sup>3</sup> Там же. С. 510

сведения и преступном событии»<sup>1</sup>. В подобных случаях, хотя внешне поведение лица и схоже с поведением недоносителя, отсутствует умысел на бездействие, Это утверждение имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение, так как позволяет исключить случаи привлечения к ответственности на основе объективного вменения.

Твердая убежденность лица в достоверности сведений о преступлении может сложиться лишь при соблюдении двух следующих условий: это, во-первых, наличие минимально необходимого объема сведений о имевшем место общественно-опасном деянии и лице, его совершившем, и, во-вторых, способ получения этих сведений (источники осведомленности).

Как верно заметил Г. И. Баймурзин, «объем сведений, которыми обычно обладает недоноситель, бывает различным. Он может превышать, быть равным, но ни в коем случае не должен быть меньше того минимума, без чего невозможно говорить о достоверности знаний»<sup>2</sup>. В связи с чем возникает необходимость ответить на вопрос о том, каков же этот минимум сведений, позволяющий решить также задачу определения минимума информации, которую нужно довести до сведения правоохранительных органов, не боясь ответственности за прикосновенное бездействие.

По мнению В. Г. Смирнова, во всех случаях сообщений о преступлении лицо должно включить в перечень сведений о нем информацию, характеризующую объект посягательства (на что совершается посягательство?), субъект преступления (кто, сколько?) и характер его (их) действий<sup>3</sup>.

Другой криминалист пишет, что «знание о готовящемся или совершенном преступлении, недонесение о которых наказуемо в уголовном порядке, предполагает представление недоносителя в общих чертах о характере основного преступления. Если уголовный закон устанавливает ответственность за недонесение о преступлении, совершенном при отягчающих обстоятельствах, обвинение в недонесении может иметь место лишь при условии, что наличие этих обстоятельств охватывалось умыслом виновного»<sup>4</sup>.

Думается, что мнение последнего из указанных авторов ближе к верному пониманию. В то же время следует признать обоснован-

---

<sup>1</sup> Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. СПб. 1880. Кн. 1, вып. III. С. 173.

<sup>2</sup> Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 129.

<sup>3</sup> Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 89.

<sup>4</sup> Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 73.

ным предложение В. Г. Смирнова установить общий для всех случаев минимально необходимый перечень сведений, который достаточен для осознания лицом факта совершения преступления. Соглашаясь, стоит отметить, что в универсальный перечень нельзя включать осведомленность лица о конкретной личности, виновной в совершении основного преступления, а также осведомленность обо всех участниках преступления, так как такое знание не всегда возможно и, кроме того, в целом его отсутствие не влияет на сознание характера совершаемого деяния. Однако, именно это условие законодатель предусмотрел в диспозиции ст. 205.6 УК РФ, что, представляется, неоправданно ограничит возможности применения нормы.

В рамках затронутой проблемы необходимо определиться и с тем, должно ли лицо нести ответственность за несообщение о деянии, совершенном невменяемым. Ответ скорее всего должен быть утвердительным, что оправдано как с уголовно-правовой, так и с моральной точек зрения.

В. Илюхин, придерживавшийся аналогичной позиции, убедительно обосновывал ее следующим образом: «Сопоставляя бездействие лица в отношении общественно опасных деяний невменяемых с недоносительством, влекущим уголовную ответственность, можно прийти к выводу, что они по своим социальным характеристикам ничем не отличаются друг от друга. Во-первых, и в том и в другом случае субъект общественно опасен. Своим бездействием он посягает на интересы правосудия. Во-вторых, и в том и в другом случае лицо по своему убеждению на основании своих наблюдений, знаний сознает, что подготавливается или совершается общественно опасное деяние, но умышленно о нем не сообщает компетентным органам. Поэтому опасность недоносителя налицо в обоих случаях. Его поведение морально порицаемо и вредно для общества в одинаковой степени»<sup>1</sup>. Автор верно указывает на фактически равную опасность в обоих случаях несообщения.

Таким же образом следует оценивать поведение тех, кто не сообщил об общественно опасном деянии, совершенном лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. Причем данное решение справедливо независимо от того, известно ли было лицу или нет, что исполнитель основного деяния невменяем или что он не достиг соответствующего возраста привлечения к уголовной ответственности. Знание о подобных обстоятельствах, а равно его отсутствие нахо-

---

<sup>1</sup> Илюхин В. Некоторые вопросы ответственности за недоносительство // Сов. юстиция. 1980. № 7 С.27.; Ту же идею высказывает Н. С. Косякова (см.: Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. С. 124.

дится за рамками умысла не только при недоносительстве об общественно-опасных деяниях, но и при их укрывательстве и попустительстве им, что естественным образом вытекает из общей природы деяний, относящихся к институту прикосновенности<sup>1</sup>.

Поэтому целесообразно при решении вопроса о криминализации несообщения о преступлении отразить в диспозиции нормы соответствующее положение об ответственности и за бездействие в отношении общественно-опасных деяний, совершенных указанными выше категориями лиц.

Переходя к анализу другого важного условия, влияющего на достоверность знания о деянии при несообщении о преступлениях, нужно отметить, что не всякий способ получения информации может быть признан условием, гарантирующим ее достоверность. Как верно пишет М. Х. Хабибуллин: «не могут быть признаны достоверными... сведения, полученные понаслышке, от посторонних лиц, не имеющих никакого отношения к совершаемому преступлению»<sup>2</sup>. В то же время достоверность информации не вызывает сомнений в тех случаях, когда сведения были получены в результате собственных наблюдений лица, явившегося очевидцем преступления, либо, когда эти сведения стали известны ему со слов исполнителей преступления или иных участников и были дополнительно подкреплены личными наблюдениями. Последнее можно проследить на таком примере: К. рассказал П. о том, что убил В., при этом показал окровавленный нож, которым совершил это преступление, после чего К. привел П. на место, где лежал труп убитого.... Очевидно, что в этой ситуации у лица не было каких-либо оснований сомневаться в реальности произошедшего. Интересны в этом смысле результаты проведенного некоторое время назад исследования, в котором данные об источниках получения достоверной информации о преступлении выглядели следующим образом: был очевидцем преступления — 60 %; со слов лица, совершившего преступление — 33,9 %; со слов других лиц — 1,5 %; обстановка совершения преступления — 4,6 %<sup>3</sup>. Из приведенного видно, что большинство несообщивших были непосредственными очевидцами преступления, вдвое меньше оказалось тех, кто узнал о деянии со слов самих виновных.

В уголовно правовой теории верно отмечалась, в качестве одной из особенностей конструкции состава несообщения о преступлении

---

<sup>1</sup> См. об этом подробнее в разделе общей характеристики прикосновенности к преступлению.

<sup>2</sup> Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 74.

<sup>3</sup> Там же. С. 75.

как и при укрывательстве, наказуемость лишь в строго определенных случаях. Поэтому, возобновляя дискуссию о необходимости криминализации недонесения, следует решить вопрос о круге деяний, несообщение о которых должно признаваться наказуемым. Очевидно, что в сравнении с заранее не обещанным укрывательством, несообщение менее опасно, а значит, будет вполне обоснованным криминализировать лишь такое несообщение, которое связано с несообщением о наиболее тяжких преступлениях, т. е. преступлениях особо тяжких. Но возникает определенная сложность. Способно ли лицо сознавать, что совершено именно особо тяжкое деяние? Ведь зачастую преступление становится таковым только при наличии определенных квалифицирующих признаков (например: совершение преступления группой лиц, в отношении двух и более лиц, и т. д.)<sup>1</sup>.

Думается, что ответить на этот вопрос можно следующим образом. Если лицо не сообщило о преступлении, которое по законодательству признано особо тяжким во всех случаях, например, ст.ст. 105, 209, 275 и др. УК РФ, то для ответственности за бездействие достаточно того обстоятельства, что несообщивший сознавал в общих чертах характер и вид готовящегося или совершенного деяния. Если же речь идет о прикосновенности к особо тяжкому преступлению, которое является таковым вследствие наличия дополнительных признаков, то необходимо установить, охватывались ли сознанием лица эти признаки. В случае осведомленности о подобных отягчающих обстоятельствах, лицо, конечно же, должно подлежать ответственности, при этом не имеет значения известно ли было прикосновенному или нет, что законом предусмотрена обязанность сообщать о таком преступлении. К сказанному хотелось бы выразить лишь сожаление, о том, что законодатель в ст. 205.6 УК РФ неоправданно сузил круг преступлений, несообщение о которых наказуемо. Думается, что несообщение о таких преступлениях, как: убийство, изнасилование и др. является бездействием не менее опасным. Иными словами, подобная прикосновенность должна быть криминализована не по критерию перечня конкретных преступлений, несообщение о которых наказуемо, а по основанию категории тяжести несообщаемого деяния.

---

<sup>1</sup> Из общего числа статей Особенной части УК РФ лишь в 38 предусмотрена ответственность за совершение особо тяжких преступлений, причем 14 статей во всех своих частях регулируют ответственность за эту категорию деяний, а в 24 других ответственность за особо тяжкое преступление имеет место только при наличии отягчающих обстоятельств.

Переходя к рассмотрению вопроса о субъекте ответственности за несообщение о преступлении, следует в первую очередь отметить, что таковым должно быть признано физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения данного деяния 16-летнего возраста. Аналогичным образом этот вопрос решался и в УК РСФСР 1960 года. Прикосновенный, достигший указанного возраста, вполне способен сознавать общественно-опасный характер, вид совершаемого или совершенного основного деяния и собственное бездействие как общественно опасное.

Чрезмерным, в этой связи, является решение законодателя в соответствии с положениями ст. 205.6 УК РФ привлекать за несообщение с 14 лет. Но не только это вызывает несогласие. Явное несоответствие усматривается в следующем: лицо подлежит уголовной ответственности с 14 лет за несообщение о преступлении, наказуемом с 16-летнего возраста. Это деяния, предусмотренные ст.ст. 205.1, 205.2, 220, 221, 278 и 279 УК РФ. Справедливо ли это? Думаю, что нет.

Трудно согласиться с ранее имевшими место предложениями о повышении возраста привлечения к уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению с 18 лет<sup>1</sup>. Авторы подобных суждений мотивировали свое решение тем, что несовершеннолетние рассматривают укрывательство и недоносительство как способ оказания помощи своим знакомым, как взаимовыручку. Однако может ли это служить причиной повышения возраста ответственности за прикосновенность к преступлению? Конечно же, нет. Нередко и взрослые воспринимают такое поведение как взаимовыручку и помощь.

Результаты проведенного в 1984 году М. Х. Хабибуллиным исследования свидетельствуют, что наибольшее число несообщений о преступлении приходится на лиц в возрасте от 18 до 29 лет (64,6 %), а на долю несовершеннолетних до 18 лет — 18,5 % всех фактов прикосновенного бездействия. При этом автор, говоря о причинах таких высоких показателей, указывал следующее: «В этом весьма активном возрасте молодым людям чаще всего приходится сталкиваться с конфликтными ситуациями, со случаями совершения общественно опасных действий, и они не всегда оказываются на высоте предъявляемых к ним требований, прибегают из чувства ложного товарищества и других побуж-

---

<sup>1</sup> См., например: Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов. 1981. С. 92–94; Ковалев М. И. Об ответственности за уголовное недоносительство // Сов. государство и право. 1957. № 2. С. 107.

дений к укрывательству либо не сообщают органам власти о готовящихся или совершенных преступлениях»<sup>1</sup>.

Представляется, что отмеченные выше мотивы поведения несовершеннолетних недоносителей не могут служить основанием освобождения их от ответственности, к тому же подобные обстоятельства, побуждающие к бездействию, ни в коей мере не влияют на сознание лицом своего поведения как общественно опасного.

Однако до сих пор спорным остается вопрос оценки бездействия тех лиц, которые находятся в родственной связи с виновным в основном преступлении.

Интересно вспомнить, что в соответствии со ст. 128 Уложения 1845 года освобождались от ответственности за несообщение о преступлении дети, родители, супруг, родные братья и сестры виновных в основном преступлении. К этой группе по Уложению относились также свойственники до 2-й степени включительно, воспитатели и «благодетели». Причем ответственность последних не исключалась в случаях, если основное преступление влекло наказание в виде смертной казни или каторжных работ. В целом же положения данной статьи не имели силы при прикосновенности к государственным преступлениям (ст.ст. 241, 244, 249 и 253 Уложения).

В последующем, то есть в советский период, данное правило было упразднено, но в литературе делались попытки оспорить такое решение. При этом одни авторы предлагали рассматривать факт близкого родства как обстоятельство, смягчающее ответственность за несообщение о преступлении<sup>2</sup>. По мнению же других, близкие родственные связи должны вовсе освобождать несообщивших от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда было несообщено о наиболее тяжких преступлениях, или когда такие деяния совершены из низменных побуждений<sup>3</sup>.

Г. И. Баймурзин и Б. Т. Разгильдиев, не соглашаясь с подобными предложениями, писали, что факт родства не должен приниматься

---

<sup>1</sup> Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 77.

<sup>2</sup> См., например: Носкова Н. А. Недонесение о преступлении: автореф дисс... канд. юрид. наук. М. 1971. С. 24.

<sup>3</sup> Бушуев И. А. Указ. соч. С. 54; См. также: Гелашвили В. С. О заранее не обещанном укрывательстве, совершенном родственником виновного // Вестник МГУ. Серия II право, 1980. № 1. С. 62; Радунцева Н. Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М. 1980. С. 7–8.

во внимание при решении вопроса об уголовной ответственности за несообщение о преступлении<sup>1</sup>.

Сегодня становится очевидным, что ни одна из выше указанных позиций не может быть признана достаточно обоснованной. Признак близкого родства в данном случае должен стать определяющим при решении вопроса об освобождении от уголовного преследования. Именно такой подход стал преобладающим.

Ученые в разное время справедливо отмечали, что «негуманно карать в уголовном порядке за недонесение или заранее не обещанное укрывательство преступлений, совершенных детьми, родителями, супругом или иными близкими человеку людьми. Требования закона и угроза наказания противостоят в этих случаях нравственному чувству родственной связи, близости и верности, что подрывает превентивное значение уголовно-правового запрета, делая его несправедливым и практически несостоятельным»<sup>2</sup>.

Б. В. Волженкин признал исключительно важными новеллами положения проекта Основ уголовного законодательства СССР и Союзных Республик, в соответствии с которыми супруг, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка и внуки виновного освобождались от обязанности сообщать о преступлении<sup>3</sup>. Позже именно это положение было внесено в качестве дополнения в УК РСФСР 1960 года, став частью ст. 19 закона.

Аналогичного принципа придерживается законодательство многих стран. Причем в ряде кодексов круг лиц, освобожденных от обязанности сообщать о преступлении, представлен шире, чем это имело место в УК РСФСР 1960 года. Например, УК Франции освобождает от ответственности за недоносительство также тех, кто состоит с виновным в основном преступлении во внебрачном сожителе<sup>4</sup>.

Уголовный закон Аргентины дополняет этот список также собственниками по восходящей и нисходящей линии и собственниками боковой линии до 2-й степени, кроме того не несут ответственности за недоносительство ближайшие друзья виновного и те, кто до со-

---

<sup>1</sup> Баймурзин Г.И. Указ. соч. С. 91; Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 94–96.

<sup>2</sup> Загородников Н. И., Сахаров А. Б. Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права // Сов. государство и право. 1990. № 22. С. 52. См. также: Гаранина М. А. Вопросы совершенствования норм о преступлениях против правосудия // Вестник МГУ. Серия право. № 3.1994. С. 62.

<sup>3</sup> Волженкин Б. В. Новое в уголовном законодательстве. Л. 1990. С. 15.

<sup>4</sup> См. об этом подробнее: Крылова Н. Е. Основные черты уголовного кодекса Франции. М. 1996. С. 118.

вершения виновным деяния и вне связи с ним получал от него большие подарки<sup>1</sup>. Однако, думается, что в рамках нашего законодательства такое расширение круга лиц, освобождаемых от ответственности, было бы нецелесообразным.

На основании изложенного хотелось бы предложить включить в перечень лиц, не обязанных сообщать о преступлении близких родственников (см. выше), лицо, состоящее с виновным в незарегистрированном браке и имеющее с виновным общих детей, а равно бывшего супруга при аналогичном условии. Такое решение приемлемо еще и потому, что в целом соответствует и не противоречит содержанию ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Кроме того, этот перечень следует дополнить указанием на лиц, сфера деятельности которых ограничена определенными профессионально-этическими нормами. Речь идет о священнослужителях<sup>2</sup>, защитниках и врачах. В этом смысле полезно воспользоваться опытом германских законодателей, которые в § 139 УК ФРГ предусмотрели «освобождение от уголовной ответственности священников при недонесении о том, что было доверено им как духовникам, а также адвокатов, защитников и врачей при выполнении ими своих профессиональных функций»<sup>3</sup>. При этом А. А. Нерсесян отмечает, что «понимание законодателем сути вопроса выражается и в используемых терминах: сведения этим лицам не просто стали известны, а были доверены»<sup>4</sup>. То есть, если одному из представителей указанных профессиональных групп о преступлении стало известно вне рамок функциональной деятельности, то вопрос об их ответственности за несообщение о преступлении должен решаться на общих основаниях.

В заключение обсуждаемого вопроса хотелось бы предложить в качестве своеобразной новеллы закрепление в УК РФ положения примерно следующего содержания: срок или размер наказания за преступление не может превышать трех четвертей максимального срока

---

<sup>1</sup> См. об этом подробнее в кн. Современное зарубежное уголовное право / под ред. Пионтковского А. А. М. 1957. Т. 1. С. 91.

<sup>2</sup> В ст. 326 проекта Модельного УК для государств участников СНГ, в разработке положений которого принимали участие Б. В. Волженкин, С.Ф. Милюков, Н. Ф. Кузнецова, В. С. Устинов и др. российские криминалисты, указывалось, что «...не подлежит уголовной ответственности также священнослужитель за несообщение о преступлении, ставшем ему известным на исповеди.

<sup>3</sup> Нерсесян А. А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США. М. 1992. С. 101–102.

<sup>4</sup> Там же. С. 102.

или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего кодекса, если о данном преступлении было сообщено близким родственником или супругом виновного. Представляется, что такое дополнение имело бы не только общепреventивное значение. Оно способно повлиять на раскрываемость преступлений и, соответственно, на реализацию принципа неотвратимости ответственности, что, бесспорно, более важно, в сравнении с необходимостью применения сурового наказания. Лицо, оказавшись перед выбором сообщать о преступлении своего близкого или нет, становится небезучастным в его судьбе и, принимая решение, вынуждено будет предпочесть тот вариант поведения, который наибольшим образом облегчит участь виновного.

Спорным в науке является вопрос об ответственности потерпевшего за несообщение о преступном посягательстве в отношении него. Одни авторы полагают, что потерпевшие должны нести ответственность за недоносительство на общих основаниях<sup>1</sup>. Другие эту ответственность отрицают<sup>2</sup>.

Оценка взглядов различных авторов подводит к единственно приемлемому выводу — следует исключить уголовное преследование потерпевших за недоносительство. Иное было бы чрезмерным, да и в определенной степени абсурдным, так как трудно себе представить, что на одной скамье с обвиняемым окажется и пострадавший от его действий человек. К тому же, как правило, потерпевшие более других заинтересованы в раскрытии преступления и привлечении виновного к ответственности.

В судебно-следственной практике данная проблема в период действия УК РСФСР 1960 года в целом решалась аналогичным образом, подтверждением чему служат результаты исследования уголовных дел. В их числе не оказалось ни одного, по которому бы к ответственности привлекли потерпевшего.

Проведенное исследование и выдвинутые предложения, позволяют представить следующую конструкцию нормы об ответственности за несообщение о преступлении: «Несообщение о достоверно известном готовящемся, совершаемом или совершенном особо тяжком преступлении, а равно несообщение об общественно опасном деянии той же тяжести, совершенном лицом, невменяемым или не достиг-

---

<sup>1</sup> См., например: Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 91; Косякова Н. С. Указ. соч. С. 118.

<sup>2</sup> См. Хабибуллин М. Х. Указ. соч. С. 91; Бушуев И. А. Указ. соч. С. 32.

шим возраста, с которого наступает уголовная ответственность — наказывается лишением свободы на срок до двух лет или...

**Примечание:**

1. Лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о преступлении, совершенном его близким родственником, супругом, лицом, состоящим с несообщившим в незарегистрированном браке и имеющим с ним общих детей, а также бывшим супругом при указанном условии. Равно этому исключается ответственность священнослужителя, узнавшего о преступлении на исповеди, и защитника, если о преступлении последнему стало известно при выполнении им своих профессиональных обязанностей.

2. Срок или размер наказания за преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего кодекса, если о данном преступлении было сообщено близким родственником или супругом виновного»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Хотелось бы отметить, что ст. 406 нового УК Республики Беларусь 1999 г. предусматривает ответственность за «недонесение о преступлении». Однако по ряду положений указанная норма принципиально отличается от предложенной выше формулировки.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемая работа, по сути своей, является попыткой реанимировать значимость института прикосновенности к преступлению в уголовном праве. В соответствии с этим, исследование было направлено на уяснение сущности понятия «прикосновенность к преступлению», на определение общих признаков, присущих указанным деяниям и, как следствие, на анализ отдельных видов прикосновенности, за исключением попустительства преступлению, требующего самостоятельного, серьезного и объемного исследования, которое невозможно вместить в рамки этой работы.

Рассмотрение вопроса о содержании понятия прикосновенность к преступлению предполагало отражение всех имевших место ранее учений о нем.

Проведенное исследование подводит к выводу, что прикосновенность к преступлению, как понятие, как имя рода, должно определяться совокупностью следующих признаков:

— степень общественной опасности прикосновенного деяния во многом зависит от степени общественной опасности главного преступления;

— деяния прикосновенных всегда носят умышленный характер, а значит виновность лица не ставится под сомнение;

— деяния прикосновенных могут иметь место только при наличии и по отношению к другому преступлению, совершенному другим лицом;

— прикосновенность к преступлению является таковой, если она не бала заранее обещана, т. е. поведение прикосновенных лиц не находится в причинной связи с совершаемым или уже совершенным общественно опасным деянием;

— сохраняет свое уголовно-правовое значение прикосновенность не только к преступлениям, но и к общественно опасным деяниям, совершенным невменяемым или лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

— прикосновенное поведение во всех случаях препятствует нормальной деятельности государственных органов по предупреждению, пресечению и раскрытию общественно-опасных деяний других лиц, привлечению их к ответственности, что означает неизменность объекта прикосновенности, при всем разнообразии общественных отношений, на которые посягает основное деяние.

Прикосновенность можно определить, как заранее не обещанное, умышленное, общественно-опасное, противоправное поведение, со-

здающее препятствия в деятельности по предупреждению, пресечению и раскрытию другого общественно-опасного деяния, совершаемого или совершенного другим лицом, возможное только при наличии и по поводу последнего, но причинно и виновно не обуславливающее совершение этого деяния.

Автору представилось наиболее верным признать объектом посягательства при прикосновенности к преступлению общественные отношения в сфере деятельности органов государства по предотвращению, пресечению и раскрытию преступлений, что является составной частью установленного порядка отправления правосудия.

Результаты анализа объективной стороны позволяют выделить следующие признаки, присущие всем деяниям прикосновенных лиц:

1. Прикосновенность возможна только по поводу и при фактическом существовании другого общественно опасного деяния, совершенного другим лицом.

2. Будучи деятельностью, заранее не обещанной, прикосновенность причинно не обуславливает совершения главного преступления и не является причиной его общественно опасного результата.

3. Свойством и одновременно общественно опасным результатом деяний прикосновенных является создание действительной возможности наступления общественно опасного последствия, представляющего собой нарушение нормальной деятельности соответствующих государственных органов по своевременному пресечению и раскрытию общественно опасных деяний и как следствие этого фактическое уклонение виновного от уголовной ответственности или неустановление лица, совершившего общественно опасное деяние.

Не менее важным в ходе исследования было установить характерные признаки субъективной стороны данных преступлений. Очевидно, что содержание умысла при прикосновенности должно быть шире, чем при других умышленных преступлениях, в которых в основном интеллектуальный элемент вины определяется лишь необходимостью осознавать характер собственного деяния и предвидеть, в определенных случаях, возможность наступления общественно-опасных последствий. А при прикосновенности виновный должен сознавать не только общественную опасность своего поведения, но и характер деятельности лица, совершающего основное преступление. В связи с этим значимым условием для решения вопроса об ответственности прикосновенных является их осведомленность об основном преступлении, которая определяется наличием следующих моментов:

Во-первых, степень достоверности сведений, полученных прикосновенным лицом о совершаемом или совершенном основном деянии. Достоверность подразумевает истинность сведений и соответствие их реальным фактам объективной действительности, т. е. не предположение о возможности существования того или иного общественно опасного деяния, а истинное знание и уверенность в его соответствии фактам, имеющим место в реальном мире. Признание этого критерия необходимым, фактически нейтрализует вероятность объективного вменения при оценке поведения прикосновенных.

Во-вторых, достоверность, являясь лишь качественной стороной знания, находится в прямой зависимости от количественного критерия, предполагающего осведомленность о минимально необходимом объеме сведений, достаточном для привлечения к ответственности за прикосновенность к преступлению. Этот минимум должен определяться с учетом признания существования общих признаков, присущих всем общественно опасным деяниям: они всегда совершаются человеком; имеют свое отражение в объективной действительности посредством осуществления общественно опасного действия или бездействия, причиняющего вред определенным интересам общества или государства.

Общим в субъективной стороне прикосновенности к преступлению является также то, что субъект прикосновенности сознает общественно опасный характер своего поведения и желает поступать именно так и никак иначе.

Анализ последнего элемента подвел к выводу о том, что субъектом прикосновенности может быть любое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения деяния 16-летнего возраста. При этом в большинстве случаев немаловажным условием освобождения от уголовной ответственности за прикосновенность является наличие близких родственников и супружеских связей между прикосновенным и виновным в совершении основного преступления.

В работе были рассмотрены отдельные виды прикосновенных деяний — заранее не обещанное укрывательство и заранее не обещанное несообщение о преступлении. К сожалению, вне рамок исследования остался третий вид деяний — попустительство, которое с полным основанием следует признать формой прикосновенности к преступлению.

Исследование признаков заранее не обещанного укрывательства позволило выдвинуть ряд положений, которые можно выразить следующим образом. Укрывательство — прикосновенность может быть совершено только в результате осуществления активных физических

действий, как, то: укрывательство преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем. Именно эти действия с наибольшей вероятностью ведут прикосновенного к реализации единственно значимой для него цели — укрыть преступление или преступника. В соответствии с этим, наличие указанной цели должно быть признано обязательным условием при решении вопроса об ответственности за укрывательство. Становится очевидным, что данное преступление может совершаться только с прямым умыслом.

Субъектом заранее не обещанного укрывательства является вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста. Однако, с точки зрения общечеловеческих нравственных принципов, справедливо исключение из круга виновных за это деяние тех, кто укрыл преступление, совершенное их близким родственником или супругом.

Кроме того в исследовании аргументируется необходимость расширения круга деяний, укрывательство которых должно быть уголовно наказуемо путем включения в их перечень «тяжких преступлений».

Отмеченное выше наряду с другими положениями дало основание утверждать, что заранее не обещанное укрывательство, обладающее специфическими признаками, является совершенно самостоятельным составом преступления (ст. 316 УК РФ), которое отличается от таких деяний, как, например: приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 УК РФ); убийство, совершенное с целью скрыть другое преступление (ч. 2 п. «к» ст. 105 УК РФ); дача заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ); заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) и др., признаваемых некоторыми учеными видами укрывательства.

Результаты проведенного исследования легли в основу конкретного предложения по совершенствованию соответствующей нормы УК РФ об ответственности за это деяние: «Заранее не обещанное укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений, а равно укрывательство общественно опасных деяний той же тяжести, совершенных невменяемым или лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность — наказывается лишением свободы на срок до трех лет или ...

**Примечание:**

1. Под заранее не обещанным укрывательством в настоящей статье понимаются физические действия, направленные на укрывательство

преступника, лица, совершившего общественно опасное деяние, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, и совершаемые с целью скрыть преступление (общественно опасное деяние).

2. Лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления (общественно опасного деяния), совершенного его супругом, близким родственником, лицом, состоящим с укрывшим в незарегистрированном браке и имеющим с ним общих детей, а также бывшим супругом при указанном условии».

Не меньшее внимание в работе было уделено другому виду прикосновенности к преступлению, длительный период декриминализация которого представляется серьезной ошибкой законодателя не только в силу имеющихся негативных тенденций в криминогенной обстановке в стране, но и в силу того, что подобная декриминализация создала дополнительные отрицательные моменты, а именно: исключено одно из условий снижения латентной преступности; созданы трудности в обеспечении свидетельской базы по уголовным делам; оказалась под вопросом возможность реализации принципа неотвратимости ответственности; снижается авторитет государства у той части населения, которая не приемлет такого бездействия; приобретают значение сомнительные формы стимулирования сообщений о преступлении — информирование за материальное вознаграждение, что, с моральной точки зрения не всегда можно считать оправданным. В позиции, признающей принуждение к сообщению о преступлении делом безнравственным, фактически неверно выбраны приоритеты, так как складывается положение, при котором ставится под сомнение нравственность поведения лица, сообщившего, например, об изнасиловании малолетней девочки, и оправдывается безнравственность несообщения об этом преступлении.

Анализ состава указанного бездействия лиц в свете отмеченных выше положений позволил сформулировать норму об ответственности за несообщение о преступлении, которая, остается надеется, займет соответствующее место в уголовном законодательстве. Итак, «Несообщение о достоверно известном готовящемся, совершаемом или совершенном особо тяжком преступлении, а равно несообщение об общественно опасном деянии той же тяжести, совершенном лицом, невменяемым или не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность — наказывается лишением свободы на срок до двух лет или...»

**Примечание:**

1. Лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о преступлении, совершенном его близким родственником, супругом, лицом, состоящим с несообщившим в незарегистрированном браке и имеющим с ним общих детей, а также бывшим супругом при указанном условии. Равно этому не подлежит уголовной ответственности священнослужитель, узнавший о преступлении на исповеди, и защитник, если сведения о преступлении стали известны ему при выполнении профессиональных функций.

2. Срок или размер наказания за основное преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего кодекса, если о данном преступлении было сообщено близким родственником или супругом виновного».

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

### *Нормативные правовые акты и судебные решения*

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г // Российская газета. 05.04.1995.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г // Международные пакты о правах человека. СПб. 1993.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации (принят 13.06.1996).
5. Федеральный закон от 12.08.1995 (ред. от 06.07.2016) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».
6. Положение «Об адвокатуре РСФСР» от 20.11.1980 // Судебная и правоохранительные системы. Сборник нормативных актов. М. 1996.
7. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 31.07.1962 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» // Сборник постановлений Пленумов ВС СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М. 1995.
8. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью и служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» // Сборник постановлений Пленумов ВС СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М. 1995.
9. Соборное Уложение 1649 года // Источниковедение истории СССР; под ред. И. Д. Ковальченко. М. 1973.
10. Свод законов Российской Империи. СПб. 1857.
11. Свод законов Российской Империи. 2-е изд. СПб. 1913.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собр-е 2-е. Т. XX. Отд. I. № 19283. СПб. 1846.
13. Уголовное Уложение 1903 года. Выс. утв. 22 марта 1903 года. СПб. 1903.
14. СУ. РСФСР. 1918.
15. СУ. РСФСР. 1919.
16. СЗ. СССР. 1927. № 12.
17. СЗ. СССР. 1934. № 33.

18. Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

19. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М. 1953.

20. Уголовный кодекс РСФСР. Принят 27 октября 1960 г. Официальный текст по состоянию на 1 марта 1996 года. М. 1996.

21. Французский УК 1810 г. с изменениями и дополнениями на 1 июня 1940 г. / пер. Н. С. Лапшиной; под ред. М. М. Исаева М. 1947.

22. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сборник законодательных материалов / под ред. И. Д. Козочкина. М. 1999.

23. Уголовный Кодекс Республики Беларусь (принят 24 июня 1999 г.). Минск. 1999.

#### *Научная и учебная литература*

1. Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, Наука 1968. — 188 с.

2. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. М. М. Исаева. М. 1939. — 184 с.

3. Бушуев И. А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М. 1965. — 138 с.

4. Виттенберг Г. Б., Панченко П. Н. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: учебное пособие. Иркутск 1976. — 50 с.

5. Волженкин Б. В. Новое в уголовном законодательстве. Л. 1990. — 15 с.

6. Волженкин Б. В. Отмывание денег СПб. 1998. — 39 с.

7. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб. 1999. — 299 с.

8. Волженкин Б. В. Коррупция. СПб. 1998. — 43 с.

9. Вопросы уголовного права и процесса. ВС СССР и РСФСР 1938–1978 гг. / под ред. С. В. Бородина. М. 1980. — 305 с.

10. Вышинская З. А. Уголовная ответственность за преступные посягательства на колхозное имущество. М. 1959. — 148 с.

11. Вышинская З. А., Утевский Б. С. Практика применения законодательства по борьбе с хищениями социалистического имущества. М. 1954. — 152 с.

12. Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М. 1940.
13. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар. 2000. — 198 с.
14. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар. 1999. — 445 с.
15. Гамкрелидзе О. К. Вопросы реформы уголовного законодательства. Тбилиси. 1989. 101 с.
16. Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М. 1959. — 255 с.
17. Захожий Л., Гонтарь И. Ответственность за укрывательство и недоносительство о преступлении. М. 1983.
18. Исаев М. М. Советское уголовное право в период Великой Отечественной войны. Ч. II. М. 1948.
19. Кенни К. Основы уголовного права / пер. Калининской В. И.; под ред. Никифорова Б. С. М. 1949. — 600 с.
20. Кларк Р. Преступность в США М. 1997. — 154 с.
21. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Свердловск. Ч. 1, 1960. — 288 с., Ч. 2, 1962. — 275 с.
22. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург. 1999. — 203 с.
23. Косякова Н. С. Неотвратимость ответственности. Смоленск. 1999. — 251 с.
24. Крылова Н. Е. Основные черты уголовного кодекса Франции. М 1994. 124 с.
25. Кузнецов В. А. Борьба с преступным приобретением и сбытом имущества. Киев. 1970.
26. Кузнецова Н. Ф., Вельцель Л. Уголовное право ФРГ М. 1980. — 214 с.
27. Уголовный кодекс Испании / под ред. Кузнецовой Н. Ф.; пер. Зыряновой В. Г. и Шнейдер Л. Г. М. 1998. — 213 с.
28. Кузнецова Н. Ф. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть. М. 1991. — 287 с.
29. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб. 2000. — 316 с.
30. Немировский Э. Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса. 1919.
31. Нерсесян А. А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США. М. 1992. — 246 с.
32. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. 1952.

33. Окладников А. П. Совершенствование закона об ответственности за недонесение о наиболее тяжких преступлениях. Омск. 1983.
34. Панченко П. Н. Преступное попустительство. Уч. Пособие. Иркутск. 1976. — 98 с.
35. Пионтковский А. А. Уголовное право. М. 1925.
36. Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербах и Фихте. Ученые труды ВИЮН. Вып. 1. М. 1940.
37. Познышев С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. Общая часть М. 1923.
38. Примерный уголовный кодекс США — официальный проект института американского права / под ред. Никифорова Б. С.; пер. Никифорова А. С. М. 1969.
39. Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов. 1981.
40. Разгильдиев Б. Т., Мыльников С. Квалификация за ранее не обещанное укрывательство. Саратов. 1983.
41. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. М. 1978. — 104 с.
42. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. Лекция для студентов ВЮЗИ. М. 1957. — 55 с.
43. Решетников Ф. М. В кн.: Уголовное право буржуазных стран. Вып II. М. 1966.
44. Русская философия права: философия веры и нравственности: антология / под общей редакцией Сальникова В. П. СПб. 1997. — 398 с.
45. Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л. 1957.
46. Современное зарубежное уголовное право: в 3 томах / пер. Либермана С. Л.; под ред. Пионтковского А. А. — Т. 1. М., 1957. — 634 с.; Т. 2. М., 1958. — 549 с.; Т. 3. — М., 1961. — 759 с.
47. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М. 1996. — 301 с.
48. Тарарухин С. А. Социалистическая собственность неприкосновенна. Киев. 1963.
49. Тишкевич И. С. Борьба с преступностью долг каждого гражданина. М. 1973.
50. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. Даль В. Т. М. 1935. — 317 с.
51. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М. 1951. — 388 с.

52. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. 1941. — 160 с.
53. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М. 1957. — 363 с.
54. Утевский Б. С. Соучастие в преступлении. Юр. Издат. НКЮ СССР М. 1939. — 20 с.
55. Утевский Б. С. Соучастие по проекту УК СССР. Труды первой научной сессии Всесоюзного института юр. Наук. Юр. Издат. НКЮ СССР. М. 1940. — 161 с.
56. Хабибулин М. Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань. 1975.
57. Хабибулин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань 1984. — 135 с.
58. Хрулинский-Бурбо Р. А. Против института прикосновенности в теории советского уголовного права. Ученые записки Саратовского юр. института им. Курского Д. И. Саратов 1952. — 169 с.
59. Чхиквадзе В. М. О необходимости создания Военно-уголовного кодекса Союза ССР. Изд. ВЮА. М. 1947.
60. Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право. Юр.издат Мин.юст СССР. М. 1948. — 220 с.
61. Шаргородский М. Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. Юр. Изд. НКЮ СССР. М.1945.
62. Шаргородский М. Д. Вопросы общей части уголовного права в практике. ВС СССР Л. 1955. — 256 с.
63. Швеков Г. В. Первый советский УК М.1970.
64. Шнейдер М. А. Советское уголовное право. Соучастие в преступлении. Учебное пособие. М.1962. — 67 с.
65. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М. 1958. — 98 с.
66. Эйдельман Н. Я. Из потаенной России XVIII–XIX вв. М. 1993. — 475 с.
67. Юридический словарь. 2-е издание. М.: Гос. юр. издат., 1956.
68. УК РСФСР. Научно-практический комментарий / под ред. Ковалева М. И. Свердловск. 1964. — 510 с.
69. Уголовное право. Часть особенная: учебник / под ред. М. И. Ковалева. М. 1969. — 511 с.
70. Уголовное право. Часть общая: учебник / под ред. М. И. Ковалева. М. 1997. — 503 с.

71. Советское уголовное право. Часть общая: учебник / под ред. М. И. Ковалева. Свердловск. 1972. — 328 с.
72. Советское уголовное право. Часть особенная: учебник / под ред. М. И. Ковалева. М. 1983. — 479 с.
73. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Кригер Г. А., Кузнецовой Н. Ф., Ткачевского Ю. М. М. 1988. — 367 с.
74. Советское уголовное право. Особенная часть / под ред. Кригер Г. А. М. 1982. — 471 с.
75. Советское уголовное право. Общая часть: под ред. Кригер Г. А. М. 1981. — 517 с.
76. Преступление и наказание. Комментарий к проекту УК России / под ред. Кузнецовой Н. Ф. М 1993. — 301 с.
77. Комментарий к УК РФ / под ред. Кузнецовой Н. Ф. М. 1998.
78. Уголовное право. Общая часть / под ред. Кузнецовой Н. Ф. М. 1993. 366 с.
79. Научно-практический комментарий к УК РФ / под общей ред. Панченко П.Н. Т. 1–2. Н. Новгород. 1996. — 622 с.
80. Курс советского уголовного права. 6 томов / под общей ред. А. А. Пионтковского. М. 1970–71.
81. Советское уголовное право. Часть особенная: вып. 1 / под ред. Тихенко С. И. Киев. 1951.
82. Утевский Б. С. Уголовное право. 2-е изд. М. 1950. — 280 с.
83. Утевский Б. С. Советское уголовное право. Особенная часть. М. 1958. — 455 с.
84. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Чхиквадзе В. М. М. 1952. — 464 с.
85. Курс советского уголовного права. В 5 томах / под общей ред. Шаргородского М. Д. Л. 1968–70.
86. Комментарий к УК РСФСР / под ред. Шаргородского М. Д. Л. 1962.
87. Советское уголовное право. Часть общая / под ред. Шаргородского М. Д. Л. 1960. — 587 с.
88. Советское уголовное право. Часть особенная / под ред. Шаргородского М. Д. М. 1962. — 478 с.
89. Советское уголовное право / под ред. Меньшагина Б. Д. и Вышинской З. А. М. 1950. — 520 с.
90. Комментарий к УК РФ / под общей ред. Скуратова Ю.И. и Лебедева В. М. М. 1996. — 815 с.

91. Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. Кругликова Л. Л. и Тенчова Э. С. Ярославль. 1994. — 671 с.

92. Криминология / под общей ред. Сальникова В. П. и Бурлакова В. Н. СПб. 1998. — 573 с.

93. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Здравомыслова Б. В. М. 1993. — 549 с.

94. Уголовное право. Общая часть / под ред. Здравомыслова Б. В., Красикова Ю. А., Рарога А. И. М. 1994. — 535 с.

95. Уголовное право. Особенная часть. В 2-х частях / под ред. Беяева Н. А., Водяникова Д. Н., Орехова В. В. СПб. 1995.

96. Уголовное право. Общая часть / под ред. Здравомыслова Б. В. М. 1996. — 509 с.

97. Уголовное право Российской Федерации; учебное пособие / под ред. Сальникова В.П. СПб. 1997. — 181 с.

#### *Статьи и монографии дореволюционных юристов*

1. Белогриц-Котляровский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев 1903. — 620 с.

2. Витт В. Екатерина II как криминалистка. СПб. 1909. — 126 с.

3. Владимирова Л. Е. Курс уголовного права. Ч. 1. М. 1908. С. IX.

4. Владимирова Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков. 1889. — 253 с.

5. Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. М. 1898.

6. Жиряев А. С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт. 1850. — 147 с.

7. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев. 1882. — 930 с.

8. Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении. М. 1881. — 211 с.

9. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. 1867. — 662 с.

10. Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права: конспект. СПб 1875 г. — 192 с.

11. Неклюдов Н. А. Руководство по особенной части русского уголовного права. СПб. 1887.

12. Полетаев Н. Прикосновенность к преступлению. Ж.М.Ю. Т. XIV. 1862.

13. Пржевальский В. В. Проект Уголовного уложения и современная наука уголовного права. СПб. 1897. — 104 с.
14. Северский Я. Г. Особенная часть русского уголовного права. СПб. 1892.
15. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. Посмертное издание исправленное и дополненное Трегубовым. (СПб. 1908) 1915.
16. Спасович В. Д. Учебник русского уголовного права. СПб. 1863. — 432 с.
17. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Кн. 1, 2, 3. СПб. 1874–1880.
18. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. 2 тома. М. 1994.
19. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб. 1914.
20. Фейербах А. Уголовное право: учебник СПб. 1810. — 330 с.
21. Фельдштейн С. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль. 1909.
22. Фойницкий И. Я. Укрывательство вещей, добытых преступлением // Суд. Вестник 1873. №№ 221–223.

#### *Статьи*

1. Александров Г. Ответственность недоносителей по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г // Соц. законность 1950. № 7.
2. Авдеева М. Проблемы социалистического права // Соц. Законность. 1938. № 6.
3. Акутаев Р. М. Некоторые аспекты борьбы с искусственно-латентной преступностью // Государство и право. 1999. № 3.
4. Акутаев Р. М. К вопросу о методах измерения латентной преступности // Государство и право. 1998. № 7.
5. Алексеев Б. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Сов. юстиция 1962. № 20.
6. Бастрикин А. И. Борьба с организованной преступностью в США // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 1992. № 3.
7. Блум М. Ответственность за укрывательство и недонесение по уголовным кодексам союзных республик // Ученые записки Латышского университета, т. 44, юр. Науки. Рига. 1962.

8. Василец В. Уголовная ответственность по делам о хищениях // Соц. законность 1952. № 6.
9. Васильев А. А. Ответственность недоносителей по указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 // Соц. законность. 1950. № 11.
10. Вестник советской юстиции. 1927. № 3.
11. Волженкин Б. В. Пояснительная записка к модельному уголовному кодексу для государств участниц СНГ // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 1996. № 1. С. 88–90. Модельный УК государств участников СНГ (в разработке принимали участие: Волженкин Б. В. Милюков С. Ф., Кузнецова Н. Ф. Устинов В. С.
12. Волженкин Б. В. К вопросу о понятии должностного лица, как субъекта должностных преступлений // Государство и право. 1991. № 1.
13. Гамкрелидзе О. К. Укрывательство преступления, совершенного близкими родственниками // Новая Конституция и актуальные проблемы борьбы с преступностью. Тбилиси. 1979.
14. Гаранина М. А. Вопросы совершенствования норм и преступлений против правосудия // Вестник МГУ. Серия право. 1994. № 3.
15. Гелашвили В. С. О заранее не обещанном укрывательстве родственниками виновного // Вестник МГУ. Серия право. 1980. № 1.
16. Гольдинер В. К вопросу о соучастии в советском уголовном праве // Соц. законность 1939. № 1.
17. Горелик И. Ответственность недоносителей по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. // Соц. законность 1950. № 12.
18. Гринберг М. С. Природа и суть агрессивного равнодушия // Государство и право. 1999. № 2.
19. Гринберг М. С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. 1993. № 1.
20. Гришанин П. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Сов. юстиция 1975. № 15.
21. Гродзинский М. Новый УК РСФСР // Вестник юстиции 1927. № 15.
22. Дурманов Н. Д. Наказуемость хищений государственного и общественного имущества, кражи личного имущества и разбоя по Указам от 4 июня 1947 г. // Соц. Законность. 1947. № 10.
23. Дурманов Н. Д. Вопросы соучастия в судебной практике ВС СССР // Соц. законность. 1947. № 8.

24. Дурманов Н. Д. Меньшагин В. Д. Преступления против порядка управления. Уголовное право. Особенная часть. М. 1938. (рецензия) // Сов. государство и право. 1939. № 2.
25. Змиев Б. Уголовное право. Часть общая. В кн. 1 из комиссариата юстиции. Автон. Татарской Соц. Сов. Респ. Казань. 1923.
26. Еженедельник советской юстиции. 1926. № 39.
27. Иванов И. К разработке проектов кодексов // Соц. Законность 1947.
28. Илюхин В. Некоторые вопросы ответственности за недоносительство. Сов. Юстиция 1980. № 7.
29. Исаев М. М. О наказуемости родственников. Укрывательство и недоносительство // Сов. право 1924. № 1.
30. Ковалев М. И. Казаченко И. Я. Уголовное законодательство Канады о преступлениях против государства // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 1992. № 1.
31. Ковалев М. И. К вопросу о прикосновенности к преступлению в законодательстве и теории уголовного права // Вопросы кодификации советского законодательства. Свердловск. 1957.
32. Кокшарев С., Горелин А. Субъект лжесвидетельства и недоносительства // Сов. юстиция 1979. № 17.
33. Криволапов Г. Отграничение приобретения или сбыта имущества заведомо добытого преступным путем, от соучастия и укрывательства преступлений // Сов. юстиция 1968. № 9.
34. Кригер Г. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство // Сов. юстиция 1966. № 6.
35. Крылова Н. Е. Новый УК Франции: особенная часть // Вестник МГУ. Серия право. 1995. № 2.
36. Кузнецова Н. Ф. Об одной дискуссионной работе // Вестник МГУ. Серия экономики, философии и права. 1958. № 1.
37. Кузнецова Н. Ф. Вопросы советского уголовного законодательства (общ. часть) // Вестник МГУ. Серия право. № 4 1991. № 4.
38. Кузнецова Н. Ф. Историко-сравнительный анализ неоконченного преступления и соучастия // Вестник МГУ. Серия право. № 5 1993. № 5. С. 34–37.
39. Кузьмин В. И. Объект халатности, проявляемой в сфере торговли // Проблемы борьбы с преступностью. Омск. 1979.
40. Лаптев А. Прикосновенность к преступлению // Сов. юстиция. 1941. № 3.
41. Лаптев А. Соучастие по советскому уголовному праву // Сов. юстиция. 1938. № 23–24.

42. Ларин А. М. Преступность и раскрываемость преступлений // Государство и право. 1999. № 4.
43. Лунеев В. В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5.
44. Лунеев В. В. Коррупция учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8.
45. Меркушев М. Ответственность за укрывательство // Соц. законность. 1955. № 1.
46. Меньшагин В. Д. К вопросу о соучастии и стадиях развития по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Вып. 3. Ашхабад 1943.
47. Миньковский Г. М., Ревин В. Г., Барина Л. В. Концепция проекта федерального закона «Об основах предупреждения преступлений» // Государство и право. 1998. № 3.
48. Мишунин П. Г. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве // Соц. законность. 1956. № 11.
49. Мишунин П. Г. Ответственность недоносителей по указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 // Соц. законность. 1952. № 11.
50. Монахов Н. А. О социобиологических механизмах формирования антиобщественного поведения молодежи // Сов. государство и право. 1989. № 8.
51. Нарбутае Э. Укрытие преступлений // Соц. законность 1991. № 11.
52. Наумов А. В. Уголовный закон и права человека // Сов. Государство и право. 1990. № 1
53. Невельский Н. Ответственность за укрывательство по делам о хищениях соц. собственности // Соц. законность. 1950. № 11.
54. Носкова Н. Квалификация недонесения о преступлении // Сов. юстиция. 1971. № 5.
55. Ошеров В. Н. Преступная группа, шайка-банда и сообщничество-организация (по УК) // Право и жизнь. 1924. Книги 7 и 8.
56. Павлиашвили И. Ответственность за укрывательство по делам о хищениях соц. собственности // Соц. Законность. 1951. № 5.
57. Панченко П. Н. Некоторые уголовно правовые вопросы попустительства // Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск. 1971. Вып. 11. Ч. 4.
58. Плюшков А. Еженедельник советской юстиции. М. 1922. № 39–40.

59. Попыташвили В. Соучастие в хищении соц. собственности и недоносительство о хищении // Соц. законность 1952. № 9.
60. Радунцева П. Г. Об определении понятия прикосновенности // Труды Омской ВШ милиции. Вып. 14. Омск. 1973.
61. Рашковская Ш. С. Правосудие под охраной уголовного закона // Труды ВЮЗИ. Т. XVI. Ч. II М. 1970.
62. Сапожников И. Ответственность недоносителей по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. // Соц. законность 1950. № 12.
63. Сахаров А. Носкова Н. Преступления против правосудия. Соц. законность. 1987. № 11.
64. Сичкаренко А. Несообщение о преступлении: уголовно-правовая характеристика // Уголовное право. 2016. № 6.
65. Солопанов Ю. В. Об ответственности за недонесение о готовящемся или совершенном преступлении // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 1989. № 1.
66. Статкус В. Ф. Раскрытие преступлений — важнейшее средство борьбы с преступностью // Государство и право. 1998. № 4.
67. Трайнин А. Н. Ответственность за недонесение // Соц. законность. 1939. № 1.
68. Чельцов-Бебутов М. А. УК РСФСР (22 XI 1926 г.) Вестник советской юстиции. 1927. № 3.
69. Чхиквадзе В. О вреде, причиненном А. Я. Вышинским развитию советской юридической науки // Соц. законность. 1991. № 9.
70. Шалыгин Н. А. Юридическая природа укрывательства преступлений по советскому уголовному праву // Труды ВЮЗИ. Т. 60. М. 1978.
71. Шарапов Р. Д. К вопросу о бездействии в уголовном праве // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 1998. № 3.
72. Яблоновский Я. Е. Недонесение о грядущем преступлении // Вестник советской юстиции. 1926. № 11.
73. Якубович М. и Мариупольский А. Ответственность недоносителей по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. // Соц. законность. 1951. № 5.

#### *Авторефераты и диссертации*

1. Акутаев Р. М. Криминологический анализ латентной преступности: дисс... докт. юрид. наук. СПб. 1999. — 358 с.

2. Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. М. 1966. — 27 с.
3. Васильев А. Н. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества: дисс... канд. юрид. наук. М. 1952. — 186 с.
4. Евдокимов П. К. ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. Л. 1953. — 16 с.
5. Журавлев С. Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: автореф... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 1992. — 18 с.
6. Ковалев М. И. Уголовная ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. М. 1952. — 15 с.
7. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: автореф... докт. юрид. наук. Казань. 2000. — 48 с.
8. Матышевский П. С. Ответственность за хищение социалистической собственности по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. Киев 1952. — 15 с.
9. Новичков В. Е. Применение уголовно-правовых норм, поощряющих или обязывающих граждан оказывать помощь правоохранительным органам: автореф... канд. юрид. наук. М. 1991. — 20 с.
10. Носкова Н. А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. М. 1971. — 28 с.
11. Омаров А. С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. М. 1954. — 15 с.
12. Панченко П. Н. Борьба с попустительством преступлениям по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. Иркутск. 1973. — 23 с.
13. Раал Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. Тарту. 1956. — 20 с.
14. Радунцева Н. Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство: автореф... канд. юрид. наук. М. 1980. — 18 с.
15. Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблему прикосновенности к преступлению: автореф... канд. юрид. наук. М. 1979. — 19 с.

16. Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву: автореф... канд. юрид. наук. Л. 1954. — 13 с.
17. Трифонов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: дисс.... канд. юрид. наук. СПб. 2000. — 177 с.
18. Шур Г. М. Недоносительство: дисс... канд. юрид. наук. М. 1949. — 219 с.
19. Щедрина А. К. Охрана личной собственности граждан по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»: дисс... канд. юрид. наук. М. 1952. — 256 с.

Научное издание

**Трифонов Виктор Георгиевич,**  
*кандидат юридических наук, доцент*

**ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОЕ УКРЫВАТЕЛЬСТВО  
ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НЕСООБЩЕНИЕ О НИХ  
КАК ВИДЫ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ**

Монография

*Печатается в авторской редакции*

Корректор *Фролова А. В.*  
Компьютерная вёрстка *Фролова А. В.*

---

Подписано в печать 20.11.2017. Формат 60×84<sup>1/16</sup>  
Печать цифровая. Объем 9,25 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 63/17

---

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России  
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1